
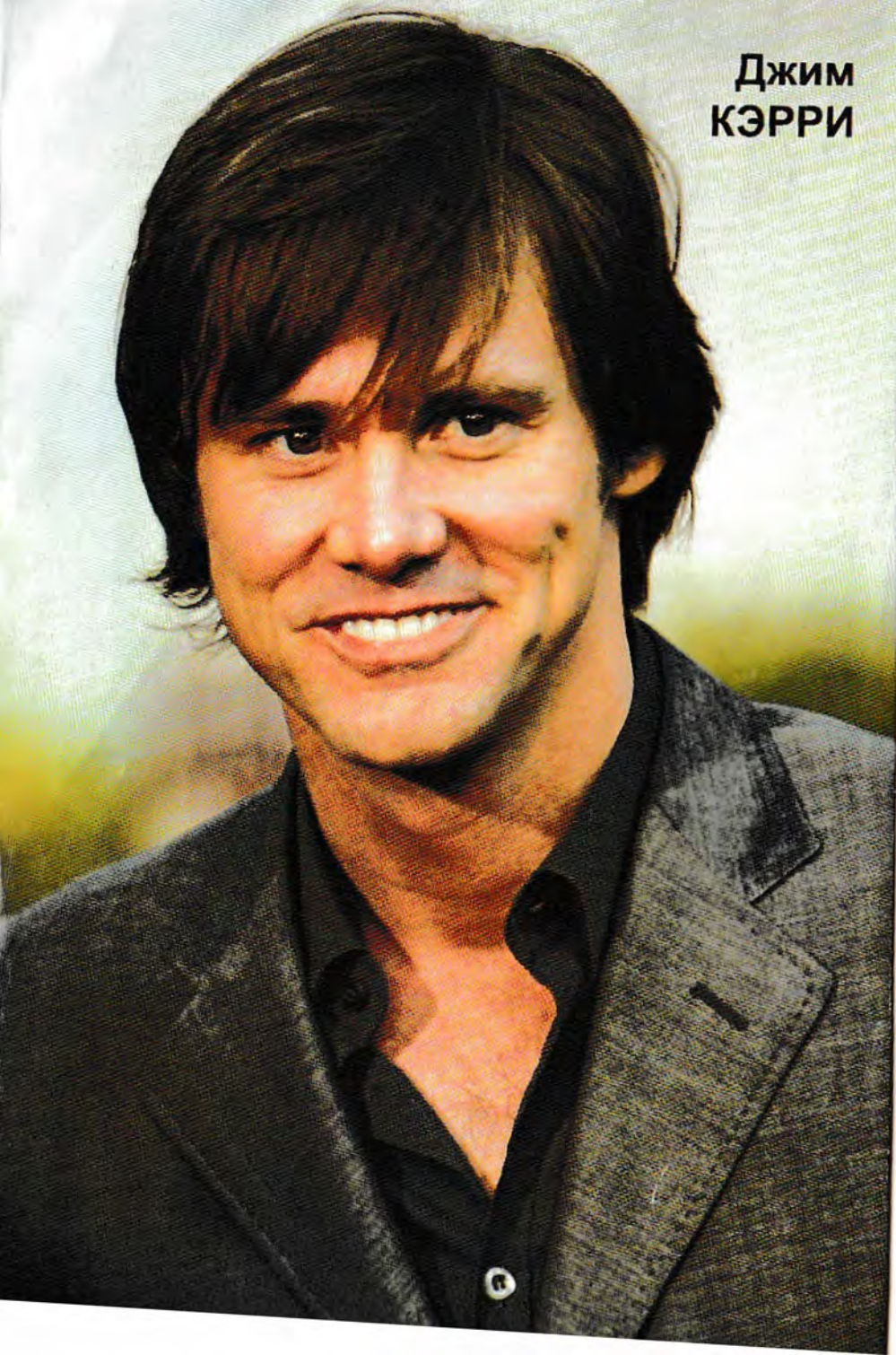

5-6/2004

MbI

Джим
КЭРРИ

Мы

5-6/2004

Основан в 1990 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для подростков**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 24.05.2004 г.
Подписано в печать 14.06.2004 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 8680 экз. Заказ № 3665.

ГП Московская типография № 13
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.
E-mail: type@printshop13.ru
http://www.printshop13.ru
© «Мы», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Людмила Абаева.
В библейском небе. Стихи 39
Альфия Камалова. «Стрелка»
на школьном дворе. Повесть 9

■ ПРОБА ПЕРА

Нина Кузьмина.
Дождь над городом. Рассказ 42
Повторение пройденного,
или Несколько слов о рассказе
«Дождь над городом» 59

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта.
Зачем убивать сестру, или
Мозги нужно проветривать.
О письме семнадцатилетней
читательницы размышляет
журналист Алексей Будкин 63
Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Джим Кэрри:
«Если меня не остановить,
я смогу сыграть всё» 75

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Сергей Демкин. Пророк, увидевший
наше тысячелетие 104

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Новости виртуального мира,
или Во что бы нам сыграть? 114
Мозаика 120
Ищу друга 125

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Юрий Лоза:
«Вчерашними котлетами
не питаюсь!» С певцом беседует
журналист Сергей Соседов 151
Компакт-известия 144

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора.
Играем в мисс Я. 128

ОР

90

ПИСЬМА В «МЫ»

...МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ ДРУГ ДРУГА, ЧТОБ ЗАПОЛНИТЬ ПУСТЫЕ МЕСТА...

Давненько хотел вам написать, но всё как-то конкретного повода не было. А сегодня посетил библиотеку, и больше молчать не могу, почти как Толстой. Принес я из библиотеки кучу ваших последних номеров (кроме грязных и пошлых «современных детективов», в библиотеке ничего нет, так что особой альтернативы у меня не было). Разложил журналы на столе и начал их читать по порядку (жаль, не все подряд, многие номера, как сказала библиотекарь, уже украл). Сделал множество выводов для себя о жизни «современной молодежи». Больше всего мне запомнилась история о том, как патриотически (или идиотически?) настроенная девушка Ксюша променяла свою невинность на возможность поднять национальный флаг над родной школой (это было опубликовано в одном из старых номеров). Неплохо! Но я захотел написать не об этом. Поводом для этого письма послужила идея девушки Кати, предложившей откликнуться всем, кто когда-либо заводил себе друзей по переписке через журнал «Мы», и рассказать, что из этого вышло. Вот об этом моя история.

Началось всё с того, что, когда мне в руки впервые попал ваш журнал, я обратил внимание на объявления о знакомствах и решил попробовать написать вам о себе. Я отправил письмо и совершенно забыл о нем. И вдруг мне стали приходиться стопки писем от совершенно непонятных девчонок со всей России и СНГ. Я долго не мог сообразить, что, собственно, происходит, пока мне не написала одна девушка почти с соседней улицы. Она мне поведала, что вы, оказывается, поместили мое объявление!

Ну вот, мне приходили целые горы писем из городов и деревень, написанные будто под копирку. Краткое содержание типичного письма: «Привет. Меня зовут Маша, я жутко красивая, у меня много друзей, мы ходим на дискотеку. Я обожаю группы "Руки вверх!" и "Иванушки интернейшенл". Напиши мне, буду ждать ответа, как соловей лета». Последняя присказка повторялась почти в каждом письме. А я как раз читал в вашем журнале письмо, автор которого никак не мог «себя выразить», не хотел «быть, как все». Так и хочется сказать тому парню с Урала: «Дружок, как среди этих людей можно испытывать проблемы с самовыражением? Они же все такие одинаковые, что прыща на носу достаточно,

чтобы тебя заметили». Я не люблю дешевых трюков вроде иронической усмешки, предпочитаю оценивающий взгляд. Вид при этом не такой глупый, но любой понимает, что ты о нем думаешь.

Я выбрал из своей обильной почты всех девчонок с московской пропиской и познакомился с ними для порядка. Получилось очень странно: всем им либо я не нравился, либо они чем-то не устраивали меня. Многие относятся к астрологии как к несерьезному развлечению, я же придерживаюсь иного мнения. Люди некоторых знаков ни при каких условиях не могут быть близки. Например, Львы и Близнецы. Другая причина моих скорых расставаний — непереносимость вредных привычек у девушек. Девушка не должна курить, это неправильно с любой точки зрения. Полагаю, со мной многие парни согласятся. Мои родители разрешают мне все что угодно под девизом «в жизни всё нужно попробовать», но у меня нет никаких вредных привычек по личным идейно-финансовым соображениям.

Когда поток московских девчонок поредел, я решил выбрать себе лучшую подругу для переписки из далёкого далека. Таким совершенством показалась Лена из Свердловской области. Искать подругу поближе, в Питере или Ростове, где у меня есть родичи, ума мне в тот момент не хватило. Эта Лена поразила меня огромным письмом, написанным каллиграфическим почерком, и красивыми словами о романтической любви. В то время я еще не знал, что

у большинства девчонок из провинции «любовь» — единственное развлечение. Я стал переписываться с ней. Всем остальным я физически ответить не мог. Я отдавал письма своим приятелям, и они, кажется, кому-то отвечали.

Сначала все шло хорошо и весело, мы с этой Леной обсуждали разные интимные темы и получали от этого удовольствие. Постепенно мне стало казаться, что она самая лучшая и что я ее люблю. Я начал мечтать о том, как заберу ее к себе, как мы поженимся и всё такое. Шло время. Она рассказывала мне о своих приятелях, которые у нее менялись не реже раза в месяц. Я наивно думал, что раз любит она меня (в чем она меня на полном серьезе уверяла), то ни с кем другим ничего серьезного делать не станет. Прошло целых три года. Мне казалось, я знаю о ней все. По ее просьбе я познакомил своего приятеля Сергея с ее сестрой Таней. Получилась довольно веселая компания.

Мы за эти годы пересылали несколько раз аудиокассеты и фотографии без счета, а потом решили с Сергеем снять для наших подружек видеофильм «Про нашу жисть». Мы объехали с видеокамерой половину Москвы, смонтировали кучу сюжетов, прокомментировали их в импровизированной студии, созданной в моей квартире, получившемуся продукту могли бы позавидовать даже телевизионщики. И вот когда мы уже собирались отправиться на почту с нашей видеокассетой, пришло откровенное письмо от Та-

нюши. Она признавалась, что изменяла Сергею буквально один раз, это случилось случайно на хате у одного парня лет тридцати, что она вообще-то не хотела вступать с ним в интимную связь, но потом ей понравилось. Она также уточняла, что, несмотря на этот досадный инцидент, у нее гораздо более невинный облик, нежели у сестренки Лены, которая, между прочим, спит с кем попало.

Мой приятель Сергей в кратких матерных выражениях объяснил свое отношение к этой истории и с достоинством удалился. Я был ошарашен – чего-чего, но такого от той, кому доверял больше всех на свете и даже в некоторых местах любил, я не ожидал. Я вложил в видеокассету краткую записку с просьбой больше мне не писать и отправил в Свердловскую область.

Эти мои вполне нормальные действия произвели эффект разорвавшейся бомбы. Лена, наверное, плохо представляла, с кем переписывалась всё это время, а когда всё оборвалось, начала кусать локти. Сначала она закидывала меня возмущенными письмами на тему: «я не понимаю, в чем ты меня обвиняешь, я же люблю тебя, а ЭТО делают все». Потом стали приходить послания с мольбами о прощении. Дошло до того, что на зимние каникулы она приглашала меня к себе в общежитие «весело провести время». Тут надо заметить, что ей некоторые льготы позволили поступить в один из не слишком престижных екатеринбургских вузов, а я к тому моменту уже

успел один раз успешно куда-то не поступить и подрабатывал курьером. По долгу службы мне частенько приходилось бывать на различных московских вокзалах, и расписание поездов дальнего следования я знаю почти наизусть. А теперь представьте картину: зима, вечер, медленно падает снег, и я стою на краю платформы, провожая взглядом удаляющийся поезд на Свердловские. Романтика! «Всё, вот и кончился солнечный цикл. На манжеты ложится белой запонкой снег, превращаясь в бриллианты в ночном фонаре. Как богата ты, осень, как добра ты ко мне...» Я никогда не прощаю предателей, и от этой Лены мне больше вообще ничего не хотелось, хотя я, конечно, пострадал пару месяцев для порядка.

Так смешно завершилась моя первая история о переписке. После этого я познакомился с другой девушкой по имени Марина, проживающей в Московской области. Вторая история намного короче. Мы с ней обменивались посланиями на тему непознанного, о разных призраках, инопланетянах, пытались понять Нострадамуса и гадать на картах Таро. По сравнению с Леной, для которой существовало только одно развлечение – «любовь» (не обязательно секс, главное – романтические бредни), эта девушка на первых порах показалась мне интересней. А потом мы встретились, и нам оказалось просто не о чем поговорить. То есть мы совершенно не знали, что сказать друг другу. По этому поводу у Бориса Гре-

бенщикова есть отличная песня, в ней такие слова: «...мы используем друг друга, чтоб заполнить пустые места, я дал тебе руку, но рука осталась пуста...» Хотя, пожалуй, я ничего не требовал от Марины, мы просто «расстались друзьями», поняв, что не слишком-то совместимы. Но из моей второй истории можно сделать интересный вывод, что при переписке человек может представить себя в одном свете, а на деле оказаться совершенно другим.

Потом неожиданно началась моя третья история на заданную тему. Был момент, когда мне уже совершенно расхотелось жить, когда я совершенно разочаровался и в людях и в идеях. И в это время мне неожиданно написала девушка совершенно иного склада. Прочитав ее письмо, я подумал, что Бог наполнил мое единственное желание – встретить девушку, подходящую мне по всем параметрам. Представьте себе ситуацию: я уже готов наложить на себя руки от безысходности, и вдруг появляется девушка, которая испытывает нечто подобное и которой нужен именно я. Скажете, совпадение? А самое интересное то, что она мне подходит просто идеально, мы прямо как части единого целого. Есть такая сказочка о том, что все люди – половинки и в жизни ищут свою вторую часть. Я начал в это верить. Её внешность, увлечения, музыка, которую она слушает, её желания – всё будто срисовано из моей мечты. Она совершенно другая, не похожая на тех, кого я встречал раньше. Я не могу её не любить, как не

смог бы не полюбить свой идеал в чем-то другом. Хотя мне сложно представить что-то более важное.

Эта любовь не такая, как у «романтичной» Лены, готовой повиснуть на первом встречном, а настоящая. Я имею в виду, что только в единстве с ней я могу достигнуть полной гармонии. Наверное, не стоит пересказывать античные философские учения, люди, окончившие Литературный институт, должны иметь представление о них. Мне хочется сказать о другом. Я очень благодарен вам за то короткое объявление в «Мы», оно изменило мою жизнь. Спасибо вам.

На этом всё. Благодарен, если вы прочитали это длинное и скучное письмо.

Андрей
Москва

От редакции. Правда, друзья, замечательное письмо? Особенно оно приятно тем, что молодой человек, в определенный момент разочаровавшись в жизни, не потерял чувства юмора, некой доброй иронии по отношению и к себе, и к другим. Мы рады, что нашлась девушка, которую он считает своей «второй половинкой». Пока им хорошо вместе, а что будет потом – будущее покажет. Не будем загадывать. Бывают же, по словам Бориса Пастернака, «судьбы скрещенья»...

А вот то, что он пишет о содержании писем, которые ему приходили, – очень грустно. Ну действительно: кого может заинтересовать письмо от девуш-

ки, похожее на сотни других писем? Скажите, девушки: почему вы, в жизни все такие разные, неповторимые, пишете о себе как под копирку? Каждая из вас ведь считает себя умной и интересной. А вот написать две странички, которые бы заинтриговали парня, дали бы ему понять, какая вы есть на самом деле, — не можете? Где же ваша индивидуальность, неповторимость, очарование? Это большой вам минус. Девушка всегда должна быть в чем-то загадкой для мужички, хотя бы и очень юного. А если он видит, что ты проста, как пробка от пивной бутылки, — интереса к тебе у него не будет. Тем более «по переписке».

Подумайте над этим, представительницы прекрасного пола!

СТОИТ ЛИ ОПРАВДЫВАТЬСЯ?

Мне шестнадцать лет. Я пишу в рубрику писем, и все, наверное, догадались, что дальше последует очередная история любви. Очень хорошо начавшаяся и так плохо закончившаяся...

А началась она, действительно, просто прекрасно. Месяц назад я встретила парня, который понравился мне с первого взгляда, да и я ему, видимо, тоже (девчонка я симпатичная, скажу без ложной скромности). Познакомились мы с Андреем на дискотеке. Он несколько раз приглашал меня танцевать, а потом сказал, чтобы я обязательно пришла на следующую дискотеку — он будет меня ждать. Андрей — очень красивый

парень, он на три года старше меня, за ним бегают немало девчонок, и мне было приятно, что он проявил ко мне интерес.

На следующую дискотеку я пришла не одна, а с двумя моими лучшими подругами, Мариной и Аленой. Андрей уже ждал меня, пригласил танцевать. После танца я подошла к подругам. Аленка сказала, что очень за меня рада, и поздравила меня, сказав, что Андрей — парень что надо. А Марина ничего не сказала, только посмотрела на Андрея жадным взглядом. Тут бы мне насторожиться, но я тогда не придавала этому никакого значения.

И вот мы с Андреем начали встречаться. Он был очень нежен со мной, веселил меня своими выходками. В его объятиях мне было очень хорошо и спокойно. Он не тащил меня в постель, всё понимал. Я была уверена, что мы любим друг друга и у нашей любви — большое будущее. На всю жизнь. Он захотел познакомиться с моими родителями, и я их познакомила. Отец и мать одобрили мой выбор и разрешили мне с Андреем встречаться. Я была так счастлива!

Но всё кончилось. Поводом для нашего разрыва был случай, на мой взгляд, просто пустячный. На одной из дискотек меня пригласил потанцевать мой одноклассник Стас. Многие знали, что он влюблен в меня с седьмого класса. Он неплохой парень, но никогда мне не нравился, мне было просто его жаль. Конечно, если бы я могла предполагать, что Андрей так прореагирует на то, что я пошла с ним танцевать,

я бы никогда на это не согласилась. А я согласилась.

Андрей, увидев, что я танцую со Стасом, повернулся и ушел с дискотеки. Я ничего не могла понять. На следующее утро я позвонила ему и спросила – что случилось? А он холодно ответил, что между нами всё конечно, и бросил трубку. Я была просто ошарашена – ведь никаких причин так себя вести я не видела. Я сказала родителям, что у меня очень болит голова, не пошла в школу. Осталась дома одна и целый день проредела в подушку. А после уроков ко мне пришла Аленка – узнать, что со мной случилось, почему я не была на уроках. Увидела, в каком я состоянии, и «выбила» из меня правду – я ничего не хотела рассказывать. А потом она сказала: «Знаешь, я ничего не стала бы тебе передавать, а теперь расскажу». И рассказала. Оказывается, Марина сказала ей, что скоро Андрей меня бросит и будет ходить с ней. Оказывается, она еще на той, первой дискотеке «положила глаз» на Андрея и решила во что бы то ни стало поссорить нас, чтобы он достался ей. Она ему несколько раз звонила (номер телефона у меня как-то списала тайком), рассказывала про меня всякие гадости, что я непорядочная, что у меня давно любовь со Стасом, что я это скрываю и что ему, Андрею, со Стасом изменять. Андрей сначала не верил, смеялся над ней, но она говорила ему, что она – моя лучшая подруга, знает всю правду, а рассказывает потому, что он ей нравится и ей его жаль. И он засомневался. А когда увидел

меня танцующей со Стасом, вдруг всему поверил.

Вот так закончился самый счастливый месяц моей жизни. Я очень привязалась к Андрею, полюбила его по-настоящему. Мне так его не хватает, мне так горько, когда я вспоминаю те чудесные вечера, которые мы провели вдвоем! Не знаю, как я буду жить без него. Я несколько раз звонила ему, пыталась объясниться, но он бросает трубку, услышав мой голос. Я даже решилась сходить к нему, но не застала дома. А потом подумала: ну в чем же мне оправдываться? Ведь никакой другой любви, ни с кем, у меня не было. Жаль, конечно, что он поверил Маринке.

А с Маринкой я прекратила общаться. О нашей истории узнали в классе, и все девчонки объявили ей бойкот. Но мне-то от этого не легче. Даже не знаю – как доказать Андрею, что я люблю только его, никого больше не любила? И нужно ли это доказывать?

Наташа
Без адреса

От редакции. Уважаемая Наташа, твоя история, с одной стороны, очень грустная, а с другой – очень типичная. Наверное, можно было бы заполнить все странички какого-нибудь номера нашего журнала, если собрать письма о том, как девушки предают друг друга, плюют на всё – на дружбу, проверенную годами, на взаимную симпатию – лишь бы заполучить, «отбить» у подруги, даже «лучшей», понравившегося пар-

ня. И многие, как твоя бывшая подруга Марина, не стесняются рассказывать о своей подлости, оправдывая себя нехитрой мыслью, что в любви – каждый за себя. Да, наверное, доля истины в этом есть. Но неужели Марина ни на минуту не задумалась о том, что все ее художества когда-нибудь обязательно раскроются? Что найдет человека, который выведет ее на чистую воду? Как ТОГДА Андрей посмотрит на нее? Неужели ему захочется иметь дело с подлой, беззащитной стервой? И, знаешь, мы не верим в то, что ее «любовь» с Андреем – надолго. Потому что краденое счастье долгим не бывает. Есть на свете справедливость.

Тебе же в утешение хочется сказать одно. Да, ты, возможно, искренне и по-настоящему полюбила Андрея. А он? Ты уверена в том, что он испытывал к тебе подобные же чувства? Не торопись отвечать. Подумай: что было бы, если бы не Андрею подло насплетничали на тебя, а наоборот – тебе на него? Ну, рассказали бы, что он тайком от тебя встречается еще с какой-нибудь девушкой? Ты бы поверила этой сплетне настолько, что порвала бы с ним отношения, не попробовав выяснить правду? Думаем, что нет. Наверное, твоя любовь оказалась бы сильнее сплетен. А его – не оказалась. Тогда – естественный вопрос: а было ли это любовью? Почему же он так просто поверил в твой обман? Он что, кроме тебя, ни с кем целый месяц не танцевал? На улице не здоровался? Твои чувства нам понятны, а вот его... его

чувства вызывают у нас естественное сомнение. Так что не особенно расстраивайся: может быть, ты потеряла то, о чем не стоит плакать.

ХОТЯ МЫ И ПРЕДОХРАНЯЛИСЬ...

Пишу, потому что не могу ни с кем поделиться, а что делать – не знаю. У меня есть парень, Миша, и я в свои пятнадцать стала заниматься с ним сексом. И вот я забеременела, хотя мы и предохранялись...

Миша меня очень любит, но помочь мне не может. К гинекологу обратиться я боюсь, потому что тогда всё узнает мама – она работает в поликлинике. А если она узнает, она меня просто убьет! Я ведь знаю свою мать.

Так что мне делать? Посоветуйте что-нибудь! Говорят, ведь есть какие-то средства...

*Галия
г. Владивосток*

От редакции. Уважаемая Галия, единственное, что посоветует тебе любой разумный человек, – это немедленно честно поговорить с мамой, тем более что она у тебя медик. Никто тебя не убьет – что за детство? Дело-то серьезное. И, конечно, тебе надо срочно идти к врачу. А самое главное – не слушай никаких «рецептов». Пойми: правильное решение может принять только врач. Любые «советы» могут быть очень опасны не только для твоего здоровья, но и жизни. А она у нас, увы, всего одна.

«СТРЕЛКА» НА ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ

Повесть

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Прыг-скок! – с кочки на кочку, с бугорка на бугорок, и вот наконец этот грязный район новостроек кончился. Впереди виднелась филармония, а там и до школы рукой подать. Алинка выбралась на асфальт, поскребла подошву сапог о бордюр и двинулась к перекрестку дорог до угла улицы Пушкина, где должна была встретиться с подружкой. Но Таньки не было.

Не дождалась или опаздывает? Алина постояла немного и пошла в школу одна. День сиял так приветливо, что маленькая досада не омрачила ее безмятежного настроения. Сощутив глаза, Алинка запрокинула голову вверх. В синем океане неба величаво проплывал белоснежный облачный корабль, надув перламутровые паруса. Под ногами, оживленно чирикаая, скакали проворные драчливые воробьи, клюя рассыпанные кем-то семечки. А встречная рябинка лукаво кивнула ей оранжевой гроздью на перистой ветке, уже опаленной осенним багрянцем.

Грязная часть дороги осталась позади, и Алинка с удовольствием топала по мокрому после дождя асфальту, усыпанному золотыми и пунцовыми сердечками опавших листьев. В ритм шагов выпевались стишки:

*Фиалки трехцветные – анютины глазки –
На клумбе весело расцвели...*

Алинке не терпелось посмотреть на свои любимые виолы, которые распустились возле филармонии. Их там был целый выводок! Вчера они так забавно таращились на нее с газона. И все разноцветные, как матрешки! И у всех мордашки разные! Там были ярко-желтые с черными стрелками ресниц, и Алинке показалось, что они озорно подмигивают ей, как непоседливые солнечные зайчики. А таинственные густо-фиолетовые будто бы заманивали чарующим взглядом желтого зрачка... А багрово-красные с черными разводами лепестков вспыхивали в зелени травы, обещая радостный праздник!

«Чудеса! – думала Алинка, разглядывая доверчивую распахнутость цветков. – Какой небесный художник их так разрисо-

вал?! Обмакнул кисточку в черную краску и так аккуратно разложил пятнышки, тоненько навел полоски... А у этих фиолетовых – венчики по краям светлеют: у одних лепестков кончики голубые, а у других – белые... А желтые зрачки, как живые, и смотрят, как будто хотят засмеяться...»

К Алининой подошве пристал кусок грязи с травой, она тряхнула ногой – ошметок упал впереди, и она заметила, что к нему прилепились блеклые, раздавленные, уже подсохшие цветки виол. Таких на асфальте валялось много. Алина тупо смотрела на газон. Он зеленел сам по себе – равнодушно и скучно. Алина медленно повела взглядом вокруг: возле филармонии цвели и другие клумбы, но их пестрая скученность и безликость почему-то так не привораживала ее, как наивная прелесть фиалок.

– Привет! Ждешь, кто ли, кого? Ты не знаешь, какой у нас первый урок: физика или матика?

Перед ней стояла одноклассница, рослая, по-вампики дико раскрашенная Ксюха Карпачева: черные ногти, синие ресницы, розовые тени до самых бровей и серебристые губы в жирной черной окантовке. Казавшаяся маленькой и худенькой рядом с ней, Алина подняла на нее глаза и замерла с открытым ртом, не понимая вопроса: в пространство ее взгляда попала школьная лестница, на ступенях которой она увидела свою подружку Таньку вместе с их общим недругом Каринкой Каргаполовой.

«Но ведь договорились же с Каргой не дружить! Вечно она ссорит нас!» – пронеслось в голове.

– Во тормоз! Выквадратила свои зенки, коза! Дай дорогу! – грубо толкнула ее Ксюха плечом, да так сильно, что Алина, потеряв равновесие, чуть не упала на газон.

В кабинете математики, шумно переговариваясь, раскладывался к уроку седьмой «Б» класс. Еще с порога, выхватив взглядом Таньку, Алина направилась к ней, улыбаясь во весь рот. Но подруга с каменным лицом отвернула от нее свой вздернутый веснушчатый нос. Вопрос, готовый сорваться с губ, замер на полпути, и Алина молча наблюдала, как Таня демонстративно выкладывала свои учебники на парту Кагармановой.

«Все ясно, – с грустью подумала Алина. – Опять эта Карга между нами встряла. Ну и ладно! Одна буду сидеть. Зато никто мешать не будет», – успокоившись, решила она. В голове уже в размеренном ритме складывались кое-какие строчки, и Алинка поспешила записать их.

*Фиалки трехцветные – анютины глазки –
На клумбе весело расцвели.
Сверкали радостно их лепесточки,
Все в каплях утренней росы.
Сияли восторженно яркими красками,*

*Ласкали их солнечные лучи.
Потухли глазки с зарей закатной.
Поникли увядшие стебельки.
Но что же случилось? Их нежные венчики
Ничей уже больше не радуют взгляд.
Зачем же сорвали, зачем растоптали их?
Без жизни они на асфальте лежат.*

Вот такие получились стишки. На каком-то клочке бумаги Алина выводила уже последние строчки, когда услышала взрыв смеха в классе.

– Очнись, спящая красавица! – обращалась к ней математичка. Повторяю вопрос: в каком виде предстанет данное выражение, если сумму кубов развернуть?

Не дождавшись ответа, учительница с осуждением покачала головой:

– Даянова, о чем ты думаешь? Чем ты вообще занимаешься на уроке? В гимназическом классе надо учиться, а не отсиживать на уроках. Ты это знаешь? Я тебе, Даянова, обещаю. Если. Завтра. Ты. Не напишешь. Контрольную... Тебя в этом классе больше не будет. Не понимаю, почему до сих пор тебя не перевели в норма-класс?

Норма-класс! Эта угроза, как дамоклов меч, постоянно висит над Алининой головой. В школе-гимназии, где училась Алина, классы разделялись по уровням развития, как бы по ступеням: наверху были сильные – гимназические, вслед за ними шли нормальные, а в самом низу был класс «ЗПР», где вытягивали заторможенных... или нет... педагогически запущенных детей – как правильно, Алинка точно не знала. Седьмой «Б» считался «элитным» классом, гордостью школы, туда отбирали тестированием самых умных детей со всего города. Алина самой умной не была и училась в обычном классе. А в гимназический гуманитарный она попала случайно. Ее бывшая учительница литературы уверяла всех, что в Алине Даяновой она разглядела литературный дар. Она-то и уговорила посмотреть ее девочку. В качестве испытания ее несколько раз брали на уроки литературы и русского языка в седьмой «Б», а потом и насовсем оставили здесь.

Учительница Инна Игоревна, несмотря на молодость – ей было двадцать восемь лет – была достаточно известной в городе. О ней писали в газете, ее показывали по телевизору, и класс ее – класс вундеркиндов – тоже показывали. Она ездила на разные педагогические совещания и делилась своим новаторским опытом. Система обучения у нее была особенная, экспериментальная. Эту методику разрабатывала группа ученых где-то в центре, а она испытывала на практике. Когда класс показывали по ящику, все удивлялись и восхищались тем, что учащиеся сидят группами, а не традиционными рядами, и почти как в клубе знатоков «Что? Где? Когда?» дают собственные версии к поставленным

вопросам. Это потому, что урок у Инны Игоревны строился как самостоятельный поиск решений. Сама она ничего детям не объясняла и готовых знаний не давала, потому что по этой системе ей, как учителю, отводилась направляющая и контролирующая роль. Знания гимназисты добывали в библиотеках из учебников и словарей.

Инна Игоревна была не замужем и очень много времени проводила с детьми: ходила с ними в походы, устраивала дискотеки и чаепития. Она прекрасно ладила с ребятами, никогда не жаловалась на них родителям, не вызывала их в школу и вообще терпеть не могла родительских собраний. Все возникшие проблемы она предпочитала разрешать внутри класса и только с классом. Учителя – коллеги, которые выступали по телеку, говорили, что работать с умными детьми-подростками гораздо труднее, чем со средними: в них много апломба, высокомерия и зазнайства. А Инна Игоревна для них – признанный авторитет: она великолепно чувствует особенности подростковой психологии и умеет управлять ими. В ее классе – очень сплоченный коллектив, на редкость дружные ребята. В других классах – какие-то разрозненные группировки, а в этом – все как один: всегда вместе – и в плохом и в хорошем. А сама Инна Игоревна своим тихим протяжным голосом застенчиво сказала в телевизоре, что главный секрет ее успеха в том, что она использует давно забытое старое средство: силу коллективного мнения.

После алгебры на перемене к Алине подседа Карина Каргаполова. Грубая, обидная кличка «Карга» довольно прочно прилепилась к ней, хотя и не вязалась с ее нежным девичьим обликом. Родители одевали ее как куколку. И по этой самой причине высокая, тоненькая Карина с ее гладким, красивым личиком, с неподвижно застывшей капризно-недовольной гримаской гораздо больше напоминала хорошо упакованную куклу Барби, чем какую-то хмурую серую птицу или еще хуже – старуху. С явным сочувствием в голосе Карина произнесла:

– Попадет тебе от Инны за пару, да? Честно говоря, я не понимаю, почему у тебя с матикой кранты. Ладно, у Колесниковой башка тупая, но ты же умная девчонка!

– Не тупая она вовсе! – мрачно произнесла Алина и отвернулась, потому что правила этой игры она знала наизусть и давно уже запарилась объяснять, почему такая добрая и хорошая Даянова дружит с такой вредной и злокой Колесниковой. Во время перехода в другой кабинет мимо нее проскочила Танька и, слегка притормозив, повернула к ней насмешливое лицо:

– Значит, у Колесниковой башка тупая? А ты со своей умненькой, светлой головкой двойки получаешь?

Конца уроков Алина дожидалась со страхом: хочешь – не хочешь, а отвечать за «хвост» по алгебре перед «классной» придется. Алинка дрожала перед ней, как и все, хотя Инна ее всячески поддерживала. Вот и сегодня – зря Алинка вся перетряслась –

нагоняя-то вовсе и не было никакого. Все уже разошлись, когда Алинка, старательно подчистив свои вирши в коридоре на подоконнике, решила войти. В кабинете литературы никого не было, кроме двух гимназисток, склонившихся над партой, и молодой учительницы, проверяющей тетрадки за столом. Невысокую, хрупкую, похожую на подростка Инну Игоревну посторонний человек не отличил бы с первого взгляда от школьницы. Не зная, как начать, Алина робко протянула ей листок со стихотворением.

– А может, это дар? – задумчиво глядя в пространство, произнесла учительница своим чистым хрустальным голосом. («А вы певица, да?» – наивно спросила ее Алина, когда впервые услышала, как она говорит. Ей казалось, что таким голосом непременно надо петь что-нибудь возвышенное: арии, романсы...) Инна Игоревна в характерной для нее манере нараспев отметила в стихотворении нелады с ритмом и рифмой, и, несмотря на это, она все равно попросила Алину красиво все переписать и принести ей.

– А еще у тебя есть что-нибудь? Принеси, ладно? А помнишь, у тебя сказка была про ромашку и камень у дороги? Эту тоже принеси. Наиболее интересные твои творческие вещи, ну, не только твои, других ребят тоже, я буду в отдельную папочку складывать.

Они молча посидели, наблюдая, как отличница Зухра Акилова низким хриловатым голосом вдалбливает Таньке Колесниковой особенности использования времен в английском языке, нетерпеливо вперяя в нее узкие лезвия своих черных башкирских глаз.

– Уж который раз ты с ней сидишь, шоколадку с нее стребуй, что ли, – посоветовала Инна Игоревна Акиловой. – Мозги – это тоже ведь капитал. У кого-то они есть, а у кого-то их нет. А халяжки всегда найдутся, – добавила она чуть иронично и снова переклонила на Алину.

– Завтра у вас контрольная от управления образования по алгебре. Как ты себя чувствуешь? Неуверенно? Беда мне с вами! Подведешь ты меня под монастырь! Ну что мне прикажешь делать с тобой, девочка моя? – не говорила, а выпевала своим мелодичным голосом Инна Игоревна. – Дома как следует проработай тему, примеры порешай. И никуда не улетай! Все время сиди тут! – Она постучала кулаком по черепной коробке. – Дружи с головой, ясно?

...На контрольной по алгебре Алина, конечно, завязла основательно, но от неминуемой двойки ее защитила заботливая классная. Она зашла проведать класс, не спеша прошлась между рядами, молча постояла возле особо ненадежных, и вот на Алину парту лег исписанный листок – черновик отличницы Акиловой с решением контрольной работы. Алина была спасена.

В следующие два дня, во вторник и в среду, Карина Каргаполова заходила за Алиной, чтобы вместе идти в школу, и по пути

упорно уговаривала ее дружить только вдвоем и не принимать в компанию эту выскочку и задаваку Колесникову. Алинка сначала отмалчивалась, а потом просто-напросто стала хитрить. Выслушав по телефону: «Жди меня. Счас за тобой зайду», – Алинка, не дожидаясь ее, торопилась ускакать пораньше, чтобы встретиться на перекрестке с Танькой. Если же не успевала вовремя смотаться, уговаривала маму сказать: «Она уже ушла». Мама недовольно ворчала:

– Сама врешь и меня заставляешь. Вот уж не думала, что моя дочь – такая врушка и трусишка. Говори ей прямо в лицо, что не хочешь с ней дружить.

– Ага! Нарываться на нее! – нервничала Алина. – Ты не знаешь, какая она подлая! Карга в квадрате!

Они с Танькой давно уже раскусили, что за штука эта Карина Каргаполова! Сначала они приняли ее в свою компанию, а потом стали замечать, что, когда Каринка поблизости, они постоянно ссорятся. Тогда они стали избегать ее, но Карга ничего не замечала и была настойчивой.

– Прикинь, Алин! У Каргаполовой вчера такой облом с нами вышел, – презрительно говорила Танька. – А она хоть бы хны! Гордости ни на грош! Сегодня подходит вся такая: тю-тю-тю да сю-сю-сю. Она же возле крутых все ошивается, вот с ними и дружила бы! – ехидничала она.

– А может, Ксюха ее обижает? Она же вон какая грубая: танком на всех прет и гусеницами давит. Она, наверно, Каринку за шестерку держит. А Каринка хочет, чтобы все было на равных. Вот она и решила... ну, как бы сменить компанию. И выбрала нас с тобой, чтобы не быть шестеркой, понимаешь, – рассуждала Алинка.

– Ты с дуба рухнула? Карга – не шестерка. Шестерка там Ирочка. У Ирочки родители богатые, они ей постоянно карманные дают. Ты замечала, как Ирочка Карпачеву сникерсами подкармливает? Ха-ха! – Она презрительно хохотнула, вскинув голову, как лошадка, от резкого движения ее рыжеватый хвостик взметнулся и смешно закачался, как маятник. – Прикинь, неспроста!! Такая жмотина! Идешь с ней после школы, так она всю дорогу карамельки лопает. Разворачивает и – в рот, разворачивает – и в рот! Фиг поделится! «У меня, – говорит, – и так мало».

– А может, Тань, ты права? Карга – не шестерка. Хотя иногда мне кажется, что шестерка. Вроде и замашки у нее временами лидерские. Только с Ксюхой тягаться ей все равно не под силу – крутизны маловато. И потом у Карпачевой есть крыша. Может, поэтому она и крутится возле Ксюхи да Ирочки? Все пацаны за них, только и ждут боевого клича, чтобы кинуться в бой.

– Еще бы! Их же Стропила мацает, – усмехнулась Танька.

– И не только Стропила. Где Стропила, там и Гиена...

Танька злорадно хмыкнула:

– Вот Карга, небось, психует, что обломилась...

– Да... Даже жалко ее... По-дурацки все получается... Послать бы ее куда подальше – да неудобно как-то... А сама беспонятливая какая-то...

– Нашла кого жалеть! Сама виновата, что никто с ней не контактит! Пусть вон с шестеркой этой водится – с Ирочкой.

– Это ж не ее шестерка, а Ксюхина, – возразила ей Алина. – Она, между прочим, еще и стукачка. Помнишь, Ирочка одно время все с нами да с нами, будто бы ей Ксюхина компания надоела, а сама потом все ей доносила, что мы про них говорим.

– Прикинь, Алин, – задумалась Танька. – С Ксюхой дружить – не иначе как в подметках ходить. А мы с тобой сами по себе: ничьи не шестки и никого не подкаблучиваем. Вникаешь? Может потому она и примазывается к нам?

– Ну и дружила бы тогда по-хорошему, а то как бомба замедленного действия подрывает нашу дружбу.

На следующий день в кабинете географии произошла очень непонятная история. Невероятно, но у Карпачевой «крыша», похоже, давала течь! Сначала все шло как обычно, все занимались своими делами, и Алинка с Танькой весело болтали, обсуждая, как они вчера с дворовыми пацанами в футбол гоняли. И вдруг – резкий вскрик. В дверном проеме четко вырисовывались мощные Ксюхины ноги под супер-мини, мини – предел. Лица не видно; спрятанное в ладонях рук, оно еще и завешивалось длинными прядями волос, упавшими от наклона головы. Возле нее с презрительной усмешкой на спокойном жестком лице стоял Стропила, самый рослый и самый сильный парень в классе. Похоже, он ударил ее.

– Ты что, опух?! Кабан бритый! Страус общипанный! – Ксюха, плача, выкрикивала свои зоологические ругательства вперемишку с матом.

– Фильтруй базар, сука! Закрой свое поддувало – кишки простудишь! – тут же отпарировал ее выпады одноклассник.

Из разбитого носа Карпачевой потекла кровь. Хлюпая носом, она выскочила из класса. Вихляющей походкой, привычно втянув голову в плечи, к дверям подошел Генка Ильин по кличке Гиена и вкрадчивым осторожным движением прикрыл ее изнутри. Не выпуская из пальцев дверной ручки, он интригующе обвел глазами окружающих. Класс притих.

– Никто ничего не видел, ясно? – произнес он. Затем с издевкой, гримасничая, как клоун, добавил: – Если что, он ей по мосе дверью долбанул. Нечаянно. И носик ей расшиб. Случайно.

– Свидетелей нет, – с самодовольной усмешкой произнес Стропила и многозначительно добавил: – Свидетели долго не живут.

А стукачить никто и не собирался. Класс ее не пожалел, а некоторые даже позлорадствовали. Ксюха на географию так и не вернулась. После звонка забрала вещи и пошла в столовую.

На оставшихся уроках она вела себя неузнаваемо тихо, как мышка, старалась не привлекать внимания, была скромной и даже любезной, к удивлению всех.

В пятницу утром Ксюхино пошатнувшееся положение стало особенно заметным. Ильин, полностью соответствуя своему погонялу «Гиена», подошел к парте, за которой сидели Карпачева с Каргаполовой, и, опершись об нее руками, развязно сказал:

– Ну че, суки, попало вам?

При случае он любил выдавать себя за крутого.

От его нахальства Ксюха вскипела, открыла рот, собираясь выплеснуть поток оскорблений на его голову, но поперхнулась и, задыхаясь от кашля, выдавила из своего репертуара что-то вроде «глиста в скафандре», но получилось невразумительно, смешно: кхи-ста-ста-кфа-кха... И класс весело заржал. Откашлявшись, Ксюха в гневе поднялась во весь свой рост и со стиснутыми кулаками нависла над худеньким, щуплым Гиеной.

– Ты, шалава, остынь! Если ты его тронешь, я сам тебе врежу! – остановил ее Сережка Стропилин.

– Ты не пацан, если руку на девчонку поднимаешь, – упавшим голосом сказала Ксюха и села за парту.

– И подниму, не сомневайся! Такую шалаву, как ты, только так и надо учить!

Танька скосила торжествующий взгляд на подружку и радостно толкнула ее локтем. Но Алина почему-то не откликнулась на ее призыв порадоваться вместе: она отодвинулась, затем почесала глаз и отвернулась. Ей стало вдруг тошно от мысли, что даже наглая самоуверенная Ксюха – сама по себе, без «крыши», без силовой поддержки – никто. Ноль. Пустое место. Была атаманша – а теперь отверженная. И хуже всего, что даже такие «шестак», такие «подметки», как Гиена, позволяют себе безнаказанно куражиться над ней. Но разве только сила – главное? Алина почувствовала, как горечь, отвращение и досада заполняют ее.

– Но это же неправильно, несправедливо! – протестующе сказала она.

– Что несправедливо? – Таня повернула к ней смеющееся лицо с удивленно поднятыми бровями. – Тебя что попутало? Ты что, с ума или с голоду? – прыснула она и повертела пальцем у виска. Но Алина почему-то не захотела ей ничего объяснять.

В тот же день Карпачева вернула прежнюю прочность своему положению. На одной из перемен Алина увидела, как Стропила прижимал Ксюхину голову к своей ширинке и самодовольно приговаривал: «На, соси, соси!» А Карпачева визгливо смеялась, смущенно махала на него руками: «Ну че ты! Ну, отстань! Ну, че пристал? Пусти!»

На перемене к Алине и Тане подошла Каргаполова и попросила подождать ее после уроков, чтобы вместе идти домой. Девочки, как обычно, поторопились улизнуть, но Карга догнала их

очень сердитая и стала громко выражать свое недовольство. Девчонок тоже прорвало: в конце концов, сколько можно тянуть кота за хвост, и, чтобы окончательно установить ясность в отношениях, они напрямик высказали ей все, что о ней думают.

Утро понедельника по чистой случайности началось с неприятности. Проходя мимо Алининой парты, Ксюха позарилась на ее гелевую самописку:

– Классненькая! – похвалила она. – А как она пишет? Золотом? Супер! Подари?

– Не-а, мне она самой нравится!

– Ладно, я возьму ее у тебя пописать.

– Зря ты ей отдала, – шепнула ей в ухо Татьяна. – Плакала твоя новая гелевка, скажи ей «чао!». У тебя ее конфисковали!

– Как это – конфисковали?

– Обнакновенно. Забрали в свою пользу! По принципу: было вашим – стало нашим, то есть еёшим. У Ксюхи это бывает!

– Ничего подобного! Она взяла на время! – не поверила Алина.

Но увы... Когда через пару уроков Алина попросила вернуть свою гелевку, ей на парту швырнули какую-то задрипанную ручку с обгрызенным концом.

– Это не моя! Отдай мою! – возмутилась Алина.

– Не возьмешь эту – вообще никакой не получишь! – услышала она в ответ.

Хорошее настроение было безвозвратно утрачено вместе с «конфискованной» ручкой. День, начавшийся с маленькой неприятности, покатился по той же проторенной колее, причем невезуха нарастала, как снежный ком. Все пошло по закону всемирной подлости и всемирного свинства.

На уроке французского учительница задала перевод очень трудного художественного текста. Небольшие словарики были почти у каждого, но объем слов у всех был недостаточным. Большой словарь, один на всю группу, под наблюдением учительницы передавался с парты на парту в порядке очереди. Больше десяти минут задерживать было нельзя. Учительница вышла как раз в тот момент, когда увесистая книга легла на парту Колесниковой и Даяновой. Только одна из них открыла нужную страницу и отыскала нужное слово, как к словарю протянулась чья-то рука. Перед партией стояла Ксюха.

– Дай сюда. Вы потом возьмете.

– Когда это – потом? Сейчас наша очередь! – запротестовали девочки. – Ты на последней парте сидишь, вот сиди и жди. Мы же ждали, когда до нас очередь дойдет.

– Счас схлопочешь, лохушка! Убери руку, кому сказала!

– Сама лохушка! Мы тебе ничего не сделали. Не трогай словарь! Он наш! – Обе девочки так яростно вцепились в книгу, что Карпачевой ничего не оставалось, как отступить.

Это была обычная рядовая стычка, из тех, что в среде подростков случается множество. Но кое-кому непременно было нужно превратить это мелкое столкновение в войну. В перерыве между уроками подошла Карга и предупредила:

– После уроков сразу не уходите, надо поговорить.

Разумеется, девчонки не стали ожидать глупой разборки, которая яйца выеденного не стоит. Они отошли недалеко от школьного крыльца, когда их догнала Карга. Она вцепилась в их куртки и резко тормознула их.

– Ксюша! Ксюша, быстрее! Быстрее иди! Вот они! Я их держу!

С воинственным видом подошла Карпачева.

– Ты, лохушка, – обратилась к Алине Ксюха, – признавайся, что ты про меня Каринке базарила!

– Я? С чего это вдруг?

– Говорила ты, что я кобыла и хамка?

Алина напрягла мышцы на лбу и с демонстративной иронией посмотрела на Каргаполову. Хитрить и лавировать она не умела.

– Ну, говорила. Только это было давно. Компромат, значит, на меня откопали? А вы поройтесь в памяти, может, еще какой скелет отыщете?

Привлеченные любопытством, к ним стали подходить мальчишки. Впереди всех независимой походочкой шел Стропила.

– Что за шум, а драки нету? – спросил он, нахально улыбаясь. В его самодовольном лице опять было то самое выражение превосходства над всеми, как будто он знает что-то такое, чего другие не знают. И это «что-то» казалось Алине гаденым и пошлым. Сзади к Ксюхе подкрался Гиена и задрал ей юбку.

– Пью-ю-ю! – просвистел Стропила и, не давая ей опомниться, щелчком выбросил вперед свои пальцы, которые быстро коснулись почти зрелой груди Карпачевой и тут же упруго отскочили назад. Ксюха засмеялась полуигриво, полусмущенно и начала свои обычные ужимки и прыжки.

– Ну че ты! Ну отстань! Я тебе покажу! – И погналась за Гиеной.

А девочки, воспользовавшись моментом, «сделали ноги».

– Уф, слава Богу! На сегодня отделались! – перекрестилась Танька. Алина оглянулась:

– Смотри!

Вся компания вальяжно шла за ними, как стая котов. И девчонки трусили, как мышата. Не понаслышке знали: если класс сбивается в стаю, значит, на кого-то будут наезжать, кому-то не поздоровится.

Танька жила поближе.

– Пойдем ко мне. Переждешь! – предложила она.

Время шло. Стоять в подъезде было унижительно. Алинка выглянула: вся ватага, уютно расположившись на лавочке, ждала. Отступать и прятаться было противно.

«Не трусь! – сказала себе Алина. – Ты ничего такого не сделала, чтобы убежать, как вор и преступник».

Она вышла. Танька, только что стоявшая за ее спиной, дыша ей в затылок, встала рядом – плечо к плечу. Подростки отреагировали издевательским свистом и улюлюканием.

– Вы зачем за нами ходите? Напугать, что ли, хотите? А мы вас не боимся. Говорите, что вам надо от нас! – спросила Алина с вызовом, стараясь не выдать своей растерянности.

От шараги отделилась Карпачева и выдала ей пулеметную очередь трехэтажного мата.

– Сама ты гнида! Сама лоханка! А моя подруга – нормальная девчонка, и у вас в подметках ходить мы не будем! – тут же вступила в перепалку Танька Колесникова.

А Алина усмехнулась в лицо Карпачевой:

– Таких слов я не понимаю. Говори по-человечески, чего вы от нас добиваетесь!

– Выбирай одно из двух: с нами пиз...ся будете, или мы забираем стрелу.

– Для всяких чистоплюек объясняю литературно: вам объявляют войну! – откуда-то сбоку раздался хриловатый голос старосты класса Акиловой.

– За что? – одновременно повернули к ней головы Алина и Таня.

Зухра стояла под деревом, скрестив на груди руки, и весь ее вид, крепкая приземистая фигура, скуластое узкоглазое лицо выражали непоколебимость и уверенность в своей правоте.

– Вы нарушили кодекс класса: стоять на слове «мы» среди свиста и негодования. Если вы не с нами, то против нас! Даем вам срок до завтра. Завтра вы скажете свое решение: с нами вы или против нас!

– Ну и стерва же ты, Карга! – не смогла удержать своего изумления Алина.

– Отстань от нее! Теперь я за нее прыгу держу! Врубилась? – с какой-то показной бравадой вступилась за нее Ксюха.

– Запомните обе: вы трупы, если родителям прокумовите! – сплюнул Гиена и враскачку пошел прочь, глубоко засунув руки в карманы.

– Да, попробуйте только прокумовить, тогда вам точно крышка! – подтвердила Карпачева, уходя.

Последующие три дня в школе прошли без происшествий. Все было как всегда. В обычном деловом темпе проходили уроки, графы классного журнала заполнялись новыми пятерками. На уроках литературы дружно обсуждали «Тараса Бульбу», искренне порицали Андрия за его любовь к прекрасной полячке, сгубившей лихого рыцаря, и поощряли мужество Бульбы, без колебаний порешившего судьбу злосчастного сына.

– Андрий – предатель, – с резковатой категоричностью говорила отличница Акилова. – Ради девушки он совершил преступление, он перешел на сторону врага. «Объятый жаром и пылом

битвы», он направо и налево рубил мечом своих. Этого ни понять, ни простить невозможно. Он заслужил только смерть!

– Я его понимаю, – с ухмылкой возразил Стропила. – Когда он направо и налево крошил своих, он ничего вокруг не видел. – Серега взял в руки книгу. – Только «кудри длинные, грудь, подобную лебедю, снежную шею и плечи – все, что создано для безумных поцелуев». Но я его осуждаю. Мужик не должен терять голову! Андрей – слизняк! Андрей – тряпка! Он заслуживает смерть.

Инна Игоревна с видимым удовольствием слушала своих вундеркиндов, согласно кивая головой, и с не меньшим удовольствием поглощала на уроке шоколад, дольку за долькой отправляя ее в рот и шумно хрустя фольгой при этом. Почему-то Алине было неловко за нее перед другими. Разве только гимназистам нельзя жевать бутерброды или хрустеть яблоком во время урока? Если это не этически, то разве не для всех? И мама ей с детства постоянно внушала: «Угощай всех или ешь без посторонних». Да что там мама, когда даже во дворе среди детворы существовало неписаное правило: вышла на улицу с мороженым в руке – не трави подруг, дай всем откусить понемножку, или дома ешь одна. Алинка вспомнила, что и в прошлый раз, когда по шутливому требованию Инны Игоревны она сама поднесла шоколадку за «четверку» по алгебре – за контрошу, эта взрослая училка, совсем как лакомка-ребенок, уплетала угощение прямо на уроке, треща фольгой. Алинка и тогда почему-то стеснялась за нее. Как маленькая! Пацаны из разных классов ей часто приносят шоколадки. Положила бы в сумку и унесла домой. Что, нельзя разве до дома дотерпеть? Из-за нее и другие стали думать, что так и надо, что жизнь такая пошла.

Раньше отличница Акилова бескорыстно натаскивала всех по трудным предметам, а теперь за каждый пустяк требует плату – как в Америке. Инна Игоревна говорит, что в Америке «за бесплатно» только улыбаются. В Америке никто никому за просто так ничего не делает. И в России сейчас все продается и покупается. Жизнь такая пошла. Надо уметь продавать знания, которые мы добываем своим трудом. Вот Акилова сегодня ни с того ни с сего и наехала на Таньку Колесникову, потребовала от нее шоколадку и обозвала неблагодарной за то, что она до сих пор и не расплатилась с ней за помощь по английскому. «Вася, я тоже хочу "Lays"! – сказала Ксюха Карпачева Ирочке и напомнила ей о какой-то важной услуге и еще о чем-то шепнула ей на ухо, и когда та, услужливо кивнув, побежала к выходу, крикнула ей вдогонку: На хаванной переменке!»

– Смотри, подружки – не разлей вода! – презрительно скривилась Танька, толкнув Алинку в бок. – Забыла, как Ксюха ее терроризировала, всякий раз до слез доводила: то пальто в раздевалке топтала, то учебники из портфеля на пол вытряхивала. Помнишь?

На большой перемене, когда все ушли в столовую «хавать», Ирочка подкармливала нескольких «крутых» одноклассников

всякой вкусной снедью из «комка» под громким названием «Мини-маркет», что возле школы. «Хорошо, когда батек мажористый», – говорил Стропила, хрустя крабовыми чипсами.

Девочек, Алину и Таню, никто не трогал и не задевал, но тем не менее они обе сильно нервничали, со страхом ожидая конца уроков. Все эти три дня им казалось, что «бугры» класса забывали доводить начатое дело до конца. Каждый день развеселая, шумливо-шутовская компания провожала девочек до угла Пушкина... И все! Дальше – ничего! Просто-напросто – толпа рассыпалась, разбредалась в разные стороны. Но легче-то от этого не становилось.

Таня, не выдержав постоянного тревожного ожидания, дома расплакалась и рассказала все маме. Алина же приходила домой, сваливалась на кровать и часами лежала неподвижно, тускло уставившись в стену.

– Мам, а научи меня материться, – как-то попросила она свою мать. Алинке казалось, что если она научится так же лихо материться, как Карпачева, тогда она точно сумеет противостоять им всем с позиции равной силы.

– А если я вот так скажу – это нормально будет, как ты думаешь? – И она понесла такую несурезицу, что мама долго смеялась, прежде чем отговорить ее от такой тактики поведения.

– Видишь ли, Алиночка, у мальчиков нет... м-м... такого органа... Это у женщин... А у мужчин это зовется иначе... Все дело в том, Алиночка, что в некоторых семьях дети так часто слышат подобные слова от своих родителей, что им потом легко употреблять их в собственной речи. Они проще, непринужденней используют их в разговоре, чем ты... В нашей семье так не принято ругаться. Дедушка с бабушкой никогда не матерились. И я не приучилась. Отец твой ругался матом, когда выпьет, но мы с ним так давно разошлись, что ты не успела стать повторюшкой. Для тебя это как иностранный язык. Поэтому не пытайся подражать им. Поверь мне, ягодка моя, Алинка-каalinka-малинка, это не придаст тебе уверенности, скорее наоборот.

Каждый вечер обе мамы тревожно перезванивались. Хотя девочки от них ничего не скрывали, но вмешиваться в их отношения с классом строго-настрого запретили. Алинина мама никак не могла взять в толк, почему нельзя рассказать все классному руководителю.

– Через нее будет проще, – считала она, – поставить родителей в известность, вызвать их в школу... Надо же как-то навести в классе порядок!

– Нет-нет, ни в коем случае! – уговаривала ее Танина мама. – Об этом нельзя рассказывать Инне Игоревне. Вы же не знаете ее! Она потом из наших девочек сделает козлов отпущения и отыграется на них!

– Ну что вы такое говорите! – возражала Алинина мама. – Это же ее прямая обязанность. Происходит что-то страшное с душа-

ми наших детей: какие-то «крыши», «забивания стрелы», ну прямо-таки романтизация зоны, ей-Богу! Это же сигнал SOS! Это тревожный симптом! Свидетельство о неблагополучии морального климата в классе! Как классный руководитель она просто обязана разобраться во всем, забить стрелу... тьфу ты! забить тревогу, собрать психологов и принять воспитательные меры.

– Вы знаете, – смущенно сказала Танина мама, – мы ведь даже папе нашему ничего не рассказали: он у нас прямолинейный очень, рубит с плеча... Можно такую кашу заварить, что не расхлебашь потом... А ведь девочки наши учатся в этом классе...

В пятницу Алине и Тане пришлось задержаться после уроков: они дежурили в кабинете трудового обучения. На крыльце школы их уже поджидала дружная ватага. Весело перекидываясь издевательскими шуточками, попинывая «строптивых» одноклассниц по ранцам, ребята погнали их к забору пришкольного участка. Прижав к ограде, окружили полукольцом. Верховодила всем Ксюха, подкаблучники поддакивали, остальные действовали беззлобно, скорее из стадного чувства, чем из неприязни. Утром в школе Ирочка раздала всем записки с оповещением, что сегодня будет ареопаг – суд по-гречески, а еще раньше она же разносила и другие записки, в которых Ксюха предупреждала всех об объявлении бойкота Даяновой и Колесниковой, чтобы никто с ними не общался.

Многим, в принципе, было до фонаря, что Даянова с Колесниковой чем-то не угодили Карпачевой. С любопытством зевая они просто глазели и выполняли функцию «группы поддержки»: толкали, не пускали, прижимали к забору.

– Ну как, подумали? – торжественно спросила Ксюха. Напоминаю, вы должны были выбрать одно из трех. Первое: на коленях просить прощения. Второе: платить «косяк». Третье: пиз...ть по-нашему. Выбрали?

– Ни одно, ни другое, ни третье! – презрительно отчеканила Алина.

– А косяк – это сколько? – с веселым любопытством спросил кто-то из толпы.

– Мало не покажется! Стольник! – красуясь, выкрикнул Гиена.

– Ага! Косяк будете платить! – суетливо ликовала Каргаполова. – Танька косяк будет платить! Алинка косяк будет платить! Ага! Посмотрим, как захочется вам погордиться!

– А что? Стольник – это нормально, – согласилась Карпачева в мирном, приятельском тоне. – А чтоб предки не заводились, можно по частям. – Встретившись с прямым, не заискивающим, а открыто враждебным взглядом Алины, Ксюха улыбнулась: – А что тут такого? Я сама платила косяк старшим девочкам. И Ирочка платила нам. Правда, Ирочка?

– Да, платила! – горделиво ответила хорошенькая одноклассница, задрав свой точеный носик.

– Вот видишь, – как бы уговаривала Ксюха Алину (Танька почему-то стояла, опустив голову, и не поднимала глаз; до сих пор она не проронила ни единого слова).

– Зато у нее есть теперь крыша, и мы ее в обиду никому не дадим. Въезжаете?

– А ты въезжаешь, что нам твоей крыши не надо?! – вдруг не своим голосом заорала Танька. – И мы тебя не боимся!

– Ах, вот как! А тебя никогда не били?

– Ты что ли будешь бить?

– Не я! Ты даже не узнаешь, кто!

– Ну давай, давай! Зачем же ждать! – с бешенством наскочила Танька на Ксюху, в боксерской позе выставив кулаки перед лицом.

– Драться хотите, да?! – Тут уже завопила Алинка – Такой большой толпой и на двоих! Трусые! Ну что же вы? Бейте! Бейте! – Алинка с яростным напором ломанулась вперед, отчаянно замолотив руками, как мельница. Окружение – то ли от растерянности, то ли от того, что не успело их остановить – прорвалось, Алинка бросилась бежать в сторону школы, Танька за ней. Запылавшись, они обе залетели в вестибюль. У доски объявлений стояла завуч, направляя за стекло лист с изменением расписания уроков. Алинка, не раздумывая, бросилась к ней, задыхаясь и сбиваясь, проговорила:

– Там... у школы... Они не пускают нас домой... Они травят нас... Они, они... Сделайте же что-нибудь!

– Мальчишки? – только и спросила завуч. Увидев их отчаянное состояние, она, не вдаваясь в расспросы, тут же организовала помощь.

– Вы домой? – обратилась она к проходящей мимо учительнице. – Вы не могли бы девочек немного проводить?

И опять лежала Алинка, распластанная своей гнетущей тоской, на диване. Результат ей казался безрадостным: сегодня они с Танькой встали на тропу войны! Перед ее глазами проносились обрывки событий дня. Самое страшное и унижительное – как мальчишки гнали их к забору, толкая и пиная на бегу по портфелям. Гиена издал воинственный индейский клич, другие радостно подхватили. «Тоже мне, Чингачгук Большой Змей! – горестно усмехалась Алина. – Да уж, им, наверно, казалось, что это весело... Придурки вояки! За что? За что они нас так ненавидят?.. За что?.. За что?.. – буравила она себя этим вопросом, вызывая всё новые приступы обиды и боли. – А Карга! Такая подлая – и она у них своя! А мы – как отщепенки!» И вдруг ее осенило: ну конечно! Они с Танькой сами по себе и по своим правилам. Вот за что! Значит, вовсе не обязательно быть честной, доброй, справедливой и хорошей! Надо быть просто «своей»! Если ты не можешь быть такой наглой и сильной, как Ксюха, то всегда можно быть «своей» в толпе – пусть даже такой подлой, как Кар-

га, или такой подхалюзой, как Ирочка! И все в ажуре! И ты надежно защищена – прямо как в рекламе!

А если ты не с толпой, если не хочешь никому подпевать – значит, война! Алина не хотела войны. Она боялась войны. И она устала от войны. «Значит, ты трус!» – прошептала себе Алина обреченно. Выхода из сложившейся ситуации она для себя не находила. Тупик, ну просто полнейший тупик, говорила она себе вполголоса, представляя себя вечно загнанным, затравленным собаками зверьком. Ах, если б она могла, внезапно остановившись, развернуться к ним тигром, оскалить зубы и свирепо зарычать, и с угрозой ударить когтистой лапой по земле! «Вот бы была умора! Все бы тогда со страху раскатились кто куда, а мы бы с Танькой угорали!» Не удовлетворившись воображаемой картинкой, Алина ощерила рот и зарычала: «р-р-р...» Потом вскочила, подбежала к зеркалу, растрепала свои короткие стриженные волосы, крючковато растопырила пальцы рук и снова зарычала, оскалившись: «р-р-р...» Но было совсем не страшно: никакой не зверь, не хищник, а большеглазая девочка с больным измученным лицом печально глянула на нее из зеркала... И снова Алина, свесив голову, уныло побрела к своей кровати и плюхнулась на нее ничком. Долго лежала без движения. Хотелось уснуть, выпасть из реальности, провалиться в какую-нибудь пещерную пустоту...

– Как измаялась я, как меня клонит в сон, – прошептала она, но сон все не шел, а пошла строка, за ней четкой поступью – другая. Алинка встала, села к столу и начала записывать.

*Тенью я иду
сквозь поток времен.
Не могу говорить,
вырывается стон.
Просто всем плевать,
просто всем все равно.
Как бы в мир другой
мне пробить окно.
Я хочу уплыть
рыбкой в океан,
Птицей улететь
в небо к облакам.
Только крыльев нет,
Плавники не растут.
Что же делать мне?
Не хочу жить тут...*

Следующая строчка получилась с ритмическим сбоем: «Бледной тенью я брожу по чужим мирам...» Чтобы исправить положение, Алинка начала сосредоточенно грызть свою ручку, но смутные призраки слов вдруг вяло отпали под напором непрошено вломившейся и ошеломившей ее мысли...

толстоваты и кривоваты, но бросались в глаза сразу, и более того – их вызывающая откровенность просто примагничивала к себе нескромные взгляды. Ксюха назвалась, как-то тупо застыв лицом.

– А-а, Лара Крофт! – почему-то обрадовалась и одновременно удивилась мама, удивилась тому, что лицо девочки – круглое, щекастое, наивное, по-детски испуганное лицо – по размытости и безвольности своего выражения просто не вязалось с имиджем крутой воительницы.

– А ну-ка, заходи! – решительно скомандовала Алинина мама, получив ответ на свой вопрос. – Вот как славненько! На ловца и зверь бежит!

– Нет-нет, – испуганно запротестовала Ксюха, – я не могу. Там внизу меня мама ждет. Она с ребенком.

– Ах, это мама тебя сюда привела! Хорошая у тебя мама! Vedi ее сюда, если не хочешь, чтобы завтра мы с тобой встретились у директора.

Годовальный ребенок ползал по полу, карабкался, цепляясь за ноги и за одежду сидящих, неуверенно ступая ножками, передвигался вдоль дивана, падал и с деловитым пыхтением начинал все снова. От неловкости все сосредоточенно следили за возней малыша.

– У нас ведь хорошая семья. Отчим у нас очень строгий. Ксюша все дома делает: посуду моет, готовит, с братиком нянчится. Я ведь даже представить себе не могла, что она в классе такое вытворяет... – говорила мама Карпачевой, с трудом поднимая глаза на потемневшем от стыда лице. – Ну откуда в них такая жестокость? Мы ведь в их возрасте были проще, добрей... Вы уж простите нас... Я как только узнала... Колесниковой мама приходила сегодня с дочкой вместе... вдвоем приходили... Господи, позор-то какой... Вот я к вам... привела ее сразу... Извиняться пришла...

– Знаешь, а ведь ты мне казалась совсем другой, – задумчиво сказала Алинина мама Ксюхе. – Вот сейчас я смотрю на тебя и ничего злого, жестокого в тебе не вижу. За что Алину с Таней гоняли?

Ксюха промямлила про «кобылку» и «хамку».

– И всего лишь? А ты разве никак ее не обзывала? Поругались, помирились – мало ли что в жизни бывает? Разве такой пустяк может поводом для войны!

– Мне Каринка сказала, что надо забивать стрелу.

– Каринка сказала, и ты сразу послушалась? Разве ты сама такая глупая и доверчивая, что тебе достаточно Каринкиного указания? Так кто же из вас атаман – ты или она?

– Я больше никогда не подойду к ней, – пробормотала Карпачева, отворачивая лицо.

– А ты знаешь, что система «крыши», «забивания стрелы» – это бандитские приемчики? – Из голоса Алининой мамы, такого

мягкого, деликатного, вдруг куда-то выпарилась вся его теплота, интонации стали жесткими, напористыми. – А ты знаешь, чем прежде всего опасна эта ваша система? Тем, что и тебя могут раздавить и уничтожить? Ты думаешь, я тебе позволю безнаказанно травить и унижать мою дочь? Учти, Ксения! – продолжала она уже с угрозой. – На каждую силу найдется другая сила! Ты хочешь кого-то унижить, прикаблучить, но и тебя могут затоптать! И я могу устроить тебе такую разборку с директором, с психологами, со школьной полицией нравов – что ты надолго это запомнишь! Но могу я расправиться с тобой по твоим же правилам: я найду больших парней и девчонок, которые будут терроризировать тебя и бить. Видишь, как все просто! – Помолчав, она воткнула пронзительный взгляд в испуганные Ксюхины глаза. – А если б Танина мама к вам не пришла, чтоб вы с девчонками делали? На колени не встают. «Косяк» не платят. Избили бы? А если и это не поможет? Куда б ты дальше пошла? – Она выдержала паузу. – Убивать будешь?

Ксения закрыла лицо руками и громко в голос зарыдала.

– Простите! Простите меня, пожалуйста! Никогда! Никогда я больше не буду так делать!

Алинка сидела, опустив голову, изредка поглядывая на Ксюху. Как она была непохожа на себя обычную, на себя всегдашнюю. Алинка вспомнила ее дерзкое, надменное лицо с вызывающе приподнятым подбородком, ее манеры – резкие, напористые, сметающие... Левая щека у Ксюшки вспухла и багровела... Глаза покрасневшие, без косметики...

(– Прикинь, это батеك ей звезданул, – объяснила позже Танька. – Как врежет ей со всего маха – она аж полетела и спиной стукнулась об стенку. Вся посуда зазвенела... Ксюха как занает так громко...

– Жалко Ксюху... – сказала Алина.

– Да иди ты со своей жалостью! Ненормальная какая-то! Она тебя жалела? Так ей и надо, падле! Крутой она захотела быть! Будет знать теперь, как других страшать и запугивать!)

Алина ни разу ни в чем не упрекнула, не обвинила Карпачеву. Она даже не воспользовалась преимуществом своей силы, чтобы отомстить ей, – а ведь она так часто мечтала о том, чтобы встать ногой на поверженного противника и с торжеством триумфатора водрузить знамя победы. Черт знает отчего, она жалела ее, такую напуганную, такую униженную и такую непохожую на себя. Она даже слова боялась сказать лишнего, чтобы не усугублять ее и без того незавидное положение.

В школу жаловаться Алинина мама не пошла – так было обещано Ксюше и ее маме. Несмотря на сопротивление дочери (это «упертое создание» стыдилось вмешательства родителей, как признания собственного поражения и собственной слабости), мама насильно поволокла ее к Каргаполовым: она считала, что дело не будет доведено до конца, если не разобраться

с главной подстрекательницей, с той, которая срежиссировала все эти события.

Карга оказалась не такой восприимчивой, как Ксюха. Спокойная гладь ее красивого смуглого лица не выражала ни раскаяния, ни растерянности. Уютно расположившись с ногами в кресле, она буднично сообщила, что дважды брала у Ирочки «косяк». Первый раз они сделали это с Карпачевой вдвоем, а потом она уже провоцировала все это в одиночку: ей деньги позарез нужны были, чтобы долг заплатить Карпачевой.

– Долг? – переспросила Алинина мама, ошеломленная внезапной догадкой. – Какой долг? Ты платила «косяк»?! Ты заплатила Карпачевой, чтобы она на девчонок облаву устроила? Ты заплатила, чтобы их всем гуртом травили? Да... Есть отчего свихнуться... – Голос ее внезапно стал тусклым и усталым. – Скоро наши дети друг друга будут киллерам заказывать...

Отец Каргаполовой был немногословен (матери не было дома). Гневно сверкнув глазами на дочь, он вывел суровый вердикт:

– Так... «Косяк», значит? «Косяк» научилась брать?! Я, как негр, вкалываю в шахте, чтобы вас с матерью обусть-одеть, а ты ведешь себя, как шкура! Ни дубленок, ни кофточек, ни музыкального центра – не будет тебе ничего! Ходи в лохмотьях!

По красивому и неподвижному лицу Карги незаметно прокатилась одинокая слеза.

Приближался День учителя. Инна Игоревна предупредила гимназистов, чтобы не вздумали ей ничего дарить:

– Мне ваши грошовые подарки не нужны. А вот учителям на открытки принесите завтра деньги. Вы должны уметь задобрить тех, от кого зависит ваша успеваемость, – объяснила она, хотя давно уже никому ничего не надо было объяснять, и так было всё ясно. А про подарки учителям никто из детей больше не вспоминал: интересоваться этим вопросом было не принято.

А урок доброты и чуткости ребята усвоили еще с младших классов. Уже тогда они знали, что невнимательность к заболевшей учительнице никому не прощалась. «Классная» по списку отмечала, кто пришел навестить ее во время болезни, а кто – нет (цветы и конфеты обычно принимались в дверях, без приглашения в комнату). «Нечутким» потом не раз припоминалась их бессердечность. Инна Игоревна считала, что это несправедливо по отношению к ней, потому что она всю свою душу, все свои силы отдает классу.

После праздника Инна Игоревна блистательно провела показательный урок для учителей города. Даже самые предубежденные противники экспериментов в педагогике и образовании были покорены, восхищены результатами методики. Ахали по поводу почти вузовской программы, отмечали грамотную, аргументированную речь учащихся и их свободную, уверенную ма-

неру держаться без всякого страха перед публикой. Недоумение вначале, а затем совершенно искренний восторг вызывала сама преподавательница, которая, как истинный режиссер «импровизированного» спектакля, оставалась в тени, принимая минимальное участие в обучении: урок практически вели по заданному направлению три вундеркинда.

— Честно говоря, мне вначале не понравилась сама учительница, — выразила свое впечатление одна гостья. — Как это так? Села в уголке, ее и не видно. Но потом до меня дошло: ведь все-му этому надо научить! За один раз только для показухи этого невозможно добиться! Это результат каждодневной, кропотливой, талантливой работы!

После того, как грозы отбушевали и тучи рассеялись над головой, девчонки Алина и Таня вздохнули, наконец, свободно: никто на них в классе не «наезжал», общаться с одноклассниками стало легко и просто. Как хорошо, что все когда-то кончается. Вот и «стрелке» пришел конец, всё само собой утряслось и больше никто не посягает на их свободу. Но радость получилась недолгая. Всё испортила Алинина мама. Однажды она случайно встретила с Инной Игоревной в магазине и по неистребимой своей привычке вмешиваться куда ни попадя выразила сочувствие учительнице в ее нелегкой работе с детьми переходного возраста. Она поделилась своей тревогой по поводу психологической атмосферы в классе. Она заговорила о нездоровом интересе подростков к вопросам пола, ее почему-то беспокоил класс: и девочки, которых уже донимают мальчишки-семиклассники своими приставаниями, и мальчик, который делает девочкам непристойные предложения...

— А-а... это Сережа Стропилин... — вяло, нехотя проговорила Инна Игоревна, по привычке растягивая слова. — У него дома атмосфера такая... А по поводу девочек я поговорю с мальчишками. Они больше не будут так делать. Девочки сами виноваты: те задирают их, а эти гоняются за ними. Не надо обращать на них внимание.

На следующий день Инна Игоревна задержала Даянову и Колесникову после занятий и заставила на бумаге перечислять недостатки своего характера. Не удовлетворившись написанным «самоанализом», она попросила всех девочек остаться после уроков и обсудить вопрос: правильно ли ведет себя Даянова, когда Стропилин предлагает ей «это» извращенным способом...

Домой Алина прибежала вся в слезах. И мама ее, как и любая другая мать, задержалась, заметалась от противоречивых чувств, от щемящей жалости к своему плачущему чаду, от жгучего негодования к обидчице; несколько раз она нервно подходила к телефону и останавливалась, пытаясь уяснить причину столь странного поведения учительницы.

Ну откуда столько непонятной злобы?! И почему все это обрушилось на ее бедного ребенка – с добрым и отзывчивым сердцем, в котором ни для кого нет зла? Частенько, заглядывая в глаза своей ягодки-Алинки-малинки, она, мать, не переставала удивляться тому, сколько тепла и света струится из них! Она всегда любовалась чистотой, восторженной живостью глаз своей дочери. А в последнее время эти лучистые звездочки потухли, подернулись какой-то мутной тревожной пеленой, а сейчас из них потоками катятся слезы... Какой же глухой и слепой надо быть, чтобы не почувствовать душу ребенка!

Алинина мама в ярости набрала номер телефона классной руководительницы:

– Вы унизили, оклеветали и оскорбили ребенка! Вы поступили непедagogично, и я требую, чтобы вы завтра же извинились перед моей дочерью в присутствии тех, кто был рядом! – с гневом выговаривала она. – Вы прекрасно осведомлены о делах в классе, вы знаете, кого мацают и кому делают такого рода предложения. Если вы сомневаетесь, я могу конкретно назвать имена девочек, которые пользуются подобным успехом. Что касается Алины, она не допустит, она будет драться с теми, кто руки распускает.

– Хорошо, я извинюсь. Я не поняла вас. Вы сами во всем виноваты. Зачем вы начали говорить про класс, если вас это не касается... – последовал вялый меланхолический ответ, затем короткие гудки.

– А где же эротика? Почему же я не вижу никакой порнографии?

С такими словами учительница вошла на урок в седьмой «Б» класс.

– Я, конечно, извиняюсь, – пренебрежительно сказала она, обращаясь к Алине. – Но твоя мама сама во всем виновата! – Уголки ее губ были презрительно опущены, а в голосе зазвучала обида: – Ну зачем вы дома рассказываете все, что происходит в классе?! В первую очередь ты должна была подойти ко мне. Ко мне! Ко мне! Ясно тебе? Я для вас самый близкий человек! Я помогу вам разрешить все ваши проблемы! Я понимаю вас лучше, чем ваши родители! Они отсталые и несовременные, они обо всем судят по старинке. Сколько раз я говорила вам: никогда не рассказывайте дома, что происходит в классе! Сколько из-за этого неприятностей! А твоя мама... – Она метнула в Алину взгляд, готовый разорвать на куски. – Пусть она больше... никогда мне больше не звонит! У меня на нее аллергия! У меня – стресс! У меня депрессия!

Ее голос, обычно медленный, с тягучими гласными, стал резким и отрывистым. Всплеснув руками, она в негодовании воскликнула, обращаясь ко всему классу:

– Ну раздела меня догола! Вот стою перед вами голая! И ничего не спрятать, не утаить! Оказывается, класс у нас сексуально озабоченный! Оказывается девочек у нас замацали! Ну-ка встаньте, Даянова и Колесникова, в глаза мне смотрите, я с вами разговариваю! Все, значит, озабоченные. А сами-то вы какие – из другого мяса сделаны? Акилова, – обратилась она к старосте класса. – Разберитесь с ней! – И вышла за дверь.

Акилова, не только умница и отличница, но и одна из наиболее авторитетных вожаков класса, умела быть в куче со всеми даже в самой «горячей» заварушке, но, в отличие от некоторых, ее никогда не заносило, она умела вовремя остановиться, если дела шли в разрез с ее принципами, вовремя выйти из игры, когда пахло «жареным». Но поперек других она никогда не вставала.

– А про меня что ты своей матери наговорила? – спросила она Даянову напряженным голосом, откинувшись корпусом на спинку стула и немного надменно повернув голову в ее сторону. – Ведь я же тебе ничего плохого не сделала. – Акилова подняла свои скифские глаза и столкнулась с кротким, беззащитным, страдающим взглядом Даяновой. Ее голос споткнулся. – Девчонки... в натуре... ну это... я же вам ничего плохого не сделала... Вы же... не можете...ну типа... обижаться на меня, правда? – как-то неуверенно проговорила она.

Ответить ей Алина не успела: класс сорвался и обрушился на нее с таким шумом и гвалтом, что девочке показалось, что ее со всех сторон тисками сдавила какая-то тяжесть, а захлестнувшее чувство стыда и унижения как бы парализовало ее способность к сопротивлению и к самозащите. Кричали все: кто со смешком, кто с издевкой, а кто-то и просто так, оттого, что все кричат. В общем гомоне трудно было различить, кто что выкрикивал, но отдельные фразы долетали и отчеканивались в памяти:

– Ябеды!

– Стукачки!

– Вы что, девчонки, мы же шутили! Это же игра такая – в банду!

– Ты чего гонишь: кто тебя мацал, коза! Да кому ты нужна?

Плоскогорье!

– Да никто ж вас бить не собирался! Это же просто так! Это ж для потехи!

– Суки, вас хоть пальцем кто-нибудь тронул?

Кто-то свистнул, кто-то затопал ногами, и вслед за этим раздался взрыв хохота в углу.

На «растерзание» виновных учительница пожертвовала весь урок (ровно столько она отсутствовала). И эти сорок пять минут для девочек показались нескончаемо длинными. Они уныло стояли, не решаясь сесть, хотя класс давно уже потерял к ним интерес. Было по-прежнему шумно, но все были заняты своими делами: кто разговорами, кто математикой, кто просто так балду гонял и оттопыривался, как мог, пока училка не

пришла. Один лишь Гиена, случайно напоровшись на «наказанных», сделал свирепую гримасу и высунул язык: «У-у, лоханки!» Алина с Таней кисло переглянулись, но дерзить ни у одной из них не было запала. Правда, Танька позже вспомнит об этом:

– Очешуел, гад! Куражится еще! Забыл, когда сам в последний раз на «лобном» месте стоял. Отшибло память, когда ему самому «секир-башка» делали!

Хрупкую, изящную Инну Игоревну было опасно сердить, все знали, что в гневе она страшна и лучше ей не попадаться на язык. Но «коллективное воспитание», когда весь класс натравливался на одного – это было, пожалуй, покруче, чем просто одна мегера. Тогда казалось, что весь мир пошел войной против тебя! Через такую травлю прошли многие: и Карпачева, и Гиена, и Карга. Не боялся ее, пожалуй, один Стропила. Когда мегера спускала всех собак на Стропилина, серьезной и принципиальной разборки обычно не получалась. Во-первых, кому же охота на Стропила нарываться? Да и команда его всегда за него горой. Во-вторых, Серега – пацан веселый и скользкий, с него все как с гуся вода: из любой ситуации выкрутится, где хитростью, где наглостью.

Как-то в шестом классе он всю толпу на «угар» водил. Прикол был таков: на торговой площадке, где целый ряд фруктовых и кондитерских ларьков, Серега подходит к одному из них. Человек пять из класса выстраиваются за ним в очередь, остальные – публика.

– А у вас сало есть? – спрашивает Стропила у продавца хлебобулочных изделий.

– Нет.

– А селедка?.. А кефир?

– А у вас сало есть? – нахально повторяет вслед за ним Карпачева.

– А сало есть? – взвизгивает от смеха Гиена.

Толпа «угорает» и с хохотом перебегают к следующему киоску.

– А у вас сало есть? А презервативы? – наглет Стропила.

– Во поколение растет! Ни стыда, ни совести! Брысь отсюда, молокососы, пока милицию не позвала! – обругала пожилая тетенька в белом халате.

– Да у тебя, сопляк, еще пиписька не выросла! – со смехом прогнала другая, помоложе.

А третья грубо обложила матом.

Под конец Стропила так понесло в его буйном озорстве, что он в сильном угаре со всего маху вдарил снизу вверх по навесной витрине, и все выставленные товары попадали и покатились. Вот тогда уж точно пришлось от милиции со всех ног драпать, но убежать не удалось...

– Мусора ж на него пушку навели, – безбожно фалил Гиена, не в меру нахлебавшись пива из горла. – Да ведь Стропила-то не

из пугливых. Он может даже один против двоих – троих: «кья!» – ногой, «бац!» – в зубы, и готово, не зря ж целый год на каратэ ходил! А если б ему еще «ствол» для прикола! Тогда б ваще всё по-суперски было! Идешь, как в компьютере, и мочишь, мочишь всех подряд! Во бы шухер навели! И никакой мент поганый не сунулся б! «Пах! Пах!» – и все бы врассыпную: кто в кусты, а кто б на месте в штаны со страху наложил!

Сам же Стропила предпочитал обходиться без «ствола» и без крови. Да и зачем? Ему и так все дорогу уступали, даже Инна Игоревна. А куда ж деваться? Приходилось. Но и она в накладе не оставалась, если надо кого приструнить или «стрелку» там забить. Просить об этом Инна не стеснялась: «А чего стесняться, – говорила она, – если даже правительство все сплошь коррумпировано, а миром сейчас правит мафия». Стропила с обычной своей ухмылкой прикладывал два пальца к козырьку: «No problem, my theacher!»

Вот такой он, Стропила: его ничем не проймешь. Так что никаким коллективным воспитанием его не испугать.

А вот девочек Даянову и Колесникову родители перевели в другую школу. И зря, потому что их класс снова показывали по ящику, когда на базе гимназии областной семинар проводили по экспериментальным методикам обучения и внедрению их в практику. Учительница Инна Игоревна получила повышение: сначала она полгода работала завучем по науке в гимназии, но класса не оставила, говоря, что родители учеников ей этого не простят. А когда ей предложили перейти инспектором Управления народным образованием города, она почему-то не согласилась и вернулась на свою прежнюю работу – рядовым учителем и классным руководителем своего родного седьмого «Б» – ведь школа и дети были для нее «всем на свете».

– Это моя жизнь, это моя семья! – с милой, застенчивой улыбкой, певуче растягивая слова, говорила коллегам эта скромная девушка, которая всегда любила оставаться в тени.

– Уф, как надымили... Надо форточку открыть! Нет-нет, не наливай! Мне хватит: и так уже окосела... Вчера коза одна на работе задрала меня в конец! Часа полтора сапоги примеряла. Все ей не подходит: то голенище широкое, то носок узкий, то каблук высокий...

Потом черт ее надоумил за стеллаж ухватиться! От вибрации сапоги закачались и – тюк, тюк, тюк – один за другим стали друг на друга наваливаться, а потом все разом ка-а-к рухнут с полки. А тетка испугалась и давай их обратно громоздить! Я ей ору: «Отойдите! Не трогайте!» Но поздно. Стеллаж зашатался, как от землетрясения, и вся обувь, представляешь, ну вся, какая была: туфли, кроссовки, тапочки – всё посыпалось вниз! Мать ее за ногу! Все размеры, все пары в кучу смешались! Ну чё ты смеешься? Хуже детей! И ведь слова не скажи! Молчи и всем кротко

улыбайся! А у меня уже сил не остается улыбаться всем, с трудом сдерживаюсь, чтобы из кроткой лани крокодил зубастый не выскочил!

Из школы, говоришь, зря ушла?.. Нет, не зря. Пепельницу подвинь ко мне... Нет, не жалею. Ах, какие детки, все умненькие-разумненькие! Козлы они все! У меня после них нервная система вдребадан вся развинтилась. Один Стропилин из девятого «Б» чего стоит! Ублюдок! Скотина! Урод! Представляешь, беру у него дневник, а оттуда карты порнографические сыпятся. И все тетрадки по литературе оклеены голыми девицами. Я ему: «Что это за безобразие? Немедленно убрать!» А он придавил меня своим тяжелым взглядом, а на губах улыбочка такая глумливая играет: «Инна Игоревна, вы такая красивая, когда сердитесь, я б вас поимел!»

Класс притих, затаился, наблюдает. Я ору: «Вон из класса!» А он: «Только вместе с вами!»

Класс молчит, и тишина такая угрожающая... Все на его стороне! А Стропилин обнаглел, условия ставит постоянно. Чуть что не по нему – весь класс ошетиливается. Как стая волков. Уроки бойкотируют. Поднимаю одного, другого, третьего... Отказываются отвечать. Или еще хуже (а может, и лучше – нервы целей!): прихожу – а кабинет-то пустой... Однажды целую неделю ко мне не ходили. Администрация? А никто ж ничего не знал! После моей-то славы у меня язык не поворачивался рассказать кому, что я с ребятами не справляюсь. И они тоже – молчок: понятное дело – лишний шум им не на пользу! Что за условия мне ставили? Так, ерунда всякая. Отругала кого за прогулы – мне бойкот. Отказалась во время урока включить телевизор – класс опять на дыбы! Представляешь, оказалось, там чемпионат Европы по спидвею транслировали, а парень один из нашего города в тех гонках участвовал... Вот этого преступления они мне никак не могли простить...

Плесни-ка мне чуток! Вот так... А скажи, какие хорошенькие, умненькие цыплятки были, когда я их взяла в первом классе! А теперь из них ящеры какие-то озверелые выросли! Совершенно дикими, неуправляемыми стали... Как у Булгакова в «Роковых яйцах», помнишь?

...Диссертация? Какая там диссертация! Всё рассыпалась. Система сбой дала. А ведь поначалу всё действительно получалось. Теория с практикой не расходилась... Всё срабатывало, пока они маленькие были... Иногда я думаю: все дело в моей проклятой неуверенности. Я никогда не была лидером, я всегда была серой мышкой, но и ведомой я никогда не была... Наверно, потому у меня и друзей-то не было. Когда я пришла из института в школу, я очень боялась, что у меня ничего не получится. Потому и разработала эту систему самоуправления, чтоб всё – сами: вот вам задачи, сами распределите, сами требуйте, сами дисциплину наводите.

...Знаешь, я никогда не сомневалась в том, что правильно выбрала себе профессию учителя. Всегда считала: это – мое. На работе я восполняла то, к чему стремилась моя натура, – это власть. Я помню, еще в школе все девчонки мечтали стать киноактрисами. Смешно, да? Все нынешние шмакодявки хотят стать певицами, чуть ли не каждая грезит о «Фабрике звезд»! Одна моя ученица – мордастенная такая, как хомяк, сама квадратная, как тумбочка, – и эта туда же: призналась мне о своем заветном желании попасть на «Фабрику звезд». Так вот, я отвлеклась, чё я хочу сказать-то: в те годы, когда все наши девчонки мечтали стать актрисами, я хотела быть режиссером. Догоняешь, в чем фишка-то? Уже в те годы я дотумкала, что для меня гораздо важнее не то, чтобы я блистала в свете рампы, а то, чтобы прожекторы высвечивали других, а те, другие, во всем зависели от меня, выполняли мою волю! ...Поначалу так и было: я для своих цыплят была, как бог... Черт бы побрал этот возрастной взрыв гормонов! Они же все свихнулись в этом году!

...Да какая личная жизнь? Пока в школе работала, приду домой и бултых в спячку: сплю, сплю, сплю – надо же мне от них как-то отключаться. Здесь, в обувном, познакомилась с одним, походили месяца три. Когда он решился семью оставить, обрадовалась: наконец-то и у меня семья будет, как у всех. Когда он ко мне с чемоданчиком в общежитие появился, я думала – временно, пока с разменом дела утрясются. А оказалось: никаким разменом и не пахнет! Он и в ус не дул насчет размена! А квартиру трехкомнатную и дачу он, представляешь, своей прежней семье решил оставить. Я ему говорю: «А как же я? Мне эта общага – как кость поперек горла! Сдалось мне тогда это замужество, если спозаранку та же гребанная карусель: в общей кухне очередь на конфорку, чтобы жрать приготовить; в сортир, не зажавши нос, не входи, а в общежитской душевой на стенах – липкая слизь... Дели, – говорю, – квартиру, если хочешь жить по-человечески». А он ни в какую: кто, говорит, о моих детях позаботится, если не я? Ладно, я тоже на принцип пошла: не хочу, говорю, в тридцать лет семейную жизнь с нуля начинать. Так и разбежались... Вот такая сплошная невезуха у меня с мужиками! Давай наливай это бухло! И выпьем мы с тобой за настоящих мужиков, чтоб за ними, как за каменной стеной!

Да... да... да... Ты во всем права! Работать продавцом – не для моего интеллекта... Я действительно пропадаю здесь... Да и диссертацию жалко... Правильно ты говоришь, нельзя на полпути все бросить. Да!.. Да!.. Да!.. Это класс плохой! Ужасный класс! Это все из-за Стропилина... Он всегда был гаденыш, а теперь из него урод вырос! Да, конечно, это все из-за переходного возраста... Все они бешеные в эту пору! ...Ты думаешь, мне стоит вернуться в школу и попытаться еще раз? Ну да, с маленькими...

Людмила
АБАЕВА

В БИБЛЕЙСКОМ НЕБЕ

* * *

О, эта странная, глухая,
гудящая, как поезда
в осеннем сумраке без края,
и тянущая в никуда

тоска – поворотила тайной
жизнь от начала до конца
так, что и в зеркале случайном
своим не признаешь лица.

* * *

Духу небесному, истинно сущему,
я присягнула на горнем огне.
Тайными песнями, звездными кущами
голуби снов прилетели ко мне.

С этой поры и живу, зачарованна,
с сердцем бестрепетным в черные дни.
Где моя радость и где моя родина? –
знают далекие в небе огни.

* * *

О, Господи, осень!
Погожий денек для двоих,
бредущих одной бесконечной конечной дорогой
все мимо и сквозь шелестящих, летящих, убогих
и солнцем последним пронзенных просторов твоих,

и солнцем последним, слегка веселящим унылость
домов, и скамеек, и сквериков цвета дождей.
Поддай же им, Господи, солнца на сырость и сирость,
на зябкую старость, на бедные игры детей.

И дай мне свободу лететь и лететь
безмолвной листвой, устилая безмолвную твердь.

* * *
Зной. Сады. Белены хатки.
В небе вечном облака,
словно новые заплатки
на лиялые бока.

Южнорусская равнина,
южнорусская печаль:
нет ни гомона, ни дыма,

ни вола, ни пилигрима –
только выжженная даль.

Все летит, пылит дорога
без начала, без конца
от порога до порога,
мимо пашни, мимо Бога,
мимо милого лица...

* * *
Что ты плачешь, косы расплетая
млечные?
Солонее слез волна крутая,
вечная.

Что влечешься в зыбь горизонталей
осиянную?
Не избудешь там свои печали
покаянные.

Берег спящий волны не разбудят
белопенные.
Ты уйдешь, а в мире все пребудет
неизменное.

Даже тот, который сердце ранил
безутешное,
с радостью проснется утром ранним
безмятежною...

* * *
Мне голос твой снится и снится,
как будто хрустальные спицы
все нижут петлю на петлю,

которые свыше предела
сжимают безвольное тело –
я обморок этот люблю.

Когда ж от петушьего ора
все сны разбежались, как воры,
застигнутые врасплох,

то в мире и места не стало,
где б не влекло, не шептало
голосом вспугнутых снов...

* * *
В библейском небе только сны и птицы
летают невозбранно,
и ты, душа, смиренной голубицей,
звездами осиянна,
лети, лети от площадей кипучих,
сквозь торг и скорый суд,
за тот предел, где пламенеют тучи
и ветры гнезда вьют...

Мы все уйдем из суеты во славу
грядущих дней,
чтоб укрепить небесную державу
душой своей.

* * *
В дебри слов ушли и не вернулись
странные попутчики мои,
не отзывались, не оглянулись.
им вослед не пели соловьи.

Не шумели деревья листьями,
не шептала горестно трава
там, где воспаленными устами
воскрешали мертвые слова.

Без любви, без жалости, свинцово
слушал мир в неоновом венце...
Сказано: в начале было Слово.
Значит, Слово будет и в конце.

* * *
И нет в творении творца...

Ф. Тютчев

Нет замысла – и нет спасенья.
Мы сироты вовек.
Венец природы – червь творенья.
в житейском море человек –
и гибнущий корабль, и крыса,
бегущая с него.
Неодолимо, низко-низко
влечет на дно.

Мне непосильно это бремя –
двойная жизнь и смерть вдвойне.
Всесокрушительное время
течет во мне.

ДОЖДЬ НАД ГОРОДОМ

Рассказ

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

МАЛЬЧИК

Это случается с каждым. А может, случилось.

Конечно, случилось, просто вы были обычным ребенком... В этом возрасте все необычно. Все ново и странно. И среди всего, что окружает нас, мы не обращаем внимания на действительно невероятные вещи. Считая это частью большого мира, который ещё предстоит узнать.

Дело было осенью.

Осень в том году наступила так стремительно, что люди, кутаясь в плащи, с сожалением думали о бабьем лете.

Хотя ребенка, шедшего по лужам, это совсем не волновало. Дул ветер, и с деревьев, шелестя, падали желтые листья. Мальчик тянул к ним ручки, но был в который раз отдернут.

– Хватит, всякую грязь, с земли поднимать!

Мальчик по этому поводу сохранял стойкое молчание и с явной неохотой шел за женщиной, тянувшей его за руку.

В этот серый ненастный осенний день мальчик был обижен, обижен на весь свет.

Игрушку, что так понравилась ему в магазине, ему так и не купили, а грубо оттащили от прилавка.

Оглядываясь на здание магазина, мальчик видел, как расстояние между ними увеличивалось.

И он смирился, одно из первых разочарований в жизни его не убило. И он забыл об игрушке, просто – взял и забыл.

В дождливый осенний день, когда на плохо проложенном асфальте глубокие лужи и грязь, мальчик не думал ни о чем, а шёл и, задрав голову вверх, смотрел на небо. Как странно, он видел его много раз. Но сегодня оно казалось ему необычным.

Серая пелена плыла по небу, где-то были видны темные сгустки, но в целом она, словно живая масса, тянулась по когда-то синему пространству.

Низко летали стаи птиц, обеспокоенные этим величественным движением, и, словно кланяясь, раскачивались голые ветки деревьев.

И тут одинокое облачко показалось на небе. Вот так, неожиданно. Темное-темное, даже скорее черное, оно несло по небу обособленно и... размахивало руками.

Мальчик, почувствовав, что его руку отпустили, остановился и, раскрыв рот, в изумлении уставился на облако.

Оно не было таким, как все.

Облако напоминало ему силуэт женщины. Тонкая фигурка, длинные волнистые волосы, развевающиеся на ветру, длинное платье, будто мешающее идти.

Словно в жутких муках, тело размахивало руками, защищаясь от кого-то, и... пропало.

Мальчика снова взяли за руку и повели за собой. Но он ещё долго смотрел на небо, по которому величественно и безмолвно плыли облака, не обращая внимания на суету внизу. И ничем не побеспокоенные странным явлением.

В этот же день поздно вечером мальчик услышал слово, которое он слышал много раз, но почему-то именно сегодня привлекавшее его внимание, – смерть.

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

– А он сказал, что это ты им все рассказал! – И мальчишка-первоклассник сильно ткнул кулаком стоявшего напротив него мальчишку.

Тот ничего не ответил, но, не сдержав обиды, сжал кулаки и отпихнул от себя обидчика.

Недалеко от них стояли ещё трое, явно готовые поддержать первого. Засунув руки в карманы, они зло смотрели на противника.

Получив резкий отпор, первый мальчишка, боясь уронить себя в глазах сотоварищей, применил прием, так много раз виданный по телевизору. Подпрыгнув и задрав ногу, он попытался ударить стоявшего напротив в грудь. Но прием, так четко срабатывающий в фильмах, получился весьма неудачным. Противник лишь отшатнулся, а первый приземлился на свою пятую точку.

Взвыв, мальчишка вскочил и кинулся к своему обидчику.

Вцепившись друг в друга, они стояли и, пыхтя, зло смотрели друг на друга. Грязные куртки, взъерошенные волосы. Ни тот, ни другой не хотели уступать в драке, когда вдруг услышали окрик, донесшийся со стороны школы.

– Ага! Дружья приятели, опять сцепились!

Заслышав крик «любимой» учительницы, четверо друзей тут же дали дёру. А пятый, победоносно сжав кулаки, зло смотрел им вслед. Но радость продолжалась недолго, так как цепкие руки вцепились ему в ворот куртки.

– Ага! Опять, да?! Ну посмотри, на кого похож! Что мать опять скажет?!

Мальчик не хотел слушать, а слышал. И было обидно.

– У матери и так сколько проблем!..

Мальчик, не дослушав, рванулся и побежал прочь от учителя. Просто взял и убежал.

Куртка хрустнула, что-то порвалось. Но мальчик не ссылся во весь опор, боясь, что цепкие руки вновь схватят его.

Сердце готово было вырваться из груди, и он остановился. Безуспешно попытавшись нащупать порвавшуюся деталь, он хлопнул носом и пошел дальше.

Путь домой лежал через дворы. Мальчик знал, что Санек злопамятный и что у него есть старший брат, гроза всего двора, который сходу накомытит первоклашке.

Другой путь в обход, где была дорога с большим движением. И дворы с ребятами покруче.

Он как-то решил пройти таким путем, но нарвался на здоровенных «лбов», что, засунув руки в карман, преградили ему путь.

– Слышь, пацан! – сказал один из них. – Удружи. Добавь на пиво.

Виталик тогда оглянулся. Вокруг никого не было. Одни дома. Пятиэтажки пустыми глазницами смотрели на него.

Мальчик сжался и чуть слышным голосом выдавил из себя:

– У меня нет.

– Да ладно тебе, – похлопал его другой по плечу. – Вишь, какая у тебя курточка! – указал он на грязную порванную одежду.

– А ну, поможем пацану!

Виталик так ничего не успел понять, как оказался поднятым вверх. Сильные руки перевернули его и, крепко держа за ноги, стали трясти над землей. Он всем телом чувствовал, как из глубоких карманов выкатываются деньги и падают на асфальт. Сколько он копил эти деньги! Экономил на проезде, питании в столовой.

А деньги падали, падали...

– О! Как раз нам на пиво. – Его опустили на землю. – Ну чё, пацан. Давай не будь в обиде. Ты пиво-то пьешь?

– Нет! – буркнул мальчик.

– Ха-ха! – гоготали парни, не обращая на него внимания...

Боль и обида остались. Но парни хотя бы его не били. Вывернув карманы, он посмотрел на монетку достоинством в пять рублей.

«Если они появятся, я засуну её в рот!» – решил мальчик и, сжав монетку в кулачке, побежал через дорогу.

Но парни выросли перед ним неожиданно, скорее, он сам на них наткнулся. Они стояли к нему спиной и разговаривали.

Виталик решил проскочить мимо, но тут услышал:

– Э, пацаны, глянь!

Но вдруг из арки вышла женщина, и Виталик, ни на что не надеясь, крикнул: «Мама!» – и побежал к ней со всех ног.

Женщина остановилась, недоуменно посмотрела на него, но, увидав позади ребят постарше, просто протянула ему руку.

Виталик вцепился в нее, будто это женщина и есть его мама. Так они и шли долго. Женщина ничего не говорила, и он молчал.

Вскоре она остановилась.

– Ну всё, пришли. Я здесь живу. А ты где?

Виталик очнулся и отпустил её руку.

– Там! – указал он на белевший недалеко подъезд родного дома.

– Сам дойдешь?

Виталик кивнул.

– Ну пока. И не ходи один по незнакомым дворам!

Женщина ушла.

Виталик, постояв немножко, засунул денежку в карман и побежал к подъезду.

Распахнув дверь и вбежав в чернеющий проем, вдруг ощутил подножку. Рухнул на каменный пол, монетка выкатилась и звенькнула. Он услышал победоносный клич:

– Бей его, пацаны!

Хлюпнув разбитым носом, Виталик открыл дверь квартиры и, закрыв её, огляделся.

Было тихо.

Скинув с ног ботинки, он подошел к старому платяному шкафу, на котором висело зеркало, и посмотрел в него.

Ёжик взъерошенных светлых волос, круги под глазами, ссадина на лбу и кровоподтек под носом.

Шмыгнув, Виталик снял порванную куртку и, свернув в валик, на цыпочках стал пробираться по темному коридору.

Квартира, в которой жил мальчик, была огромной по площади. Она досталась его матери в наследство. Квартира располагалась в неблагополучном районе, к тому же жилищные условия старого дома, годного только на снос, оставляли желать лучшего.

Но сразу, как только они въехали, раздался звонок в дверь и на пороге оказался интеллигентного вида старичок с букетом цветов и, широко улыбнувшись, сообщил, что он по делу. Но разговор оказался недолгим. Как помнил Виталик, он так же быстро удалился со своими цветами. Галантный кавалер с наколками на руках, пожелавший купить именно эту квартиру, решительно не понравился матери Виталика. Старик наведывался в их квартиру ещё. Но после того как по району стали ходить патрульные рейды, мужик испарился. Мальчик так и не узнал, зачем он приходил...

Виталик на цыпочках пробирался мимо комнаты старшей сестры. Он знал, что сестра дома. Ещё тогда, когда она училась, она приходила раньше всех после учебы с каким-нибудь парнем, после чего у неё неожиданно появлялись деньги. А вечно занятой и уставшей матери она сообщала, что продала куртку – шила вещь на заказ.

Виталик отмалчивался, но когда однажды ему не хватило денег на мороженое, он сказал сестре, что скажет всё матери, за что получил подзатыльник и пять рублей.

Так продолжалось довольно долго. Парни к ним приходили разные – от прилизанных красавчиков до неформалов-панков, рэперов и т.д.

Но больше всего Виталику запомнился гот. С ним было связано происшествие, полностью изменившее жизнь сестры Виталика.

Мальчик не знал, что означает слово «гот», но парень был очень странным: бледный, высокий, худой, с черными до плеч волосами, темными глазами и татуировкой на плече. Он постоянно говорил о тьме, ночи, слушал заунывную иностранную музыку, красил ногти в черный цвет и называл его сестру королевой.

Хотя, как казалось Виталику, он единственный говорил его сестре о любви. Да так, что та впала в эйфорию, покрасила волосы в чёрный цвет и стала слушать заунывную музыку.

Парень говорил ей о его и её вечной любви, что они одни такие дети тьмы и всегда будут вместе, даже после смерти.

Виталик только крутил пальцем у виска.

И, в конце концов, его сестре это тоже стало надоедать. Она выставила парня вон.

Но тот не оставлял её, а ходил за ней, словно тень, по ночам стоял под окнами. Бледный, с длинными черными волосами, в черном плаще.

Сестра нервно курила и созванивалась с подругами. Часто закрывалась в ванной и подолгу не выходила оттуда.

Виталик начал думать, что парень колдун.

Сестра худела на глазах, стала измученной, по ночам ей снились кошмары. А однажды, в который раз закрывшись в ванной, она оттуда не вышла.

Виталик, проходя по коридору, вдруг понял, что дверь не заперта, и из ванной не доносится ни звука. Открыв дверь, он тут же её захлопнул и кинулся бежать.

В светло-желтой комнате стояла ванна, полная крови, в которой сидела его сестра, бледная, с размазавшейся черной косметикой.

Со всех ног бежал тогда Виталик к тете Вере, соседке по этажу. Она была медработником и не раз присматривала за ним, когда он болел.

Вышедшую на пенсию женщину известие подкосило. Неумело схватив сестру Виталика за голову, она вытащила её из ванны и побежала вызывать скорую.

После этого парень в черном исчез, будто получил, что хотел.

Сестра осталась жива, но стала другой, ещё более злой и раздражительной. От лекарств и от вечного сидения дома она стала безудержно толстеть...

За дверью было тихо.

«Спит корова!» – злорадно подумал Виталик и, остановившись у двери, глянул в замочную скважину.

Сестра стояла у зеркала и стригла волосы у самого корня.

«Совсем чокнулась!» – подумал мальчик, ещё плотнее прижавшись к двери.

Сестра старательно отстригала черные волосы, оставляя лишь светлые у корней.

Виталик приподнялся, но тут дверь распахнулась, стукнув его по носу. В проеме показалась располневшая фигура сестры.

– На! – протянула она ему деньги. – Сходишь за хлебом!

– Не-а! – взбрыкнул Виталик, но тут же был схвачен за шкуру.

– Сходишь! – прошипела сестра и стала подталкивать его к выходу.

– Дура! – взвизгнул мальчик. – Матери скажу, что ты волосы отстригла!

– Я новую жизнь начинаю! – гаркнула та в ответ и, вытолкнув за дверь, запихнула ему деньги в карман куртки. – Сходишь! И сдачу принесешь!

– Не-а! – вцепился Виталик в дверь.

Но та захлопнулась, чуть не прищемив ему пальцы.

Зло засопев, мальчик пнул дверь. И, тяжело задышав, остановился. «Дура!» – в который раз решил он и сбегал вниз по лестнице. Сунув руку в карман, он нащупал там деньги.

Обреченно вздохнув, Виталик побрел к магазину.

«Супермаркет» – значилось на вывеске. Да по-другому и быть не могло: если в городе и открывался магазин, то обязательно «супермаркет», пусть даже выглядевший скорее «мини».

Мальчик толкнул дверь и оказался в огромном помещении. Здесь медленно ходила пара-тройка человек и предобморочно смотрела на ценники. Мальчик, минув кассу, прошел в хлебный отдел и остановился у полок.

Хлеб разных сортов и форм. Что взять? Хотя и так ясно: тот, что ели всегда. Но знакомого «кирпичика» нигде не было. Зато рядом лежал шоколад, много плиток шоколада. Виталик засопел и посмотрел на хлеб.

«Скажу, что не было!» – решил он и взял одну из плиток, лежащих на полочке. Помявшись у кассы, он осторожно подошел к продавице, и, положив плитку на стол, выложил деньги в миску.

Виталик считать не умел, но всегда думал, что может, получив очередную двойку от учителя по математике. И сейчас, положив деньги, он полностью доверился продавцу. Женщина с невозмутимым видом стала отсчитывать монетки...

Подбрасывая вверх несколько копеек, мальчик вышел на улицу. Сев на лавочку возле магазина, он сорвал обертку с шоколада и принялся есть.

Съев половину, Виталик понял, что сыт. Откинувшись на спинку, он стал рассматривать прохожих, идущих по улице.

Осень. Было довольно холодно и зябко. Мальчик шмыгнул носом и поднялся со скамейки. Домой идти не хотелось, да и страшно.

Он вытащил остаток плитки из куртки и посмотрел на него. Конечно, он может прийти домой и, достав шоколад, сказать: «Смотрите, что я купил. А хлеба не было».

Но мальчик знал, что шоколаду вряд ли обрадуются.

«Да чем лучше хлеб? – думал мальчик, перепрыгивая через лужи. – Большая булка. Пресная. Вот хлеб с колбасой – это да! А тут булка!»

Мальчик хлюпнул замерзшим носом и наступил на лужу, где уже стал появляться тонким слоем лед.

Зима. Скоро зима. От напоминания об этом стало ещё холодней. Вдруг, кружась в воздухе, что-то опустилось на голову. Снег. Темнело. В окнах зажигались огни.

Мальчик побежал. «Буду гулять. Долго, – думал он. – Они начнут волноваться, а приду – про хлеб и не вспомнят!»

Минувя знакомые места, он шел все дальше. Ярко горели витрины магазинов, привлекая внимание и зачаровывая своей красотой. Мальчик шел и останавливался у каждой. Прислонившись щекой к холодному стеклу, он дышал на него и выводил крючки, кружочки, закорючки.

Улицы менялись. Виталик ушел уже довольно далеко. Шоколад в кармане кончился. Промокшие ноги замерзли так, что пальцы затвердели и ими было больно ступать. Мальчик остановился посреди незнакомой улицы. Огляделся.

Незнакомые дома, магазины, люди.

Виталик понял, что заблудился.

– Мам? – позвал он. – Мама!

Выронив фантик от шоколадки, Виталик побежал по аллее. Он метался из стороны в сторону. Но везде незнакомые дома, улицы, магазины.

Мальчик замер. Рядом кто-то громко засмеялся. Виталик оглянулся: возле одного из магазинов стояла банда парней с пивом в руках, очень похожая на тех «лбов», что отняли у него деньги.

Испугавшись, он бросился бежать от них, а кругом шли люди с безучастными лицами...

Виталик все бежал через дворы, дальше, дальше, минувя детские площадки, стоянки для машин, мусорные баки, пока не выбежал к полю.

Темно. По дороге, невзирая на светофор, на огромной скорости неслись автомобили. Мальчик, утерев слезы, огляделся и увидел на другой стороне автобусную остановку.

«Автобус!» – вспомнил мальчик. Всегда, когда они с матерью садились в автобус, тот привозил их к дому.

Виталик так обрадовался, что, не посмотрев на дорогу, побежал к остановке.

Скрипнули колеса машины, и он ощутил сильный удар в бок. Отлетев, Виталик со всего размаху стукнулся головой об асфальт, так, что вновь взлетел высоко. Поднявшись, он увидел

свое тело и красное пятно возле головы, тут же резко опустился и услышал:

– Да ты что? Слепой?!

– Он сам выбежал!

– Чё теперь делать-то?! В больницу?

– Какая больница? Он мёртв! Лужа крови!

– Давай его! – раздался третий голос. – В канаву.

– Ты что? Может, он жив? Ребенок ведь!

Раздался глухой удар. И третий зло зашипел:

– У тебя сколько лет условно? А за это целый срок намотают!

– Прощупав неумело пульс у Виталика, он продолжил: – Мертв пацан, в канаву его, глянь, одежда какая, может, беспризорник, искать не будут. Пакет дай, голову завяжем.

Машины проносились мимо, а трое людей беспрепятственно закинули тело в багажник машины и укатили.

Чернота. Очнулся он оттого, что быстро скатывается вниз.

– Ветки забросай, ветками! – раздавался голос над ним.

Странно. Но с закрытыми глазами Виталик отчетливо видел все их лица.

Один – хмурый, в шапке, густые брови. Второй – с испуганными глазами – старался больше всех. Третий – лысый, с плотно сжатыми губами и небольшим шрамом на щеке.

Тишина. Тихо, «Они ушли», – решил мальчик и попробовал пошевелиться. Но странно – он не чувствовал ни рук, ни ног.

– Мам?! – позвал он и не услышал своего голоса.

«Холодно», – подумал он. – Холодно».

И свысока, словно летя вверх, он увидел пригорок, вырытую рядом яму, поваленное дерево, срубленные ветки и маленькую елочку у дороги.

«Холодно», – подумал мальчик, и погрузился во тьму.

ТЫ ТАКОЙ ЖЕ, КАК МЫ

Туман.

Мальчик шел, не разбирая дороги. Под ногами хлюпала вода, в спину дул ветер.

«Холодно», – думал Виталик, обхватив себя руками.

Куртка намокла и, став тяжелой, тянула к земле.

– Мам? – позвал он и огляделся. Холодно.

Вдруг что-то зашумело, и мальчик ощутил сильный толчок. Еще и еще. Будто сотни людей бежали мимо него, задевая руками. Виталик не удержался и упал. Что-то схватило его за руку и потащило за собой.

– Быстрее, – сказал ему незнакомый голос. – Быстрее!

И тут только мальчик увидел лица. Они проносились мимо него с большой скоростью. Синие, черные, серые. Больше, конечно, серые. И тут все смолкло, остановилось, люди исчезли. Мальчик вновь остался один.

«Холодно». Он сел, подрагивая всем телом, и уставился в пол. А по нему ползли полосы; красные, желтые, мигали огни. Мальчику показалась эта картина знакомой – будто смотришь телевизор, а в нем с высоты полета снят город.

Вот светофоры, вот люди, спешащие куда-то.

Мальчик как зачарованный смотрел на эту картину, и тут услышал веселый смех. Яркое осветило солнце и раздались радостные крики: «Привет! Привет!»

Сквозь туман к нему потянулись руки, яркие, солнечные.

Он увидел лица ребят, улыбающихся ему, ощутил тепло, исходящее от них. Но тут внезапно задул ветер, и мальчика отбросило в сторону.

– Тебе нельзя с ними, нельзя! – раздалось шептание со всех сторон. – Ты такой же, как мы, такой же!

Кто-то взял его за руку и повел всё дальше, дальше.

Виталик заплакал, и крупные капли дождя стали падать на город.

ОБЛАКО

Она его учила. Кто она и что, он не знал. Он видел лишь ее лицо, красивое печальное.

Она ему объяснила, что он ушел из жизни не по своей воле. Он останется с ними здесь, между небом и землей. Серой тучей, тучей дождя.

– Ты не должен оставаться один. Отставать от нас, – говорила она ему. – А то лучи солнца испепелят тебя.

Облака плыли вокруг света, и иногда порывы ветра были настолько сильны, что грозились вырвать мальчика. Он боялся и не хотел смиряться. Становился темнее.

– Нельзя! – отдергивало его облако. – А то станешь таким, как они! – И она кивала ему в сторону черных туч.

– Убийцы! Убийцы! – раздалось шептания множества голосов.

– Они ушли из жизни по своей воле! За что были наказаны. Они – тучи грома. Грозовые облака. Поражающие молнией людей. Убийцы...

Мальчик сам боялся их, когда те проплывали совсем близко. Он слышал стон и стенания, иногда раскаты гневающегося грома. Ему хотелось к свету, солнцу. К большим белым облакам.

– Нельзя! – отдергивали его в который раз. – Нам нет туда дороги!

Мальчику было скучно и уныло. Они не слушали себя. Ветер гнал их. От тоски на землю падали капли дождя. Когда становилось тепло, часть облаков исчезала, а потом появлялись новые, когда они проплывали над каким-нибудь кладбищем. Души людей поднимались над своими могилами и стремились к небу.

Мальчик начал понимать, почему некоторые облака похожи на людей, животных, птиц.

– Если смерть произошла недавно, ты ещё сохраняешь очертания того, кем был раньше. Но чем дольше ты остаешься здесь, тем быстрее всё забываешь...

А мальчик не хотел забывать.

Они были уже близки к его городу.

Мальчик помнил: хмурый, в шапке, густые брови; второй – испуганные глаза, серые с маленькими зрачками; бритый – со шрамом.

Мальчик летел рядом с облаком и ждал, когда она отпустит его руку.

ГОРОД

В тишине подъезда раздавалось сопение и кряхтение. С потолка, от труб, падали капли воды. Пахло сыростью и табаком.

– Здесь! – сказал кто-то.

– Что за дурацкий замок!

Вдруг одна из дверей на лестничной площадке скрипнула. Двое мужчин обернулись на звук. В проеме двери, вытянув нос, стояла старая женщина.

Один из мужчин, надвинув вязаную шапку на лоб, виновато улыбнулся и выдавил:

– Здравствуйте, бабушка! Из «Горгаза» мы. Соседи-то дома?

Старуха поспешно захлопнула дверь.

– Дурак! – заржал другой. – «Горгаз», блин! Да она стоит, небось, сейчас и в глазок смотрит!

Второй плюнул в руку жвачку и, направившись к двери, залепил глазок.

– Черт! Замок открыт был!

– Зачем мы здесь? – спросил другой, зайдя внутрь.

– Старику квартира нужна. Выжить тетку надо! Перевернем здесь все...

Двое мужчин разошлись по комнатам и стали громить все, что попадалось под руку. Выдергивать ящики из комодов, опрокидывать вещи, стоявшие на полках и столе.

– О! Слушай, а ничего девчонка! – Один из них увидел фотографию на столе, на которой была изображена черноволосая девица.

Он столкнул альбом с фотографиями и опрокинул вазу с водой.

Раздался грохот – и следом вой сирены милицейской машины, подъезжающей к дому.

А между тем произошло нечто странное. Одна из фотографий, на которую попала вода, посерела, сморщилась, обуглилась и пошла паром.

Удивленный случившимся, мужчина, не обращая внимания на шум, склонился над фотографией. С нее на него смотрело лицо мальчика, показавшееся ему знакомым.

Мальчик, запрокинув голову, смеялся, и тут его лицо погрузнело, опустилось, глаза закрылись, и по светлому фону фотографии расплылось красное пятно.

Мужчина в страхе пошатнулся и тут почувствовал, что кто-то толкнул его...

Выскочив на лестничную площадку, двое бросились наверх. Внизу раздался топот ног.

Взобравшись по шатающейся лестнице на чердак, двое мужчин вылезли наружу. И, разгоняя птиц, побежали по крыше.

ДЕВОЧКА

– Нда! Люблю грозу в начале мая, – выдавил водитель автомобиля, барабанив пальцами по рулю.

В ненастный день третьего апреля на дороге образовалась невиданная для города пробка.

– Опоздаем сегодня! – повернулся он к девочке, сидевшей на заднем сиденье машины.

Та безучастно кивнула головой и посмотрела в окно.

Шофер включил радио. Под завывание музыки и стука капель дождя о крышу и стекла машины девочка сидела и думала: «Ну и хорошо, все равно уроки не сделала! И в школу неохота. Не пойду!»

Разглаживая руками рисунок на дорогой курточке, девочка с сожалением ждала того момента, когда машина поедет.

«Не пойду в школу! – решила девочка, когда машина тронулась. – Он уедет, а я убегу!»

– Пойдем, провожу тебя до класса, – сказал водитель. – Да не бойся ты, – говорил он, размахивая её рюкзаком и шествуя по пустому коридору. – Мне б таких родителей, как у тебя. Быть богатым... не грех! – Он протянул ей рюкзак и улыбнулся. – Не обращай внимания на одноклассников. Они просто завидуют!

И открыл ей знакомую дверь класса.

«Ты тоже!» – подумала девочка и шагнула внутрь.

– А вот и наша Рая пришла! – зашебетала молоденькая учительница. Встав из-за стола, она направилась к охраннику Раи и увела его в коридор.

– Ой, крыска пришла! – раздался шепоток по классу.

Рая медленно шла мимо парт к своему месту.

– Ой, какая курточка на ней, рюкзачок! – раздавалось язвительное по классу. – С телохранителем пришла!

– Эй, дура! – кинул один в неё жвачку.

В ответ она швырнула в него рюкзак и выбежала из класса. Оказавшись в коридоре, она вдруг поняла, что здесь никого нет – ни учительницы, ни охранника.

Класс, загудев, кинулся за ней. Девочка, вздрогнув, побежала к учительской. Дёрнув ручку двери на себя так, что плохо закрытый замок со щелчком открылся, Рая распахнула дверь.

В комнате на столе сидела учительница и, задржав ноги, обхватила ими тело охранника.

Вскрикнув, девочка захлопнула дверь и побежала к лестнице.

– Вот она! – раздался голос, и десяток ног пробежали мимо учительской, за дверью которой было тихо.

Сбежав по лестнице к черному входу, девочка выбежала на улицу.

Было тихо и тоскливо. Мальчик был один. Это случилось. Облако куда-то исчезло, оставило его. Мальчик испугался и все утро плакал. Он потемнел, стал чернее. Он вдруг почувствовал, что остальные облака стали отдаляться от него. И он остался один. Над городом было тихо. Облака серой массой плыли по небу, закрывая весеннее солнце. И лишь одинокая тучка одиноко металась по небу.

А внизу на детской площадке сидела девочка.

Ее родители разбогатели так стремительно, что никто из знакомых не поверил случившемуся. В школе стали раздаваться шепотки за спиной. Девчонки стали дружить с ней только из-за того, что у неё всегда были деньги, хорошие игрушки, красивые вещи.

Дружный класс стал с завистью смотреть на неё и, слушая разговоры взрослых, также тыкать в неё пальцем.

А когда для пущей важности родители наняли ей телохранителя, одноклассники стали просто издеваться над ней.

...Девочке стало грустно и захотелось плакать. Вдруг под ногами, как змейка, извиваясь, протекла вода и вытекла в лужу. Девочка, взяв лежащую рядом ветку, воткнула её в песок. Вода все прибывала. На глади воды показалась облако, оно все менялось. Девочке вдруг показалось, что здесь она видит лицо мальчика. Он улыбнулся ей и вытянул лицо из лужи.

УБИЙЦА

На желтой кухне сидели трое. Один, хмуро облокотившись о подоконник, стоял и смотрел, как идет дождь. Второй, развалившись на стуле, недовольно взирал на пустую бутылку из-под водки, стоящую на столе. А третий с явным интересом вырывал ножки у пойманного им таракана.

– Трясти старика надо! – выдавил второй и щелкнул пальцем по пустой бутылке. – Зачем ему гнилая квартира?

– Так сказал же, – оторвался третий от своего занятия.

– Не зуди! Квартира! Дом сносить собираются! Жильцов выселять будут. Ему другое надо.

– А тетка, что, не съехала?

– Куда ей, раньше времени, замок даже не сменили.... Слушай, хмырь, тебе, по-моему, девчонка ее понравилась.

Стоявший у окна хмуро посмотрел на сидевших за столом. Буркнув что-то недовольное себе под нос, он отвернулся от них.

– Заведи с ней знакомство. В квартиру официально наведаться надо. Может, есть что ценное в квартире.

– Нет там ничего! – огрызнулся тот в ответ.

– Ты, хмырь, не гуди про призраков в доме. Если тебе там что почудилось с бодуна – так это твои проблемы. Иль хочешь опять к маменьке в деревню? Сторожем в ближайшем колхозе работать? А про пацана забудь. Год уже прошел...

Дождь забарабанил с новой силой.

Поняв, что так просто от них не отделаются, хмырь взял с подоконника пачку сигарет и, накинув куртку, вышел из квартиры.

На улице было тихо. Никого. Оглядевшись, он широкими шагами направился в сторону автобусной остановки.

Потоптавшись у дома, он никого не увидел, кроме полной блондинки, быстро идущей к знакомому подъезду.

Дождь моросил мелкими каплями, попадая в лицо, за ворот куртки. Ругнув погоду, хмырь поднял воротник и, облокотившись о грязную стену серого кирпичного дома, приготовился ждать.

Время, казалось, издевается над ним. Дождь моросил беспрестанно. Но кроме заумных пьяненьких мужиков, обсуждающих глобальное потепление, он больше никого не увидел.

Ругнув напоследок того, кто его сюда послал, он отделился от дома и побежал к дороге.

На улице было очень тихо. Ни людей, ни машин. Словно и раннее утро воскресного дня.

Но погода стояла омерзительная, грязь комками прилипала к ботинкам. Провалившись по колено в сырую яму, хмырь громко выругался, не стеснясь в выражениях.

Угнетало его не только то, что он упал в грязь. А эта странная непогода, как в тот день, когда он сбил мальчишку. Как бы в ответ его мыслям с неба стал падать снег, тихо кружась, он падал и прилипал к мокрой куртке. Туман поплыл по улицам города. И даже отчаянные гудки автомобилей, что доносились издалека, перестали быть слышны.

– Эй! – позвал хмырь. Тишина, навалившееся на него, испугала его. – Эй! – крикнул он в туман. Но было все так же тихо.

Хмырь не был матерым уголовником. Он был простым деревенским парнем, мечтавшим быстро и без хлопот разбогатеть; судьба свела его с «друзанами» и жестоко наказала тогда на дороге.

– Эй! – крикнул хмырь и бросился бежать.

Впереди замаячило что-то. Нагнувшись, он увидел тело мальчика, из раны в голове которого текла кровь.

Хмырь вздрогнул и отшатнулся. Прямо в сторону ехавшего грузовика.

– Я стар, доченька! – раздавалось кряхтение в коридоре, где по углам стояли коробки, набитые вещами. – Я здесь жил, когда был маленьким.

– Но дом снесут! – возразил женский голос.

– Я заплачу! Охота... под старость...

Мать Виталика вздохнула и с сожалением посмотрела на старика, казавшегося ей спятившим.

Было начало мая. А погода словно не хотела радовать людей. Над городом висели черные грозовые тучи.

– Хоть недельку окунуться в детство, – кричал старик и, улыбаясь, смотрел на женщину, стоящую напротив него. За окном громыли тучи. И в свете молний лицо старика казалось ненормальным.

А внизу у подъезда в машине ждали двое.

– Вон окно горит, – сказал один. – Поднимаемся?

Второй, не обратив внимания на сказанное, присвистнул и воскликнул:

– Полторы тысячи! За одну монету! Зелеными!

– Дай! – протянул первый руку к справочнику. – Идиот! – швырнул он его назад. – Цены за девяносто седьмой год. А ты представь, сколько сейчас стоит старинная монета! Целая коллекция!

– Сидят! – Другой, бритоголовый парень, смотрел на единственное горевшее окно в доме. – Послезавтра работы начинаются...

– Старик там что, ночевать собирается?

– Пошли! – не выдержал парень и вылез из машины.

В комнате раздавался тихий плач и недовольное ругательство.

Старик стоял, прислонившись плечом к стене, и, держа молоток в руке, бил по ней. Падали на пол осколки. Одной рукой он закрывал ухо, из которого тонкой струйкой текла кровь.

– Мам! – выдал старик и все бил молоточком по стене, наугад, со злостью, представляя, что бьет парней, угрожающих ему.

Ему казалось, что его беззаботная старость рядом. Деньги дореволюционных времен. Деньги. Мать так часто перепрыгивала их, боясь, что в квартиру нагрянут с обыском и заберут последнее, что осталось у неё от родителей и богатеньких родственников.

А старик еще молодым начал пить. Пагубное пристрастие. Будучи пьяным, он убил человека, за что получил срок. А теперь он проклинал себя, вспоминая, что за очередной бутылкой разболтал секрет, и бил, бил молотком по стене.

– Да отойди! – отпихнул старика ногой тот, что был со шрамом на щеке. И в нетерпении засунул руку в образовавшуюся дыру в стене.

В углу комнаты, прижав руки к груди, стояла мать Виталика и в оцепенении смотрела на происходящее.

– Одна грязь! – выругался парень, доставая размокшую жижу.

– Какие-то бумажки...

Лысый заржал.

– Деньги! Ха-ха! – смеялся он. – Нашла мать тайник! – Он пнул старика, сидевшего на полу. – А? Размокли денежки! Вали отсюда! Нет здесь ничего!

Старик в истерике затрясся, протянул руки и сунул их в дыру. Нащупав что-то твердое, он улыбнулся.

Парни подошли ближе, но были тут же отброшены внезапно появившимися у старика силами.

Дико гогоча, он выбежал из квартиры и кинулся вниз по лестнице. Выбежав на улицу, старик вдруг дернулся и упал. У него остановилось сердце.

Двое парней, настигнув его, опрокинули тело, не подающее признаков жизни, и бросились бежать к машине. Авто вырулило на главную улицу. По стеклам машины бил дождь, грозясь разбить их. Небо бесновалось и, казалось, сейчас раздавит грабителей. Ударил молния, машина резко развернулась и неожиданно въехала в столб. Раздался вой сирен автомобилей, стоящих рядом. А из открытой дверцы перекоренной машины выкатывались и падали в стоячую канаву монетки.

Десять тысяч...

Сорок пять тысяч...

Целая коллекция...

И все они падали, падали, падали...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Мальчик бесновался. Он не знал, что с ним: все его нутро разрывалось и ему казалось, что он сейчас взорвется. Злость и ярость охватили его. Никогда ему еще не было так больно. Ни в этой жизни, ни в той.

– Убийца! – слышал он шептание.

И раскат грома, будто в опровержение, катился по небу.

Он остыл, и капли дождя западали на город. Он остался один. Совсем один. Даже грозовые тучи плыли мимо него.

А вниз к дороге бежала девочка. Он давно уже следил за ней. Ему казалось, что они чем-то похожи. Но чем? Может, тем, что их оставили одних?

Девочка бежала к остановке, как он когда-то. Навстречу ей ехала машина, набирая скорость. И неожиданно в небе сверкнула молния, осветив все вокруг. Увидав перед собой неожиданно возникшую фигурку, водитель резко надавил на тормоза. Раздался визг колес, и машина остановилась. Девочка пулей влетела на остановку. Вслед ей раздалось ругательство напуганного водителя. Машина вновь тронулась с места и укатила...

Девочка давно уехала на автобусе. А мальчик-облако все смотрел туда, куда он когда-то не добежал.

Светило солнце, май взял господство в свои руки. В низинах дотаивал снег.

Мальчик-облако плыл по небу, осматривая все вокруг. Он вновь был сер. Что-то тревожило его, тянуло к земле и не отпускало. От солнца края его источились, становились тоньше.

– Смотри! – крикнул голос снизу. – А это на что похоже?

– На подушку!

– Нет, на птицу!

– Ой, смотри, совсем как лицо!

– А нам воспитательница сказала, что облака нельзя достать и догнать. Сколько ни будешь идти, никогда не догонишь!

– А оно плывет! Смотри, вон!

Карабкаясь по насыпям у дороги, бежали две девочки к пригорку, к заваленной пожелтевшими ветками яме, поваленному дереву и маленькой елочке у дороги.

Снизу раздался крик, но вместе с ним пришла и легкость. Мальчик поднялся выше, ещё выше. И вдруг услышал радостный смех. Солнце осветило город.

Мальчик увидел лица. Детские лица и протянутые к нему руки.

– Привет! Привет! – кричали они ему.

Серая ладошка, освещаемая солнцем, коснулась протянутых ему рук и исчезла.

В одной из квартир города шумел телевизор, спокойный голос диктора продолжал:

«Криминальная хроника. Сегодня днем двумя детьми, играющими возле дороги, было обнаружено тело мальчика, пропавшего без вести полгода назад. Криминалистами было установлено, что тело было сбито машиной и отвезено в другое место, где и было брошено.

Злодеи, совершившие столь ужасный поступок, не найдены... не найдены...

И о погоде».

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО, или Несколько слов о рассказе «Дождь над городом»

...И вот мы делаем еще одну попытку напечатать рассказ нашей совсем молодой читательницы. Как вы уже поняли, ей восемнадцать лет, она живет в Республике Татарстан. В письме она сообщила, что у нее уже была публикация в центральной прессе. И все же Нина заканчивает свое письмо двумя вопросами: «Могу ли я писать рассказы, и стоит ли мне продолжать?» Эти вопросы, наверное, – самые важные для моло-

дого автора, особенно в том случае, если у него нет опытного наставника, первого читателя, который может помочь, указать на ошибки, недостатки, слабости написанного. Что ж, давайте, уважаемые читатели, вместе поразмышляем над текстом рассказа Нины Кузьминой. Я попробую высказать свое мнение о написанном, причем я совершенно готов к тому, что многие с ним не согласятся. К тому же – предупреждаю

сразу — я буду опираться не только на тот текст, который прочитали вы, но прежде всего на рукопись Нины Кузьминой. Это предупреждение важно потому, что в процессе подготовки рукописи к публикации она была прочитана профессиональным редактором. Это не значит, что мы ее по своему вкусу перекроили, капитально переделали, переработали. Нет, в рассказе всё осталось так, как было написано Ниной. Но исправления были, и немалые. О них мы поговорим немного позже.

Чем удивил рассказ Нины Кузьминой, в чем ее главная удача? Ей удалось «сконструировать» свой рассказ так, что все его герои (а их для рассказа немало, не забывайте, друзья, что рассказ — это всё-таки малый жанр, в нем не должно быть ничего лишнего, каждая деталь должна «работать», отыгрываться) необходимы, все сюжетные ходы переплетены в едином замысле. Помните сцену, где «братки», пришедшие в квартиру мальчика, находят фотографию его сестры, и одному из них девушка очень понравилась? Вроде бы мелкая подробность. А потом этот парень идет к подъезду, где жил мальчик, и ждет. Но никого не встречает: мимо него только проходит крупная блондинка. Он, этот герой, не обращает на нее никакого внимания. А между тем это и есть та самая девушка с фотографии... Придуманный Ниной ход говорит о том, что она умеет использовать даже незначительную, как может показаться, деталь. Такой пристальный взгляд на жизнь и ее парадоксы заслуживает уважения.

Конечно, тема рассказа не нова, она уже неоднократно (и подробно!) разработана не только литераторами-прозаиками, но и в других жанрах искусства. Например, в кино:

все, наверное, смотрели замечательный фильм «Привидение» с Патриком Суэйзи, который, в сущности, — о том же. Говорю это не в упрек Нине: придумать новую, совершенно «свою» тему — очень сложно. И тем не менее она попыталась это сделать. Выстроила свой рассказ, придумав не только «мистическую» сторону, но и введя в него нашу реальную сегодняшнюю жизнь. Причем увиденную зорким взглядом молодого писателя, сумевшего органично слить воедино и фантастику, и реальность. Мне очень понравилось, как это у нее получилось.

Но, к сожалению, Нина пока не понимает, что мастерство прозаика, даже начинающего (и уж конечно серьезного) заключается в умении работать со своим главным инструментом — словом, использовать его как строительный материал для своего творчества. Ибо не сюжетом единым жив рассказ: он должен быть написан художественным словом. А вот с этим, увы, у Нины не просто плохо — а очень плохо.

Не говорю уже о том, что грамотность у Нины — гораздо ниже средней. Если бы она так писала школьные сочинения — то больше «двойки» никогда бы не получила. Конечно, самые грубые ошибки мы при подготовке к публикации исправили. На как же может писатель, даже начинающий, сочинять вот такие, к примеру, фразы: он «применил прием, так много раз выдавший по телевизору...», «недовольно взирал на пустую бутылку водки стоявшей на столе» — или еще вот такая, почти кроссворд: «Но погода стояла омерзительная, что давало о себе знать грязь, комками прилипшая к ботинкам». Я привожу эти фразы так, как мы их увидели в рукописи. Приведу еще одну, особенно обидную, потому что эти

слова — ключевые в первой главе. Вот как Нина написала: «...мальчик случайно услышал слово, которое он слышал много раз, но почему-то сегодня, придавший ему большое внимание — это смерть». Причастие в этой фразе употреблено просто неграмотно. И разве можно «придать внимание»? Все-таки по-русски надо сказать «придать значение».

Я уже много раз писал о том, что литературное творчество — это работа, и очень нелегкая. Рассказ (или стихотворение) только тогда будет литературным произведением, когда начинающий писатель поймет, что его главный инструмент, тот, которым, собственно, литература и создается, — это слово. Оно не может быть брошено кое-как — лишь бы выразить мысль. Откройте как-нибудь на досуге, уважаемые начинающие поэты и прозаики, собрание сочинений любого писателя, где есть раздел «Варианты», и посмотрите, как профессионалы работают над словом, как ищут точный эпитет, сравнение, убирают лишние слова. Нина же, видимо, даже толком не перечитала свою рукопись, не попыталась точнее выразить мысль. Сколько у нее, к примеру, «канцелярских» оборотов («...пошарив рукой и целях найти порвавшуюся деталь»), лишних слов! Вот она пишет: «мальчик... задрал голову вверх, смотрел на небо». А куда еще можно «задрать» голову, как не «вверх»? Вниз — нельзя. То есть слово «вверх» тут лишнее. Или еще: «...вытянув свой нос, стояла старая женщина». А чей, интересно, нос она могла вытянуть? И как это вообще можно — вытянуть нос? Никогда не знал, что носы тянутся...

Примеров такого рода можно привести множество. Но Нина не замечает и другого. Вот она пишет:

«цепкие руки вцепились...», «одинокая тучка одиноко металась...» (типичное «масленное масло!»). Многие слова она употребляет просто неправильно. Примеры? Пожалуйста. «Открыв дверь ванны, он...». У ванны всё же дверей не бывает. Дверь бывает у ванной. «Откинувшись на спинку сиденья, он...». Спинка бывает у стула, у кресла, у скамейки (именно на скамье и сидит герой рассказа). А сиденье — оно и есть сиденье. Или еще: «Сбежав по лестнице, к черному входу, девочка...» Извините, но «черный вход» — так грамотно сказать нельзя. Бывают «черные лестницы», но никак не вход. А чего стоит вот такая фраза: «Вдруг под ногами как змейка, извиваясь, протекла вода и вытекла в лужу» (все эти цитаты я воспроизвожу с сохранением орфографии и пунктуации автора). Я бы понял, если бы Нина хотела бы этой фразой сказать, что девочка, извините, описалась. Так нет...

Наверное, кто-то сообразит сказать: ну и что, что так написала, вы, редакторы, для того и существуете, чтобы редактировать. Увы, это глубокое заблуждение, впрочем, широко распространенное. Помнится, один молодой человек, прислав нам совершенно бездарную рукопись, в сопроводительном письме написал так: «Если вам мой рассказ не понравится — исправьте его так, как вы считаете нужным». Я, мол, не возражаю. Нет уж, друзья, если вы беретесь писать — делайте это хотя бы грамотно. Дело редактора — оценить вещь, решить, стоит ли ее публиковать или ей место в корзине. Думаю, если бы Нина отправила бы свой рассказ не в «МЫ», а в серьезный, «взрослый» литературный журнал, — именно

в корзину ее рукопись бы и отправилась.

Настоящий редактор, чтобы вы знали, никогда не станет вмешиваться в текст (особенно если он написан серьезным мастером слова). Мне довелось видеть рукопись, которую редактор вернул автору — на предмет «подумать». Я перелистал ее. Всё, что сделал редактор, — он поставил «галочки» против тех мест, которые, с его точки зрения, вызвали сомнения. «Галочки» — и только! А уважаемому автору, известному писателю, пришлось всеерьез порабатать над своим творением...

Как вы уже поняли, в работе с рукописью нам пришлось попотеть. Прежде всего — мы изменили заголовки. Нина назвала свой рассказ простенько — «Мальчик-облако». Но ведь это название — не более чем констатация факта, пустая, ничего читателю не дающая. А заголовок для любого произведения — вещь очень серьезная. В нем должен быть образ, он должен звучать в унисон с произведением (потому поэты часто никак не называют свои стихи, а лишь ставят «звездочки»). Еще нам пришлось изменить название одной из глав — потому что Нина не заметила, что главки с названием «Облако» оказались две. Ну, конечно, мы исправили самые вопиющие неграмотности и шероховатости в рассказе, не вмешиваясь, конечно, ни в его строй, ни в его смысл. Удалось нам улучшить его или нет — судить трудно. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы Нина сама поработала над ним, подумала, попробовала бы выразить свою мысль лучше. Да еще поразмышляла над тем — все ли эпизоды в нем нужны, все ли «работают» на главный смысл рассказа? Лично мне кажется, что рассказ только выиграл бы от сокращения.

Что я имею в виду? Во-первых, мне кажется, что первая главка — не обязательна. О чем она? О том, что мама не поняла обиду мальчика на весь свет, о его молчании в ответ на ее грубость? Что мальчик в этот день услышал слово «смерть»? Или о том, как он увидел (а больше никто не увидел) облако, похожее на женщину? Но всё было бы еще страшней, если бы этого ненужного предисловия — не было.

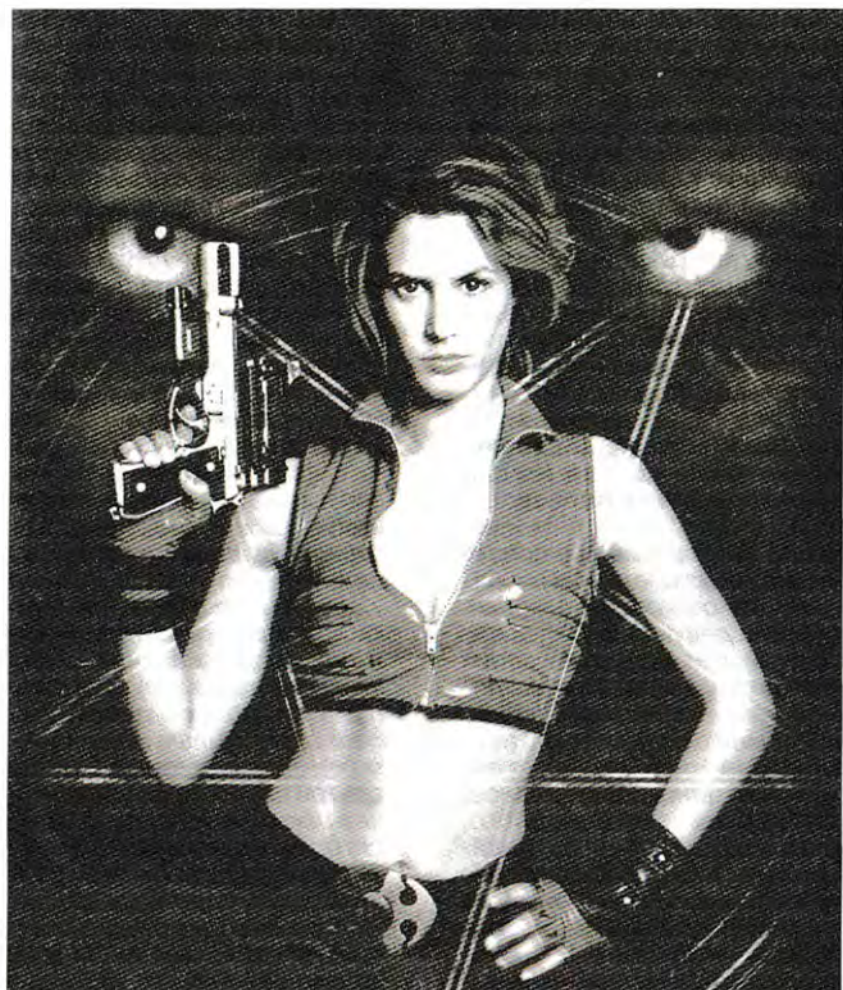
Стоило бы поработать, во-вторых, и над главкой «Три года спустя». То мальчишку быют одни, то другие... И как эти «другие» оказываются в его подъезде раньше него? Неувязочка. И как это, интересно, у него «монетка в широких штанах звенела»? Как говорят опытные алкоголики, «одна звенеть не будет». Совершенно ненужной кажется мне «эротическая» сцена, где учительница с шофером ухитряются пристроиться на столе в учительской... Это как — прямо во время уроков? Они что, учительницы, такие сексуально озабоченные? И зачем вообще этот эпизод?

Но, наверное, хватит. Пора уже прийти к какому-то выводу. Еще раз повторюсь — наверное, со мной многие не согласятся. Но в ответ на вопросы Нины — может ли она писать рассказы и стоит ли ей продолжать? — на мой взгляд, следует ответить так: может и стоит. Но при том условии, что она, Нина, отнесется к своим рассказам серьезно. Ведь «выдумать» рассказ — это одна задача, может быть, решаемая легче, чем другие. А вот воплотить его в жизнь, сделать его героев не картонными и сконструированными, а настоящими «людьми из жизни» — гораздо труднее.

И.В.

ПРОБЛЕМА ИЗ КОНВЕРТА

ЗАЧЕМ УБИВАТЬ СЕСТРУ, ИЛИ МОЗГИ НУЖНО ПРОВЕТРИВАТЬ

Неизвестно, из какого, но далекого от столицы города не менее неизвестная Т.Н. прислала письмо, каких мы раньше никогда не получали. Страх и ужас, читаешь – оторопь берет, поэтому мы печатаем его с некоторыми сокращениями (в тех местах, где речь идет об убийствах особо изощренным способом). А дальше, как обычно в подобных случаях, пытаемся разобраться и понять, в чем корень зла и почему у автора так тяжело на душе. Возможно, после этого ему (вернее, ей, поскольку написала письмо семнадцатилетняя девушка) – если она прочитает этот номер «Мы!» – станет легче, возможно, она немножко по-иному посмотрит на свои проблемы, а если у кого-то из ее сверстников существуют точно такие же, то и им это может пойти на пользу.

«С тех пор, как мне попался в руки журнал «Мы!», я читаю его от корки до корки. Многие девушки и парни пишут в редакцию о своих проблемах, о своей счастливой или несчастной любви. А вот мне семнадцать лет, и я еще не испытала этого чувства. Многие, наверное, скажут: ничего страшного, у тебя всё впереди, еще найдешь парня и влюбишься. Но мне кажется, что мне не доведется испытать этого прекрасного чувства, – потому что от меня все шараха-

ются, надо мной смеются, издеваются. Надо мной смеется даже моя собственная сестра, младше меня на три года. Она позорит меня всегда, если я что-то неловко задену или не там пройду. Она считает, что я родительский любимчик – первенец или вроде того (это слово она слышала в каком-то телесериале).

А на самом деле я не такая, как все: замкнутая, не крашусь. Всё, что я ни делаю, всё делаю не так. И я уже просто ненавижу всех вокруг! Может быть, я стала такой из-за того, что три года мне из-за болезни пришлось учиться дома. Наверное, это сильно повлияло на мой характер. А теперь его уже не исправить. В моей душе бушует ураган злобы, ненависти ко всему и ко всем. И я чувствую, что вскоре он вырвется наружу.

С виду я спокойная и, как всем кажется, ко всему равнодушная. Я стараюсь поменьше говорить, чтобы не ляпнуть что-нибудь. Дома у нас вечные споры – сколько надо смотреть телевизор – или раздражающие слова мамы: «Всё, закругляйтесь, пора спать, уже десять часов, а это фильм для взрослых». Мама ругается из-за всякой мелочи, а когда хочет наказать, говорит: «Всё, сегодня телевизор не смотрите».

Я знаю, она меня любит. Иногда она даже угадывает мои мысли, но меня это только раздражает. То, что я

хочу сделать, я должна сделать только сама, и не надо, чтобы кто-нибудь подталкивал меня к этому поступку.

Сейчас я учусь в университете, живу в общежитии. Кроме меня, в комнате еще двое. И по их отношению ко мне сразу видно, что я им чужая. Но я-то хочу жить нормально! Придушу эту ненавистную сестренку и всех, кто меня будет доставать. Но сначала отучусь и найду работу. А то что будет платить за мою учебу? А моя сестра собралась в институт иностранных языков. Умная нашлась! Такие деньги за ее "образование"! Придушу – и расходов будет меньше. Она целыми днями ноет: "Мне совсем носить нечего, хожу, как нищая, а подружке две кофты купили и джинсы..."

Мне этот мир противен, уродлив и раздражает. Однажды нас попросили написать сочинение на тему "Твоя жизненная цель". Многие написали – хочу хорошо учиться, отлично сдавать все экзамены, другие – хочу быть счастливой. А я написала – хочу объехать весь мир и побывать в Америке. Но это, конечно, не цель, это, скорее, мои мечты.

Да, мечты. Может, в этом мире я еще живу потому, что мечтаю. А мечтаю я много. Вся моя голова переполнена ими. По ночам я воображаю, что нахожусь на берегу океана, а сзади простирается городок (может быть, лучше Нью-Йорк или Лос-Анджелес) или огромный мост та-

кой красивый, его очень часто показывают по телевизору. Здесь у меня много друзей. В основном из сериалов или из интересных фильмов. Там у меня есть парень, очень красивый, и мы любим друг друга. У нас будет куча детей, и все будет похоже на отца и на меня.

Я очень часто думаю: вот у меня есть дом, папа, мама, зануда сестра, а счастья нету. А как я представляю себе счастье? В мечтах я воображаю себя девочкой из сиротского дома, которая попала в богатый дом, или, например, я сестра убийцы пятирех человек, а если в фильме идет раздел имущества, драгоценностей, то я обязательно дальний родственник. Это все меня забавляет. Еще в своих мечтах я могу напиться так, что друзья должны нести меня домой (а в реальной жизни мне не разрешают ни закурить, ни попробовать, что такое выпивка).

Я знаю много тайн своей семьи, но кому они интересны? Ну, например, что мама изменяла папе, что она его не любит. Еще я знаю, что моя младшая сестра курит и пьет, хвастается этим да и мне предлагает... Вот такие у нас тайны, не то, что в кино и телесериалах.

Полтора года назад я завела дневник, в который записывала все свои переживания. Раньше это мне помогало, теперь – нет. Слишком много накопилось в душе. Сидя перед телевизором, я

мечтаю и строю планы, как можно лучше убить человека. В основном смотрю фантастику или боевики, чтобы самой не сделать тех ошибок, которые совершают убийцы и из-за чего их ловят. Еще я люблю смотреть фильмы про НЛО. И если НЛО нападет на нас, то я знаю, как с ними бороться. И не только с ними, но и еще с какой-нибудь тварью, биороботами, например. Но недавно мне пришло в голову, что НЛО, даже если нападет на Землю, скорее всего, меня не тронет. Потому что я, наверное, не человек, а пришелец из космоса, а жизнь на Земле – это мое наказание. Если я всё выдержу, они прилетят за мной и заберут, не оставят меня здесь. А может, меня специально внедрили на Землю, чтобы я уничтожила человечество? Начну я со своей сестры. А когда начинать – мне, наверное, дадут знать. Почему эта мысль раньше не приходила мне в голову? Я должна исполнить задуманное. Или, может, дать сестричке отучиться, подняться на ноги, а потом...

Наверное, многие скажут, что мое письмо – просто бред сумасшедшего, и меня надо посадить в психушку. Но на самом деле я нормальный человек. Просто, наверное, мое призвание – убивать. Так, как это делают герои телефильмов. И мне это будет сделать легко – всё равно в жизни я так одинока.

...Это письмо я написала, когда только поступила

учиться в институт. Сейчас пришло два месяца учебы, и мне нестерпимо хочется задушить четырех человек. Когда в институте я вижу одного из них, мне так и хочется накинуться на него, исцарапать все лицо. Нет, лучше подкараулить за углом, затащить в какой-нибудь подвал, привязать, потом самым острым ножичком... (часть письма с подробностями "девичьих мечтаний" не публикуем. – Редакция). Еще одну "сладкую парочку" я достану в собственной деревне, когда они отучатся и будут работать. Её я проткну вилами... (далее – не публикуем). Получится кровавая драма, как в моих любимых фильмах ужасов. Я ведь их много смотрела по телевизору, ни одного не пропустила.

Иногда я боюсь таких фантазий, но всё равно продолжаю фантазировать. А может быть, мне действительно предначертано в жизни стать убийцей? Когда я убью человека, моя душа успокоится. Так ведь бывает в фильмах? И в жизни всё меня к этому подталкивает. Мне почему-то на дороге часто попадаются или мертвые птицы, или окровавленные кошки. А я представляю на их местах своих врагов – сестру, например. Но я не хочу умирать, как Катерина за "грозы", не хочу в тюрьму, как Раскольников из "Преступления и наказания". Против этого мира я стою одна, и без пролития крови и жестокости здесь не обойтись. В жизни, как я по-

нимаю, у меня два пути: или я стану инженером – и тогда меня все будут унижать всю мою оставшуюся жизнь, или стану палачом – тогда против меня никто и слова не скажет, и все будут бояться меня.

Я пыталась стать актрисой или писателем – писала рассказы и стихи. Стихи у меня нескладные (поэтому в журнал не посылаю), но они успокаивали мне душу. Рассказы тоже беспонтовые. Вот если бы я была режиссером, то ставила бы только фильмы ужасов, такие, чтобы потом, после просмотра, никто не уснул. Но это опять глупые мечты. А что мне еще в жизни остается? Смотреть телевизор и мечтать о том, как я придушу собственную сестру?

Т.Н.

Красноярский край»

Возможно, прочитав это письмо, кто-то придет в ужас, во всяком случае, подумает о том, что лучше бы с этой девушкой никогда не довелось встретиться. Кто-то пожалеет – больного человека надо лечить, тем более что симптомы недомогания обозначены довольно недвусмысленно. А кто-то выскажет предположение, что автора надо срочно упрягать в каталажку, пока не случилось беды – не в мечтах, а уже настоящей. Ведь угроза нависла почти над каждым: вначале сестра, потом те двое, что живут вместе с нашей героиней в общежи-

тии, потом еще четыре человека, ну а затем задача все-ленского масштаба – уничтожить человечество. Правда, немного успокаивает, что всё начнется с сестры, значит, до всех остальных очередь дойдет не так уж скоро.

Конечно, имея дело не с самим автором, а всего лишь с одним-единственным его письмом, трудно поставить точный диагноз, хотя бесспорно, что в том случае, если у человека не всё в порядке с психикой, то больного нужно лечить. Однако несмотря на все угрозы автора кого-то уничтожить, убить, зверски надругаться над своими обидчиками, я бы не рискнул прийти к такому выводу. Смею заверить: она нормальный, обычный подросток со всем комплексом недостатков, присущих ее возрасту и времени, в котором мы живем. И как бы она сама ни распиналась в своей исключительности – я, мол, не такая, как все, – она во всем почти такая же, как все сегодняшние подростки – подсевшая на «останкинскую иглу» теленаркоманка, отравленная «ужасиками», не сумевшая пока еще найти свое место в жизни, проявить свою индивидуальность, испытывающая острейший дефицит общения и в силу этих причин почувствовавшая свою невостребованность в том замкнутом мире, в котором сама оказалась и который она сама для себя сконструировала.

О человеке судят не по словам, а по делам. Наша ге-

роиня не пьет, не курит, и даже в такой непростой ситуации, когда ей пришлось три года практически в одиночестве грызть гранит школьной науки, сумела поступить в университет. Согласитесь, далеко не всем, кто регулярно ходит в школу, кому родители нанимают репетиторов и платят им немалые деньги за «натаскивание» своих отпрысков, удастся так вот просто стать студентом высшего учебного заведения. И чем же тогда автор письма хуже тех, кто не обладает этими качествами? Выходит, что в свои семнадцать лет Т.Н. – так представляется автор – достигла не так уж и мало. Это поступок, достойный уважения. А других-то пока что и не было. Во всяком случае – достойных осуждения. В результате остались лишь эмоции и обиды, выплеснувшиеся в письме. Что ж, тут действительно есть о чем подумать.

Как ни парадоксально звучит, но это непреложный факт – труднее всего разобратся в самом себе. Тем более немногие удосуживаются этим заняться. Ну почему бы не задуматься автору письма над причинами того, что с ней происходит, отчего вдруг возникают различные, прямо скажем, дикие желания?

Постоянное недовольство собой – а причин для этого, если захотеть, можно найти сколько угодно – делает подростка раздражительным, держит его во взвинченном

состоянии. Малейшего повода порой бывает достаточно, чтобы взорваться. Пробовала писать стихи – не получилось, рассказы тоже не удались... Семнадцать лет – самый романтический возраст, а любовь обошла стороной. Мама по вечерам гонит от любимого телевизора, младшая сестра постоянно прикалывается, и уже кажется, что все и всё против тебя. Обида, гнев не находят выхода, потому что даже поговорить не с кем, телевизор же не в состоянии выслушать, он только сам может бесконечно говорить. И все эти негативные эмоции копятся день за днем. В медицине такое состояние называется фрустрацией, а ее последствия предугадать невозможно. К сожалению, такое свойственно многим подросткам.

В подмосковной Электростали скромный пятнадцатилетний школьник Сережа (учителя отзывались о нем хорошо – учился неплохо, занимался в хореографическом ансамбле, даже дисциплину на уроках не нарушал) однажды, придя домой, схватил молоток и раскроил череп матери, а затем прикончил двенадцатилетнюю сестру. В отделе милиции он и сам толком не мог объяснить, что же с ним произошло. Вот так вот, ни с того, ни с сего...

Однако «ни с того, ни с сего», просто так и вдруг, в один момент, преступниками не становятся. Семья Сережи жила внапряг: отец по-

кинул жену и детей, матери приходилось работать на трех работах, чтобы свести концы с концами, а на старшего ребенка свалились заботы о доме, необходимость готовить, ухаживать за младшей сестренкой. Времени на себя почти не оставалось, о карманных деньгах не могло быть и речи, были лишь заботы, обязанности, рутинная домашняя обязательность. Так изо дня в день, и изо дня в день копились обиды, раздражение, недовольство собой и всем на свете. Винить в этом проще всего было тех, кто рядом, кто от тебя постоянно что-то требует и от кого ты зависишь – материально и в силу своего возраста. А когда мать стала упрекать Сережу за то, что он поздно пришел и не сделал всего того, что от него требовали, он не выдержал...

Случай, согласитесь, дикий, но, увы, не единичный. Характерный, кстати, не только для нашей российской действительности. Сошлюсь хотя бы на американский журнал «Newsweek», который, анализируя проблему роста убийств в молодежной среде, писал: «Взрослые убивают из-за денег, подростки могут убить из-за не понравившегося слова или кособокого взгляда».

...Среди многословия путанных мыслей, наводнивших письмо, и озлобленных сетований на не удающуюся жизнь автор, между тем, совершенно не находит места, и, может быть, просто счита-

ет излишним сказать о том, как он оценивает ситуацию, в которой оказался, нравственную ее сторону. «Когда я убью человека, моя душа успокоится...» Нет, здесь желаемое выдается за действительное: хочется, чтобы душа успокоилась, только грех никогда не был средством исцеления души. Муки совести, если такое случится, будут мучить всю оставшуюся жизнь – так было всегда и со всеми, кто творит зло. Примеров тому, хотя бы в художественной литературе, предостаточно.

Уверен, Т.Н. не хочет говорить о том, как и почему она оказалась в подобной ситуации, просто потому, что как человек, в общем-то, неглупый, что мы уже отмечали, она прекрасно понимает, что во всех своих душевных метаниях, по большому счету, виновата прежде всего сама. Только вот нет сил в этом признаться, да и не хочется быть крайней. Тогда остается одно – найти виновного на стороне, что она и стремится сделать. Кто всегда рядом, мельтешит пред глазами, надоедает, раздражает? Младшая сестра. «Начну с нее», – решает Т.Н. Но сестричка-то, по существу, ни в чем не виновата. Ну покуривает, прыгает на дискотеке, попробовала алкоголь... Так ведь не одна она такая, во всяком случае, наказания, о котором мечтает старшая, никак не заслужила. К тому же она младше, слабее, беззащитнее, ее бы пожалеть впору.

Понятно, что сестренка не исчадие ада, значит, нужно искать злодеев, отравляющих тебе жизнь, где-то еще – соседи, однокурсники из общежития, родители... Вывод напрашивается сам собой: все, кто тебя окружает, – негодяи, подлецы, во всяком случае – люди недостойные. Все, кроме тебя. Такое может быть? Если так, то самое лучшее для тебя. Т.Н., обосноваться где-нибудь на необитаемом острове, в сибирской тайге или африканских тропиках. Но это тебя не устраивает, потому что тебе нужно быть с теми, кто, по твоему разумению, виноват в твоих бедах, но так, чтобы они благоговели перед тобой. «Буду палачом, и против меня никто слова не скажет, все будут меня бояться». Выходит, что тебе всего-то и нужно, чтобы все уважали твою силу, поступали только так, как хочешь тебе, преклонялись перед тобой исключительностью. А коль другого способа добиться того, чтобы тебя хотя бы уважали, ты пока что не придумала, твое не очень изобретательное сознание подсказывает самый простой путь – убрать с дороги любое препятствие, любыми способами. Как говорится, «нет человека – нет проблемы». Только представь на минутку: уничтожила ты человечество. Ну и кому ты будешь нужна? Разве что своему телевизору, если только он не исчезнет вместе с ним.

И как же тогда осуществишь ты другое свое жела-

ние – объехать весь мир, побывать в Америке, увидеть мост, который показывают в кино? Собственно, ты этот мост уже видела, так что вряд ли стоит из-за этого ехать в Америку. Сдается, что и Америка-то нужна тебе, скорее всего, для того, чтобы все об этом узнали, позавидовали, потешили тем самым твое самолюбие: подумать только, где она побывала, нам такое разве что во сне может присниться. Между тем, чтобы ездить по миру, нужно иметь достаточные средства и, следовательно, уметь их зарабатывать, а в твоём письме этого стремления вовсе не просматривается. К тому же нужно знать языки, хотя бы английский, и желательно как следует. Но что-то с трудом верится, что хотя бы в этом ты преуспела.

Против мира я стою «одна, без пролития крови и жесткости не обойтись», – убеждает нас автор. Конечно, можно восстать против мира, однако для этого нужно, чтобы вначале мир восстал против тебя. Только непохоже, что так оно на самом деле и есть. Ну скажи на милость, кто тебе мешает жить, учиться, заниматься своими делами, делает какие-то конкретные шаги, чтобы отравить твоё существование? Ты же не можешь привести ни одного примера. Просто тебе не нравится, как ведет себя сестра (хочет поступить на факультет иностранных языков), отец (изменяет ма-

тери), мать (не позволяет сидеть сиднем у телевизора), сокурсницы (не хотят с тобой общаться), соседи (неизвестно почему)... Тебе не нравится – и всё. Но это вовсе не означает, что они хотят сжить тебя со света, и потому должны исчезнуть с лица земли. Между прочим, и ты, похоже, не всем нравишься.

К сожалению, ты чувствуешь себя неустроенно в этой жизни, мир кажется тебе чужим, опасным, и это порождает в тебе жестокость, желание любым способом избавиться от осознанного или неосознанного чувства подавленности, собственной неполноценности. А это вызывает стремление усилить чужие страдания, уничтожить другое живое существо, потому что (во всяком случае, в мыслях, мечтах – но на самом деле мечта о поездке в Америку выглядит очень уж убогой и примитивной для семнадцатилетней девушки, обладающей достаточным интеллектом и соответствующими духовными запросами) ты не видишь возможностей для самовыражения в каком-то другом варианте или не знаешь, как его реализовать.

«Все наблюдаемые формы жестокости, – пишет Эрик Фромм, – можно свести к одному основному стремлению: полностью овладеть другим человеком, превратить его в беспомощный объект своей власти, стать его абсолютным повелителем, делать с ним всё

что угодно. Средство для этой цели – его уничтожение и порабощение, но самый радикальный способ проявить свою власть состоит в том, чтобы причинить ему страдание, ибо нет большей власти над другим человеком, чем власть причинить страдание и боль тому, кто не может себя защитить».

Обычно о жестокости говорят – «звериная». И еще – «человек человеку волк». На самом же деле волки очень миролюбивы по отношению друг к другу. Даже в борьбе за самку они ведут себя рыцарски: признавши себя побежденным, подставляют шею под укус победителя, и тот немедленно прекращает битву. Увы, жестокость – собственно, человеческое качество, и образ врага – важнейший побудитель жестокости.

Безусловно, люди не похожи один на другого. Но почти все подростки, и не только в нашей стране, похожи друг на друга тем, что подсади на телевизионную иглу. У нас – на Останкинскую. Автор письма – ярчайшее тому подтверждение. И здесь она ничем не отличается от своих сверстников.

Подсчитано, например, что в среднем московские подростки смотрят телевизор три часа в день, тринадцати- и четырнадцатилетние просиживают возле него около четырех часов, во время каникул эта цифра увеличивается до шести. Но ведь

даже три часа в сутки – это половина всего свободного времени, если не считать сна и мелких домашних дел. Если же эта тенденция в дальнейшем сохранится, то получится, что к семидесяти пяти годам человек отстанет телевизору десять лет.

Между тем часы у телевизионного экрана – времяпровождение не только увлекательное, но и далеко не безобидное. Американская действительность – самое убедительное тому свидетельство. Вспомним хотя бы фильм «Миссия безумцев». «Близнецы-небоскребы олицетворяют всё великое, что есть в Америке. Если мы их взорвем, то сможем поставить янки на колени». Именно так в этом боевике напутствовал своих камикадзе главарь террористов. Агенты ФРБ сорвали их план. В картине «Человек президента - 2» террористы, задумавшие сорвать одну из башен международного торгового центра при помощи вертолета, начиненного взрывчаткой, опять терпят неудачу. В мини-сериале «Ящик Пандоры» группа террористов должна была захватить четыре «Боинга» и направить их на самые важные объекты Америки. Их планы сорвала бдительность спецслужб.

Когда журналисты из мира шоу-бизнеса решили с помощью компьютера найти фильмы со сценами терактов, машина выдала список аж из пятисот картин. Конечно же, все попытки

террористов завершались крахом. Это в кино. А в жизни 11 сентября произошла трагедия, которая потрясла весь мир. Когда дело коснулось реальных событий, фиаско потерпели спецслужбы. Единственной удачей оказался найденный ими дневник, в котором главарь авиатеррористов резидент Бен Ладена Мухаммед Атта сделал весьма любопытное признание: «Мне не пришлось ничего придумывать. Эти голливудские придурки всё сделали за нас. Теперь нам остается только претворить фантазии нечестивых в жизнь». Так оно и случилось.

Сегодня, по сути дела, мы столкнулись с новым видом криминала – с телевизионно-киношной преступностью. С каждым днем среди подростков растет число преступлений, когда юные преступники строго следуют сюжету излюбленного боевика. Недавно в Крыму двое подростков, вдохновленные известным сериалом, вознамерились поиграть в «Бригаду». Семнадцатилетний Андрей возомнил себя Сашей Белым, а его друг Серега – Пчелой. «Бригадиры» отправились в ближайший дом в надежде раздобыть денег. Увы, денег в доме не было. Раздосадованные подростки расстреляли восьмилетнего мальчика и его родителей. Всё было как в любимом сериале: мольбы о пощаде, выстрелы в голову и море крови. Школьные учителя об-

виняют теперь создателей сериала: «В последнее время с детьми творится что-то неладное – в «Бригаду» играют и шестиклассники и десятиклассники. Белый, Пчела, Кос и Фил есть практически в каждом классе. Эти бандиты стали для ребят настоящими кумирами».

Раньше дети играли в «дочки-матери», а вот двенадцатилетний школьник из Приморья, насмотревшись телека с видаком, решил поиграть во владельца публичного дома. Чтобы не было лишних расходов, юный сутенер решил использовать в качестве «путаны» свою восьмилетнюю сестру. Оплата ей шла чупа-чупсами, хозяин тратил прибыль на пиво и сигареты. «Клиентам» же – соседским мальчишкам – приходилось экономить на школьных завтраках... Как и всякий подпольный бизнес, дело закончилось скандалом.

Два года назад два столичных подростка, посмотрев фильм о ясновидении и умении находить пропавшие предметы, зашли в подвал двенадцатилетнего мальчика, засунули ему в рот кляп и выкололи глаза, чтобы он, как в фильме, «обрел новое зрение» – ясновидение, нашел клад, и они смогли бы разбогатеть.

К сожалению, подобных примеров превеликое множество. Будучи прикованным к телевизору, современный ребенок к четырнадцати годам более десяти тысяч раз становится свидетелем те-

левизионного убийства. Причем одно дело, если смотреть на экран время от времени да еще выбирать при этом фильмы высокого качества. Ведь эффект от пятнадцатиминутного просмотра сохраняется от двух до четырех часов, а вот при многократном повторе телевнушение работает годами. В результате человек воспринимает внушаемое, как собственные мысли. Так что если, подобно Т.Н., бесконечно смотреть «ужасики», то можно не сомневаться в том, какие мысли могут прийти в голову: убивать, как это делают герои телефильмов, «смотреть телевизор и мечтать о том, как я убью собственную сестру». Вот так шаг за шагом жизнь «по кино» постепенно вытесняет свою собственную.

К сожалению, многие наши – особенно юные – поклонники «фильмов ужаса» не понимают и не знают, зачем, собственно, выпускаются эти фильмы и какое воздействие они оказывают на зрителя. Будьте уверены, дорогие юные читатели, – если бы все реагировали на них так, как наша читательница Т.Н., они давно бы уже были под запретом. Но на Западе считают, что человек, смотря эти фильмы, внутренне расковывается, освобождается от тех глубоко спрятанных страхов, которые заполняют наше подсознание. То есть эти фильмы – как сказка про Иванушку-дурачка, которого

Баба-Яга засовывает в печь. Мы-то, взрослые, понимаем, что это – сказка. А вот дети... Не таким ли ребенком оказывается наша Т.Н., думая, что все эти страшные байки – всерьез? Нет, не всерьез. Как ни один нормальный человек не поверит в то, что в сериале «Бригада» показана правда. Это – тоже сказка, но, увы, с плохим концом. Но тема это – отдельная, и мы к ней еще обязательно вернемся.

Просиживая свою молодость у телевизора, вот и Т.Н. создала себе свой придуманный, виртуальный мир, совсем не похожий на мир реальный. В силу этого тебе, уважаемая наша читательница, очень трудно найти общий язык не только со сверстниками, но и вообще с теми, кто тебя окружает. Как и в кино, ты представляешь, что в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе у тебя будет много друзей. Просто удивляет – как тебе в голову не пришла такая простая мысль: а зачем ты им нужна? Конечно, я понимаю, что всякий подросток мнит себя самоценным, «центром мира». Всё должно крутиться вокруг него. Но ты-то, Т.Н., убедилась, что это – не так. Но глупые мечты перевесили реальность жизни.

Если честно, мне кажется, что твое письмо написано в те минуты, когда тебя постигло очередное разочарование в жизни, неудача, неприятность, словом, то, что обычно вызывает чувство оз-

лобленности и стремление сделать кого-то виновником своих бед и сполна с ним за это рассчитаться. Ты любовно взращиваешь свои обиды, словно знаменитый сыщик Ниро Вульф (из романов Рекса Стаута) обожаемые им орхидеи. Это подбадривает тебя, еще более озлобляет, и здесь ты уже не щадишь и себя, подражая героям этих примитивных и тупых «ужас-тиков» и боевиков. А если тебе проветрить голову и забыть про телевизор – то на самом деле ничего страшного с тобой и не случилось. Жизнь у тебя только начинается, и настоящее у тебя – это не дурацкие кинокадры с убийствами и зверствами, что благодаря телевизионному наркотику крутятся в твоей голове, а твоя сокровенная мечта: «У меня есть парень, очень красивый, и мы любим друг друга. У нас будет куча детей, и все будут похожи на отца и на меня». Вот это настоящее, и это больше похоже на правду, чем весь твой вымысел об убийствах и зверствах, потому что это больше похоже на жизнь, чем тот телевизионный бред, которым ты себя травишь.

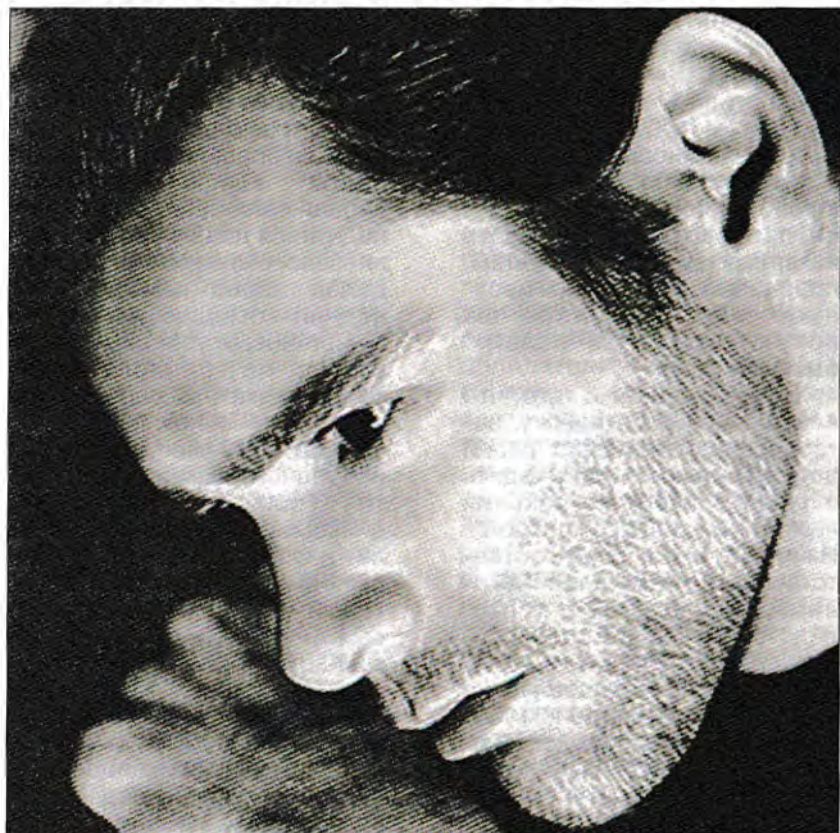
Пока что твои рожденные телевизором эмоции сильнее доводов разума. Понять это и вовремя остановиться – это самое главное, что тебе предстоит сделать. Тебе и, наверное, не одной тебе в твоём возрасте.

Алексей БУДКИН

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

В течение одного лишь года, сделав фантастическую карьеру, он метеоритом ворвался на небосклон кинозвезд, стал самым кассовым комиком Голливуда, королем смеха, кумиром, сводящим с ума миллионы почитателей его необычного таланта. И если он выполнит свое обещание прожить на свете не больше и не меньше ста двадцати лет, то многие зрители смогут убедиться в справедливости того, что говорит

ДЖИМ КЭРРИ:
**«ЕСЛИ МЕНЯ НЕ ОСТАНОВИТЬ,
Я СМОГУ СЫГРАТЬ ВСЁ»**

Одной из последних работ Джима Кэрри стал вышедший в прошлом году фильм Тома Шедиака «Брюс Всемогущий». Наверное, с каждым может случиться так, когда, устав от жизненных передышек, хочется спросить у Бога: «Ну почему неудачи и неприятности сваливаются именно на меня?» Вот этот вопрос и задает Джим — Брюс, встречаясь с Богом как раз в том момент, когда Всевышний собирается в отпуск. А причин для недовольства у Брюса немало: на кабельном телевидении, где он работает репортером, лучшие эфиры достаются не ему, на улицах пробки, а любимая собачка всё время писает на кресло. Вседержителю эти жалобы в конце концов надоедают, и он предлагает Брюсу статью на время его заместителем, повелевать стихиями, животными и людьми, чтобы тот почувствовал, как нелегко быть Богом.

Брюс начинает с того, что возвращает себе работу, затем увеличивает бюст своей подружке, учит собаку ходить в туалет, но вскоре события выходят из-под его контроля. На плечи героя ложится ответственность за миллионы молитв и просьб, а также за последствия каждой из них. Самое же главное — он убеждается, что всевластие не решает всех проблем. Отношения с подружкой по-прежнему трудны, а должность Бога лишь еще больше осложняет их.

«Мне кажется, — сказал Кэрри, когда журналисты поинтересовались его мнением о фильме, — что Бог живет в каждой частице энергии, которая управляет всем, что нас окружает. Я стараюсь следовать главным религиозным заповедям. Не делай другим людям ничего такого, что не хотел бы получить от них сам. Будь благодарен за то, что у тебя есть. Собственно говоря, об этом наш фильм. Я буду рад, если он поможет зрителям хоть ненадолго почувствовать себя на месте Бога».

Партнерша Кэрри, телевизионная «королева комедии» Дженнифер Эристон, в одном из интервью вспоминает, что вначале опасалась сниматься рядом с королем смеха: «Я спрашивала себя, смогу ли я подняться до его уровня. Меня завораживало то, что он делал перед камерой. Он поднял комедию на совершенно новый уровень. Он играл так, что я отлетала к стенке в синяках. В переносном смысле, конечно».

«Брюс Всемогущий» стал очередной совместной работой Кэрри с режиссером Шедиаком, с которым он десять лет назад делал первые свои шаги к славе. Тем самым, который в 1994 году поставил самый первый кинохит Джима Кэрри — «Эйс Вентура: розыск домашних животных», который в одночасье сделал актера звездой и любимцем миллионов американцев.

Фильм озаменовал также возвращение Кэрри на стезю

комедии после его не столь блистательных дебютов в фильмах других жанров. Правда, первая попытка актера попытаться себя в другом амплуа – эксцентричной антиутопии «Шоу Трумана» – оказалась довольно успешной, но этим успехом он обязан обилию комедийных ситуаций, которыми насыщен сценарий и в которых он плавал как рыба в воде. Последовавшая затем биографическая лента о комике Энди Кауфмане «Человек на Луне» имела меньший успех. А мелодрама «Мажестик» (2001) просто провалилась в прокате. Возможно, и здесь актер был на высоте, но зрители привыкли видеть другого Кэрри, они хотели видеть смешного Кэрри и не могли смириться с тем, что он не оправдал их ожиданий.

Как и многие творческие личности, а тем более обла-

дающие звездным статусом, Кэрри очень мнителен, причем настолько, что когда психоаналитик в шутку посоветовал ему развестись с женой, чтобы преодолеть нервный срыв, он почти всерьез отнесся к этому предложению. Конечно, относительная неудача «Мажестика» не выбила его из колеи, однако и особой радости не принесла.

Чтобы развеяться, он сделал себе, любимому, сногшибательный подарок стоимостью сорок миллионов долларов – приобрел сверхзвуковой самолет «Гольфстрим V», способный на одной заправке совершить voyage из Нью-Йорка в Токио. Надо сказать, что такие лайнеры приобретают, как правило, крупные корпорации, их выпущено всего не более сотни, причем три из них прописаны в Голливуде. Таким образом, Джим присоединился к Тому Крузу и Харрисону Форду, счастливым обладателям летающей игрушки.

На этом самолете Джим и прилетел в Москву после неудачи «Мажестика» и размолвки со своей возлюбленной, известной голливудской актрисой Рене Зеллвегер: продюсер Боб Ван Ронкель убедил актера, что лучшего места для того, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы, ему не найти. Как рассказывает продюсер, его идея полностью оправдала себя.

«Джим поселился в одном из самых дорогих отелей Москвы и платил за свой

люкс полторы тысячи долларов в сутки. На следующий же день попросил отвезти его на Красную площадь. Он очень долго пробыл там, несколько раз обошел ее вдоль и поперек, а потом сказал: «Ты знаешь, я только сейчас перестал бояться СССР. Я хорошо помню «холодную войну». В то время в Штатах президентом был Джим Картер, а здесь правил Брежнев. По телевизору только и показывали, как по Красной площади маршируют тысячи солдат и громяхают танки. А сегодня вместо них я увидел добрых, приветливых людей, все меня узнают и улыбаются, просят сфотографироваться на память».

Известная балетная прима Анастасия Волочкова захотела лично показать ему Москву, а заодно и поужинать с ним. Собираясь на свидание, Джим, несмотря на требования начальника охраны, отказался от телохранителей, и они вдвоем с Анастасией отправились на экскурсию. Каково же было его удивление, когда он заметил, что за ними следует джип с накаченными ребятами. Оказалось, это были личные охранники балерины. «Я первый раз в жизни побывал на свидании с красивой девушкой и четырьмя парнями одновременно», – не без юмора сказал он потом.

Когда дело дошло до покупки сувениров, Джим прежде всего попросил найти ему майку с изображением Владислава Третьяка. Мы объез-

дили едва ли всю Москву, но все же нашли ее. Джим радовался как ребенок, ведь в детстве Третьяк был его кумиром.

Недельная поездка в Россию обошлась Джиму в двести с лишним тысяч долларов, но он ничуть не жалел об этом. Как потом признался Кэрри в интервью одной из американских компаний, этот визит сильно изменил его представления о жизни. Он давно не видел таких искренних и доброжелательных людей, а уж такого количества красивых девушек и подавно. Если бы у него была возможность пожить в России подольше, он бы, не колеблясь, выбрал себе жену здесь. И эту идею он собирается реализовать в свой следующий приезд.

По мнению Кэрри, Москва прекрасно помогает развеяться и отвлекает от мрачных мыслей. Но надо отдать должное королю смеха: в российской столице он не только отдыхал, но и посетил Донской монастырь, где настоятель подарил ему икону Божьей матери, чем, конечно же, растрогал знаменитость. Потому что, как он сам признается, еще в школьные годы в его душе зародилась искра веры в Божественное начало.

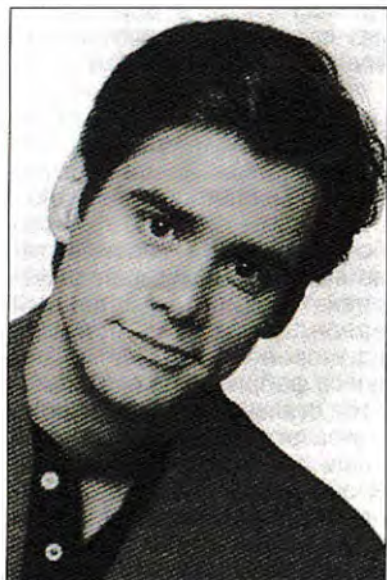
«Я всегда мечтал о велосипеде, – говорит Кэрри. – И не о простом, а о крутом «Мустанге», которым восхищались все мои одноклассники. Я знал, что у меня никогда не будет такого велосипеда. Мы жили в прицепе, денег хвата-

ло только на еду. Однажды к нам в класс пришла учительница-ирландка. Она занималась с нами всего два дня. В первый день она сказала: "Если я хочу чего-то, то обращаю свои молитвы к Деве Марии и прошу, чтобы Бог дал мне то, чего я хочу". Я подумал: "Круто, нужно попробовать". Дома я всю ночь молился Деве Марии и выклиничивал у нее велосипед. И не просто велосипед, а "Мустанг". На следующий день ничего не произошло. Через неделю – тоже. Я решил, что это надувательство и что молитвами делу не поможешь. И что вы думаете? Через две недели я прихожу домой и вижу, что вся семья сгрудилась вокруг ярко-зеленого велосипеда марки "Мустанг" с сиденьем в форме банана – как

раз такого, какой я воображал во время молитвы. Оказывается, я выиграл его в лотерее, в которой даже не участвовал. Мой приятель пришел в магазин спортивного инвентаря, а там как раз проводили лотерею. Он подсуетился и записал не только себя, но и меня. И они вытянули мое имя! С тех пор я верю в существование высших сил. Я никогда не потрясал Библией, но мне хочется верить, что божественная сила пребудет с нами».

Правда, история с велосипедом – один из немногих светлых моментов из трудного и бедного детства самого кассового актера «фабрики грез».

Детство и юность Кэрри ни в коей мере не предвещали ему успех. Джим Юджин – таково его полное имя – родился 17 января 1962 года в канадском городе Торонто и был самым младшим в многочисленной семье, где, кроме него, были еще старший брат и двое сестер. Его отец, Перси Кэрри, был музыкантом-неудачником, играл на саксофоне в одной из групп, но вынужден был работать бухгалтером, чтобы прокормить большую семью. Семья едва сводила концы с концами, и отцу даже пришлось заложить свой саксофон, чтобы заплатить за лечение почек одной из дочерей. Мать Джимма – Кэтлин, очень болезненная и мнительная женщина, – находила у себя все болезни, о которых она только слыша-

ла, и постоянно жаловалась соседям на свои мнимые хвори. Естественно, она скоро стала притчей во языцех, и Джиму нередко приходилось слышать шепоток за своей спиной: «Бедный ребенок... Его мать совсем сумасшедшая».

Родители отдали Джима учиться в Школу Благословенной Троицы, где подвижному и шумливому мальчику приходилось очень нелегко: иметь чудаковатую мать и ходить в обносках – такое не под силу любому подростку. Во всем городишке не было паренька, над которым бы так издевались, как над Джимом. Драться не имело смысла – слишком много было противников. А вот выкинуть что-нибудь экстравагантное, завизжать, закрутиться волчком и укусить обидчика – это действовало на мальчишек отрезвляюще: с таким парнем лучше не связываться, у него не все дома.

Кэрри говорит, что с трех лет верил в свое призвание, а в школе с первого же дня заработал звание «классного клоуна». Учителя не могли с ним справиться, потому что он мог превратить любой урок в цирковое представление. Наконец, одна учительница нашла прекрасный выход из этого положения: позволила ему кривляться в последние пятнадцать минут урока при условии, что он будет смирно сидеть всё остальное время. «Эта учительница обуздала того малолетнего преступника, который

был во мне, и помогла стать человеком, – говорит Кэрри. – Я быстро делал классные задания, а потом сидел и сочинял шутки и приколы».

В те годы его любимым занятием было часами простаивать перед зеркалом и корчить рожи. К десяти годам он настолько овладел своим лицом, что сделал восемьдесят фотографий, запечатлевших самые разные выражения, и послал их на телевидение. В третьем классе Джим впервые сыграл роль Санта-Клауса в школьном спектакле. «Я думаю, что провел большую часть своей жизни перед зеркалом», – признается актер. Мать запрещала сыну кривляться, запугивая его тем, что когда-нибудь из зеркала вылезет дьявол. Но это лишь подхлестывало любопытство мальчика, и он продолжал гримасничать, а двенадцать лет спустя это стало частью его сценического номера.

Кажется, что самой судьбой Джиму было назначено стать актером-комиком. Но в это время на семейство Кэрри свалилось очередное несчастье – отец потерял работу, платить за квартиру стало нечем, и им пришлось переехать в промышленный район, где удалось получить дармовое жилье в доме рядом с фабрикой по производству стальных ободов и шин. Но за это вся семья должна была работать на фабрике. Что это была за работа, можно судить по воспоминаниям старшей сестры: «Ночью папа охранял фабрику, я убирала

кабинеты, а Джим – нижние этажи. Мы чистили, мыли, скребли, проще говоря, мы чистили унитазы, и это был ад. По ночам Джим работал, а утром шел в школу. Но в девятом классе он бросил школу, сказав отцу, что единственное, что ему сейчас нужно, – это спать. Так как мы жили прямо около фабрики, казалось, что мы на работе двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Постепенно мы начали ненавидеть всё и вся, ведь, кроме фабрики, мы ничего не видели».

Нищета и отсутствие каких-либо перспектив привели к тому, что в семье начались разлады и ссоры. Чтобы окончательно не свихнуться, было решено расстаться с фабрикой, но одновременно с этим пришлось проститься и с жильем. Долгое время вся семья ютилась в прицепе «Фольксвагена», а потом и вовсе перебралась в палатку, которую поставили на лужайке, принадлежавшей дальним родственникам. Позднее Джим скажет, что это было как в «Гроздях гнева»: «Я спал на уроках, потому что работал по ночам. Я чувствовал себя изгоем. Я ненавидел весь мир. Иногда мне приходилось выступать в таких местах, о которых я до сих пор вспоминаю с содроганием. Порой я радовался, когда мне удавалось унести оттуда ноги. Но я ни о чем не жалею. Это был прекрасный полигон для комика. После работы в ночных клубах даже Голли-

вуд кажется не очень страшным местом для начинающего актера».

Как бы то ни было, но именно отец надумал сына выступить на сцене подросткового комедийного клуба «Юг-Юг» в Торонто. «Мне исполнилось пятнадцать, и я делал номер, который мы написали вместе, – вспоминает Кэрри. – Я вышел на сцену, и я помню владельца клуба, стоящего за сценой с микрофоном и бубнящего: "Ужасно скучно, ужасно скучно", – или что-то вроде этого. На мне был один из этих, как они там называются, "полтиэстеровых" костюмов, и зрители практически закидали меня тухлыми яйцами».

Согнанный со сцены Джим был так потрясен, что вообще не выступал в течение двух лет. Его аудиторией стала семья, в то время как он и его отец шлифовали и оттачивали номер, с которым он вновь появился на сцене. На этот раз его ждал успех. «Он начал выдавать потрясающие пародии, – так оценивает владелец клуба второе пришествие Джима, – и мне в голову не приходит ни один другой комик, проходивший через меня, который был бы так хорош».

Те первые комедийные выступления были бесплатными и любительскими, но они принесли Джиму восторженные отзывы о его замечательных пародиях и постоянные заказы на выступления.

Кэрри начал профессиональную карьеру в 1979 году,

Он быстро сумел произвести впечатление на лос-анджелесских комиков. Тогда-то его и заметил импресарио Родни Дэн Джерфилд, который пригласил молодого человека в Лас-Вегас и организовал для него несколько весьма удачных выступлений. Всё это придавало Джиму уверенность в себе, и в 1981 году, когда ему было всего лишь девятнадцать лет, он окончательно покинул Канаду и перебрался в Лос-Анджелес, где за год выступлений умудрился заработать двести тысяч долларов. К осени 1984 года невероятные пародии Джима привели к тому, что журнал «Пипл»

провозгласил его одним из самых лучших американских пародистов.

Пожалуй, главным завоеванием этих лет стало для Кэрри участие в телесериале «Утиная фабрика», позволившее ему получить приглашение от весьма престижного клуба «Комедийный магазин», где он вскоре становится центральной фигурой. Встав на ноги, актер перевез в Лос-Анджелес родителей, полностью взяв их на свое обеспечение. Однако после тринадцати эпизодов «Фабрики» прикрыли, и актер остался без работы в ситуации, когда нужно было налаживать свою карьеру, да еще и помогать родителям. Между тем здоровье матери резко ухудшилось, ей нужны были дорогие лекарства и доктора, Джим влез в большие долги и вынужден был просить родителей вернуться в Торонто. Сегодня он вспоминает те дни как «поворотный пункт» в своей жизни, к которому он относится с болью и чувством вины.

В жизни актера вновь наступила черная полоса. Его позвали в ночные клубы – он отказался. Ему предложили работать с собственным шоу в Лас-Вегасе, изображать знаменитостей – он не принял приглашение. «Все, кого я знал, считали, что я рехнулся, – вспоминает Кэрри. – Все говорили, что я смогу заработать за сезон миллион долларов». Но юноша был просто разбит, впал в депрессию и даже признался

в том, что пробовал в те годы экспериментировать с наркотиками. Он прекратил гастролировать, потому что у него больше не было сил на пародии.

Одной из главных проблем Кэрри в тот период была неудовлетворенность собственным творчеством. Ему надоело заниматься передразниванием, к тому же он понял, что на этом далеко не уедешь, и, поставив перед собой цель попасть на большой экран, стал брать уроки актерского мастерства и с завидным упорством посещал кинопробы. В 1985 году Джим снялся в своей первой ведущей роли в комедии «Однажды укушенный», где соблазнительная вампириша охотилась за девственником – то есть за Джимом.

После нескольких эпизодических ролей в 1989 году Кэрри подвернулась роль эксцентричного инопланетянина в сатирической комедии на сексуальные темы «Земные девушки доступны».

Здесь он познакомился с черноткожим комиком Дэймоном Уэйансом, пригласившим его участвовать в хитовом шоу «В живом цвете», где он изображал экстравагантных персонажей с именами Вера Милоская и Шериф Билл. А затем настал звездный час Джима Кэрри – 1994 год.

Практически Кэрри сделал свою сумасшедшую карьеру в кино в течение одного года. Все началось с того, что летом 1993 года актеру удалось заключить контракт на участие в съемках фильма «Эйс Вентура: частный детектив». Сценарий был отвергнут многими в Голливуде, и случайное назначение Кэрри на главную роль было связано с тем, что все ранее приглашенные более-менее известные комики не видели будущего за этой лентой и отказались от участия в проекте. Но Джим почувствовал здесь свой шанс и согласился, но с условием, что может дополнять роль по своему усмотрению и сделать Эйса персонажем не от мира сего, как, впрочем, и все предыдущие его герои.

Эйс Вентура – детектив по розыску домашних животных с петушиным хохолком волос на голове и юмором шестилетнего ребенка – покориł ребятшек и взрослых. Малобюджетный фильм стал настоящим хитом, собрал за три недели проката сорок миллионов долларов и сто двадцать миллионов по всему миру. Построенная на трюках кар-

тина, где основным двигателем сюжета была гуттаперчевая физиономия актера, принесла ему не просто популярность, она сделала его кумиром публики. Таким образом «Вентура» послужил Джиму своего рода трамплином в заоблачные голливудские киновысоты.

В том же 1994 году на экраны Америки вышел блокбастер «Маска» – фильм о скромном, неудачливом банковском клерке Стенли Илкусе, который, надев случайно найденную волшебную маску, стал всемогущим и зловещим искоренителем зла. В том, как актер сыграл эти два столь отличных друг от друга образа, наглядно проявились черты таланта, всегда ему присущие, но раньше почему-то никем не замечавшиеся. Разнообразие мимики его лица, все время менявшего выражение, совершенное владение телом, невероятная гибкость и плас-

тичность, высокое танцевальное мастерство (исполнение им зажигательной ламбады вместе с Камерон Диас на сцене клуба «Коко Бонго» – один из лучших эпизодов картины), умение работать с животными – маленькая собачка Майло стала здесь ему полноправным партнером – всё это в сочетании с компьютерными эффектами (проглоченная связка динамитных шашек взрывается прямо в животе актера) предопределило шумный успех. Гонорар Джима Кэрри мгновенно подскочил с одного миллиона долларов до двадцати, которые он получил три года спустя за продолжение фильма – «Месть маски». Но самое главное – эти роли превратили Кэрри в звезду мирового класса.

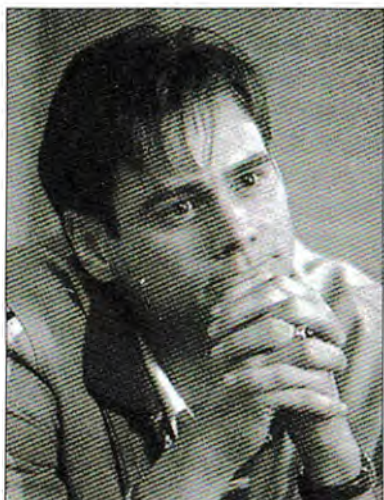
Между тем еще до того, как состоялась премьера «Маски», компания, которая финансировала фильм, предложила актеру семь

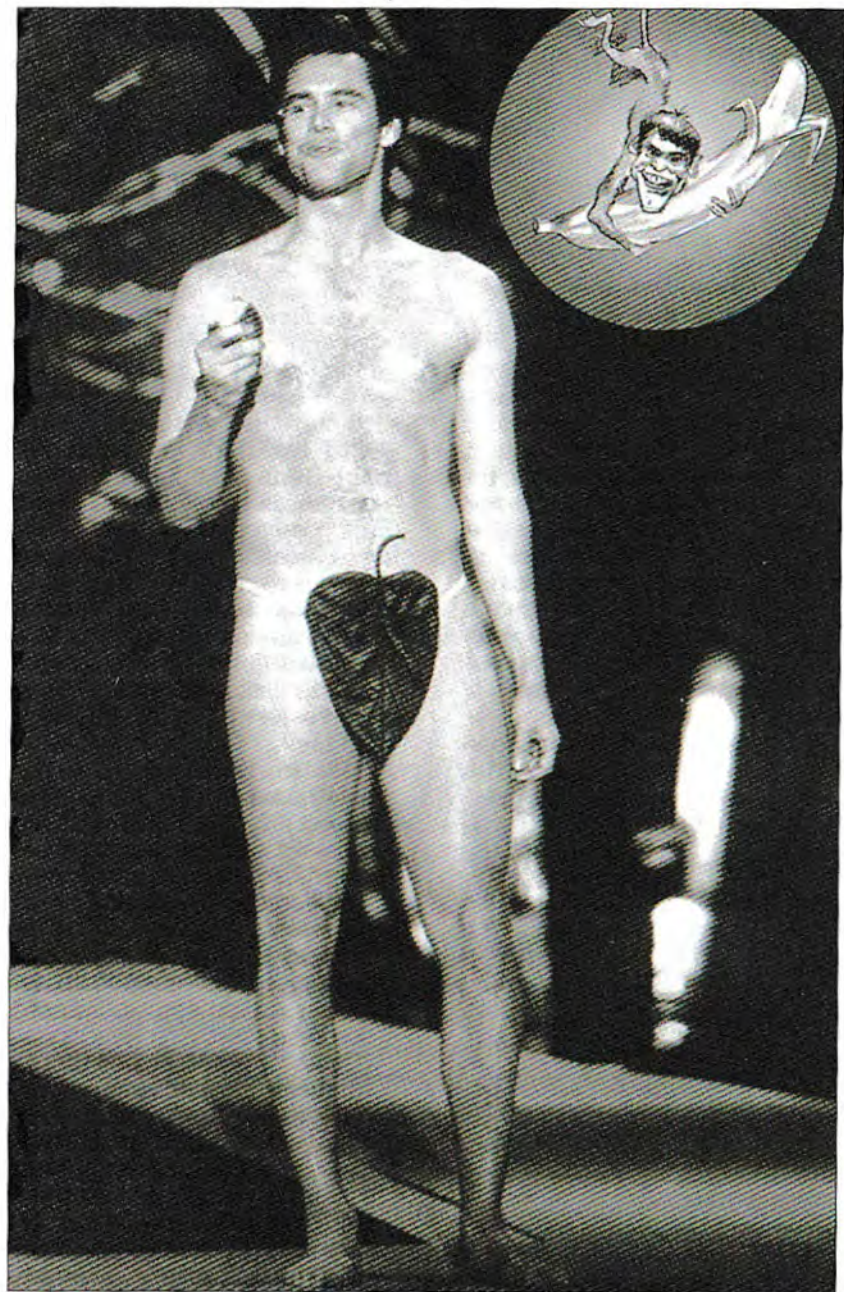
миллионов долларов за роль в комедии «Тупой и еще тупее». Кстати, именно с этого фильма начался его роман с актрисой Лорен Холли, которая вскоре станет его второй женой. Именно ее героиня — объект неуклюжих ухаживаний двух парней: вечно улыбающегося до ушей, энергичного Ллойда (Джим Кэрри) и мрачного, неповоротливого, неуклюжего Гарри (Джеф Дэниельс). Их эксцентричные похождения все время балансируют на грани парной клоунады, в которой один глупый, а другой еще глупее. Они оказываются так глупы, что, когда находят набитый деньгами кейс, умудряются потратить всё на поиски его хозяйки.

Можно не признавать «животный юмор» Джима Кэрри, возмущаться его вульгарным поведением на экране, шуточками и проказами на гра-

ни пристойности (попробованной на вкус мочой, голый задницей, поносом в неисправном туалете и т.п.), но все эти эпизоды оказываются не такими уж бессмысленными и однозначно тупыми. Актер дает возможность публике пожалеть в чем-то ущербного героя, который все же человечнее многих умных. Персонажи Джима Кэрри предоставляют каждому зрителю шанс почувствовать себя «не тупым и не тупее» остальных, избавиться при помощи смеха от собственных комплексов. Ведь любое общество нуждается в подобных «мальчишах-плохишах» (глядя на него, невольно думаешь о том, что я-то лучше), своих глупышкиных — именно такое прозвище получил в России герой из фильмов Андре Диде, именуемый в Италии Кретинетти, а во Франции Простотилей.

Режиссер Питер Уайтер как-то сказал о Кэрри: «Джим похож на озорного, непослушного мальчишку с телом взрослого мужчины. Он способен вырабатывать сильнейший поток энергии». При весьма солидных габаритах (он весит 82 кг при росте 188 см) все тело Кэрри обладает уникальной, почти нечеловеческой гибкостью позвоночника и подвижностью суставов — такое впечатление, что у него вообще нет костей. Всё это дополняется абсолютно невообразимой мимикой, огромным ртом, растягивающимся до размеров чемодана. Он похож на ртуть,

невероятно подвижен, непрерывно прыгает, кривляется, жеманничает... Кэрри — мастер гротеска и фарса. Наверное, за все эти качества Джима Кэрри и считают сейчас одним из лучших комиков мира. Столь космического взлета к славе Голливуд не видел давно: после полутора десятков лет изнурительной и почти безнадежной борьбы за выживание Кэрри в одночасье превратился в самого кассового комика Голливуда и короля смеха. В актера, который первым в истории за съемки в кинофильме получил сумасшедший гонорар в двадцать миллионов долларов. Ему пока не удалось стать номинантом на «Оскара», зато его друг, знаменитый актер Николас Кейдж, вручил ему не менее значимый подарок — статуэтку крысы, нареченную Обидоби. Эту награду близкие друзья вручают за Великолепие, за какие-то особые достижения, подбадривая тем самым друг друга.

Немудрено, что уже через год, 2 ноября 1995 года, Джим Кэрри был увековечен неотъемлемая как часть Планеты Голливуд. Когда торжественная церемония закончилась, актер оставил отпечатки своих рук и ног на мокром цементе, подписался и добавил: «Смешнее, смешнее и еще смешнее!» А затем на глазах у всего мира он оставил на цементе и пальчики своей дочери Джейн — четыре точки после последнего слова «смешнее»...

С этого момента личная жизнь Джима Кэрри выносятся телевидением и прессой на всеобщее обозрение. Слава радикально изменила жизнь актера. Первый раз он женился в период своих выступлений в комедийных клубах. Ее звали Мелисса Уомер, она работала официанткой и вместе с мужем переживала его грандиозный успех в фильме «Эйс Вентура». Супруга утверждает, что обретенная к тому времени ее мужем популярность разрушила их брак. Насмешки градом посыпались на жену. Джим делал сальто, крутился волчком по полу, потом вскакивал и давал жене щелчок по лбу, строя при этом уморительные рожи. «Джим, ты ведешь себя как злой подросток, — говорила Мелисса. — Опомнись, тебе ведь уже тридцать два года, у нас растет дочь...» Но на Джима ничего не действовало: «Я слишком долго терпел, а теперь я король! Я великий комик, а ты — ничтожество». После восьми лет совместной жизни всё завершилось дорогостоящим и очень шумным разводом. К счастью для Кэрри, их дочь Джейн, которой сейчас исполнилось четырнадцать лет, осталась с ним.

Надо сказать, что эпатажность, непредсказуемость поступков и экстравагантность, свойственные Джиму Кэрри еще в то время, когда он только начинал карьеру в кино, не оставляют его и по сей день. Еще выступая в лос-анджелесском клубе

«Комедийный магазин», он отличился тем, что во время празднования двадцатилетней годовщины заведения появился на сцене совершенно голым, если не считать носка, прикрывающего его мужское достоинство. Этому подвигу суждено было привлечь внимание такого солидного издания, как «Роллинг Стоун», поместившего на своих страницах разгромную рецензию о новоявленном возмутителе спокойствия.

Повзрослев и устав от назойливого внимания поклонников и прессы, Кэрри купил себе такси, нанял шофера и ездит по городу, не привлекая к себе досужливых взглядов. А совсем недавно купил мотоцикл и носится по улицам, как все простые байкеры.

Почти сразу после развода Кэрри закрутил роман с партнершей по фильму «Тупой и еще тупее» Лорен Холли. Выйдя замуж за суперзвезду, она надеялась блистать в голливудском свете. Да только в свете Кэрри всерьез не воспринимали, а вскоре и просто перестали принимать. Придя в гости, он мог взять из буфета какой-нибудь хрустальный стаканчик времен Людовика XIV и грохнуть его об пол. «Что, жалко?» – спрашивал Джим разгневанного хозяина. Естественно, такие шуточки не могли пройти даром. Холли приходила в бешенство, Джим старался ее развеселить своими традиционными трюками, чем еще больше злил супругу. «Опомнись, – увещевала она, – ты же не десятилетний мальчишка». Кэрри опомнился, и через восемь месяцев со скандалами и взаимными обвинениями супруги развелись.

И тогда настал черед Рене Зеллвегер. Кэрри выбирал себе партнершу для фильма «Я, снова я и Ирэн» по актерской базе данных, увидел фото Рене и заявил: «Я буду сниматься только с ней». Дальнейшие события развивались в стиле лучшего голливудского комика. Джим вошел в павильон студии и поскользнулся на банановой корке. Рене, бросившись на помощь, тоже не удержалась на ногах, и, обнявшись, они вместе оказались на полу. А затем провели ночь в доме актрисы. Наутро Джим повторил тот же

трюк, из-за которого его попросили удалиться из другого дома: подбросил к потолку дорогой бокал и... Рене поймала его и грохнула об стену – она влюбилась в Джима, и ей уже было не до стеклашек. Тогда Джим укусил подругу за нос, она цапнула его за ногу, он щелкнул ее по носу, она ответила тем же, он скорчил ро- жу, она поцеловала его, и он понял – это любовь.

Джим засыпал Рене дорогими подарками – колечко за шестьдесят тысяч долларов, меблировка ее нового дома за сто тысяч долларов... Она не соглашалась на брак, потому что считала, что любовь такого человека, как Кэрри, нужно заслужить. Она же ничего не сделала для того, чтобы быть достойной этого, а просто так, ни за что, ее может полюбить только ее собака. Лишь после того, когда Джим подарил ей обручальное кольцо за двести тысяч долларов, Рене, наконец, была готова подписать брачный контракт. Но, как всегда непредсказуемый, Джим заявил, что жениться пока не собирается и подруга, если хочет, может его покинуть. Кэрри объяснил свой поступок так: «Рене вбила себе в голову, что я ее не люблю, и каждую минуту требовала доказательства обратного. Это стало просто невыносимо. К тому же для нее нет ничего в жизни важнее, кроме ее мерзкой собаки. Она даже клала ее спать в нашу кровать. А заниматься любовью нужно было тихо, чтобы не

разбудить эту тварь. Я просто устал от всех ее комплексов».

Самое интересное, что, покинув Джима, Зеллвегер круто пошла вверх, обретя статус кинозвезды, а бывшая жена Лорен Холли выскочила замуж за канадского банкира. А Джим так и остался в душе десятилетним подростком, прячущим свою детскую агрессию под маской шутовства.

Вызывать у людей улыбку стало у Кэрри даже не желанием, а безусловным рефлексом. Его все любят, но не воспринимают всерьез. Актер буквально завален предложениями от разных режиссеров. Однако комедийные роли уже не вызывают у него энтузиазма, ему стало тесно в комедийных рамках, он мечтает о ярком драматическом образе. Только вот вряд ли найдутся желающие убить курицу, несущую золотые яйца, – ведь его лучшие комедии приносили по двести миллионов долларов в американском и европейском прокате. А королю смеха вдруг захотелось исполнить роль Раскольникова в «Преступлении и наказании» или сыграть в «Братьях Карамазовых». «Я знаю, если меня не остановить, – говорит Кэрри, – я могу сыграть всё. Для меня нет пределов и ограничений. У каждого есть свои проблемы. Но всё равно есть фанаты вроде меня, и их за это нужно ценить: они приносят людям радость».

Сергей ЧАЙКИН

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Старый добрый вестерн жив! Именно с этой фразы хочется начать наш очередной обзор. Посудите сами: за последние полгода новенькие «Идальго», «Открытый простор», «Аламо», «Пропавший без вести» (о двух последних мы уже писали) – для начала поражают воображение количеством. Сами собой возникают вопросы: почему вот уже сто лет вестерн не утрачивает своей притягательности для американцев? И не только для них! Почему к вестерну, жанру, на первый взгляд, развлекательному, обращались киноклассики Голливуда: Джон Форд, Уильям Уайлер, Говард Хоукс, Кинг Видор, Фред Циннеман, Фриц Ланг, Артур Пенн, Клинт Иствуд? Почему

ему сниматься в картинах о Дальнем Западе почитали за честь непревзойденные звезды Голливуда Хамфри Богарт, Гари Купер, Генри Фонда, Кларк Гейбл, Эррол Флинн, Марлон Брандо? Да и для современного режиссера взяться за вестерн – это, как говорится, особая ответственность, это обязывает. Примерно так же, как во времена Советского Союза снять фильм о революции. Заслужить надо!

Историки кино утверждают, что за всю историю мирового кино не было другого жанра, который был бы так любим зрителями и так ими не понят. Хотя, заметим, с молодых ногтей не только американские школьники, но и все читающие школьники

Возвращение вестерна: фильм «Открытый простор»

ки мира увлеченно зачитывались приключениями ранних переселенцев из эпоса Фенимора Купера («Зверобой», «Пионеры» и др.), ироничных романов Марка Твена, «золотоискательских» рассказов Брета Гарта. Секрет заключается в том, что кроме собственно приключенческой стороны, которая-то, несомненно, и привлекает массы, есть другая, более важная, хотя и скрытая от поверхностного взгляда, сторона: вестерн глубоко национальный, народный жанр.

Я не открою Америки, если скажу, что она, эта самая Америка, – молодая страна, что у нее нет за плечами древней истории. Заселялась она в семнадцатом веке, создавалась в восемнадцатом преимущественно выходцами из Англии, Шотландии, Ирландии и Нидерландов, эмигрировавших из Старого Света в поисках религиозных и политических свобод. Каждая колония (будущий штат) чаще всего основывалась приверженцами какой-либо конкретной протестантской секты. Пионерам и первопроходцам, устремившимся вглубь необъятной и неосвоенной страны, был присущ дух вольницы, безнаказанности в сочетании с пуританской суровостью. Каждый колонист осознавал себя покорителем и цивилизатором необъятных просторов с Библией в одной руке и с кольтом в другой.

Дух вестерна впервые проявился в литературе, но, как жанр, вестерн – явление чисто кинематографическое. По сути дела, вестерн – это героические легенды прошлого, такие же, как

русские былинные сказания, или греческий эпос, или французские баллады о странствующих рыцарях. Они закрепляют в сознании народа то самое прошлое, без которого нет и не может быть национального самосознания. Завоевание Дальнего Запада навсегда останется в народной памяти американцев как время неограниченной свободы и беспощадной борьбы с природной стихией, с враждебно настроенными дикарями и бандитами, которых немало было среди пионеров. Понятно, что в поисках лучшей жизни из Европы в основном уезжали те, кому там было в той или иной степени худо. Бедные, безродные, гонимые – все они мечтали о лучшей доле и верили в то, что обретут ее за океаном, в Земле Обетованной. Среди них было немало пройдох, воров, бандитов, некоторые становились таковыми в борьбе за место под солнцем. Именно они-то, а не дикари-индейцы стали главными отрицательными героями вестернов. Вообще – и это хотелось бы подчеркнуть – вопросы американцев перед индейцами до сих пор остаются одной из главных тем вестерна и, пожалуй, самой болезненной темой истории периода становления нации. Вспомните хотя бы относительно недавний фильм Кевина Костнера «Танцы с волками». В вестернах нет расистского подхода к проблеме индейцев, скорее «воинствующие краснокожие» – это некий символ, олицетворение опасной и грозной силы «диких земель». Что-то вроде нашего Соловья-разбойника. Бандиты, напротив,

были настоящими убийцами, ворами, они грабили скотоводов и землевладельцев, почтовые кареты и поезда, они тормозили процесс становления цивилизованной жизни. Об этом рассказывал самый первый вестерн «Большое ограбление поезда» (1903) классика американского кино Эдвина Портера, где было сформулировано жанровое кредо: зло должно быть наказано. Но кем? Как? И согласно какому закону? Как ответ на все эти вопросы, возникает ключевая фигура вестерна – шериф, человек, который соблюдает «закон и порядок», проявляя неограниченную личную инициативу, выходящую порой за рамки этих самых «закона и порядка». Избираемый жителями пограничного городка шериф, получивший знак своего достоинства – оловянную звезду, становится ответственным за охрану вверенных ему территорий и граждан и часто был вынужден выполнять функции преследователя, судьи и даже палача. Шериф – один из любимейших героев американского вестерна. Лучший шериф (пожалуй, с этим многие согласятся) – одинокий герой Гари Купера в фильме Фреда Циннемана «Ровно в полдень» (1952), который в схватке не на жизнь, а на смерть ликвидирует банду убийц вопреки желанию жителей городка, которые запуганы бандитами. Среди шедевров вестерна вровень с «Полднем» идут – «Рио-Браво» (1959) Ховарда Хоукса, «Великолепная семерка» (1960) Д. Стерджеса, «Профессионалы» (1966) Р. Брукса, «Дикая Банда» (1969) Сэма Пекинпа.

Любимые герои вестерна...

...всегда таинственны...

...а зло всегда наказано

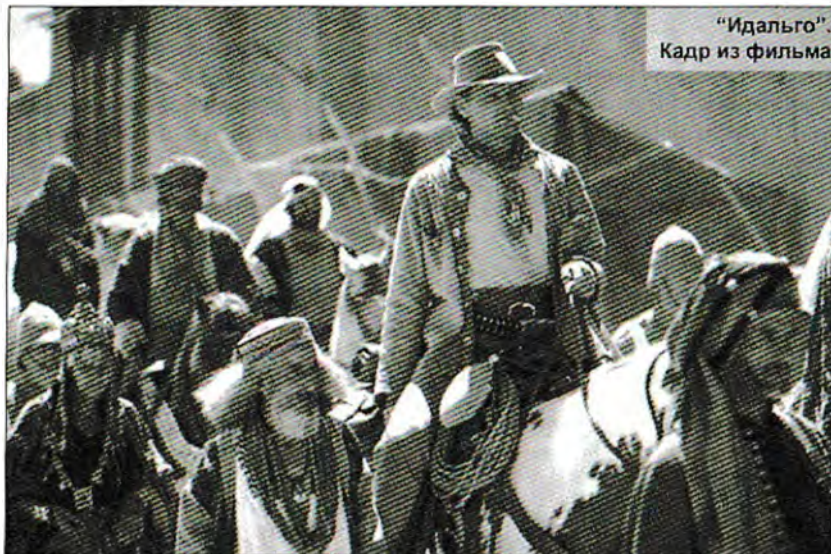
Классическим периодом развития жанра принято считать сороковые-шестидесятые годы. Именно тогда и сложились архетипы вестерна: мужественный шериф, бесстрашно вершащий правосудие; ковбой, романтические герои прерий; женщины, даже те, кого судьба занесла в бордель, красивые, верные и смелые подруги; индейцы, в массе дикие и жестокие, но есть великодушные одиночки, готовые, как говорят сейчас, «к диалогу и консенсусу»; наконец, бандиты, гнусные выродки, заслуживающие смерти и только смерти.

В семидесятые и восьмидесятые годы вестерн утратил свою популярность, уступив место другим жанрам, более эффективно способствующим выбросу адреналина, — экшенам, триллерам, фантастике, ужасам. На их фоне вестерн, действительно, кажется сегодняшнему зрителю наивно-романтическим. Мир стал сложнее, зло прихотливее, да и фантазии авторов прихотливее. Нет больше деления на плохой — хороший. Но вестерн не умер. Даже в эти «застойные» для жанра десятилетия режиссеры обращались к вестерну, создавая картины, пополнившие классическую антологию жанра, — это и трилогия итальянца Серджо Леоне, и фильм Майкла Чимино «Врата рая», и уже упомянутые «Танцы с волками» Кевина Костнера, получивший семь «Оскар».

И вот новый век и новый всплеск, доказывающий — хотя доказывать это совсем и не нужно! — обратное: вестерн жив. Нас снова ждут погони, схватки, пе-

рестрелки, пылающие ранчо, грязные салуны... Хорошие и благородные ковбои. Грязные и подлые бандиты. И человек с оловянной звездой на груди, мужественный и неотвратимый, как само возмездие.

Ну а теперь к новинкам жанра. Что касается фильма режиссера Джо Джонстона **«Идальго»**, то в связи с его выходом ключевым стал вопрос: имела ли место эта история на самом деле или она порождение фантазии сценаристов? Нам это по большому счету безразлично, нам главное, чтобы кино было с драйвом. Но режиссер Джо Джонстон, естественно, уверяет, что никакого вымысла в его истории нет, что «все, как было в жизни». Только кто поверит постановщику «Джуманджи» и третьего «Парка Юрского периода»? По его версии, реально живший на Дальнем Западе ковбой Фрэнк Хопкинс (Вигго Мортенсен) бросил вызов знаменитым арабским всадникам, объявив, что он первым преодолеет три тысячи миль верхом по пустыне. Это был совершенно реальный человек, в жилах которого текла индейская кровь. Хопкинс с детских лет зарабатывал себе на жизнь тем, что возил по прерии почту. Он буквально ссорился со своим конем, стал с ним одним целым, что вполне могло подтолкнуть его к мысли о подобном соревновании и дать надежду на победу. Исследователи истории Дальнего Запада считают, что мысли, возможно, его и посещали, но самих соревнований не было и быть не могло, что Хопкинс их выдумал, а народ пове-

рил и превратил в миф. С помощью журналистов Хопкинс даже опубликовал отчет о соревнованиях, а позднее аж две свои автобиографии, в которых этому фантастическому «ралли» на парнокопытных было уделено большое место. Но, как говаривал Джон Форд, родоначальник американского киновестерна: «Когда легенда перестает быть жизненной, опубликуйте ее, это придаст ей правдоподобия». Когда же речь идет о фильме, то можно эту мысль несколько перефразировать: вложите побольше денег, и любая фантазия станет захватывающей дух правдой. Именно это в фильме есть: бюджет в 90 миллионов долларов, блистательные актеры — Вигго Мортенсен, ставший знаменитостью после «Властелина колец», и непревзойденный Омар Шариф в роли шейха Рьяд-ха. А еще есть энергия, мощь, драчливая заносчивость, что, по

мнению одного известного кинокритика, делает картину «чистой и простой, как немые приключенческие ленты героев Дугласа Фербенкса и Эррола Флинна».

Несколько слов о сорокапятилетнем датчанине из Новой Зеландии (ничего себе коктейль?) Вигго Мортенсене, известность которому принесла роль Арагорна из фильма «Властелин колец», превратив его из профессионального актера в настоящую мега-звезду, в объект женского вождения. Мортенсен — обстоятельный актер, он методично входит в роль: для начала он много читает о своем персонаже и о времени, когда тот жил, затем он и в собственной жизни начинает вести себя так, как вел бы его персонаж. В случае с Арагорном он уходил спать в лес прямо в сценическом костюме своего героя. В случае с Хопкинсом он спал, не снимая

сапог. Несмотря на солидную подготовку к роли, сам Мортенсен решительно отказывается участвовать в споре о том, реальна история Хопкинса или вымысел. В любом случае для актера он живой человек, как и Арагорн, хоть последний уж точно был плодом авторской фантазии. «Для меня главное, — говорит актер, — то, что Хопкинс не империалист-завоеватель, а человек, чутко относящийся к чужой культуре, которую он пытается узнать и постичь». Уж не крамольный ли это намек на войну в Ираке? — могут спросить некоторые. Едва ли, потому что актер — человек прямолинейный и не стал бы вуалировать то, что думает. Так, например, он убежден, что в его последних фильмах («Две башни», «Возвращение короля» и «Идальго») главные герои — лошади. Он купил коней, Брего и Асуэль, на кото-

рых скакал в первых двух картинах; он выпустил книгу под названием «Лошадь прекрасна», в которой собраны сделанные им фотографии лошадей мира. «Если собака — друг человека, — говорит Вигго, — то лошадь — лучший друг киногероя». Прежде чем стать актером, Мортенсен был художником, поэтом, фотографом, пианистом, создал собственный издательский дом «Персеваль Пресс». Его мать американка, отец датчанин, он говорит на пяти языках, живет то в Южной Америке, то в Европе, сейчас облюбовал Новую Зеландию. Критики его все время с кем-то сравнивают: то с Джеймсом Дином, звездой пятидесятых, то с Керком Дугласом, то с Бартом Ланкастером, наконец, его объявили «наследником по прямой» Харрисона Форда. Сам же Мортенсен признается, что предпочитает актеров более утонченных и интеллектуальных: англичанина Дирка Богарда, например, или шведку Лив Ульман. Из американских коллег — Денниса Хоппера, с которым можно говорить о живописи, или Роберта Де Ниро, который обучил Вигго некоторым приемам, с помощью которых можно избежать разговоров о частной жизни. У Мортенсена нет дома телевизора, он не пьет ничего крепче аргентинского чая. Человек без недостатков обосновался в Голливуде?! Да, именно так, если не считать кожаного мешочка с табаком, которым он при вас набивает скрученные сигареты.

Продюсер, режиссер, исполнитель главной роли в фильме «Открытый простор» Кевин

Вигго
Мортенсен
в фильме
«Возвращение
короля»

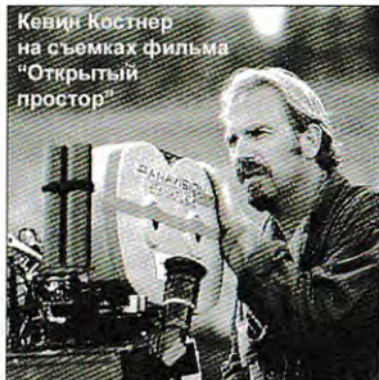
“Открытый простор”.
Кадр из фильма

Костнер, как и Вигго Мортенсен, отлично смотрится в седле, хотя со времен его блистательного режиссерского дебюта «Танцы с волками» прошло пятнадцать лет. И все эти годы Костнера не жаловали, его работы, как актерские, так и режиссерские, исправно ругали, причем нередко еще до выхода на экраны. Оставаясь звездой, он стал аутсайдером. Когда он задумал новый фильм, то деньги собрать уда-

лось с трудом. Большие студии отказались делать ставку на имя которое чаще возглавляет списки «самых провальных», «самых бесталанных», «самых безвкусных», на человека, который если и получал «награды» от критиков то такие, как «Клюква», «Лимон» «Тухлый помидор». Однако даже немногие инвесторы, что по верили в Костнера, накануне съемок забрали денежки, и Костнеру пришлось снимать на свои, не кровные. Может быть, именно поэтому фильм получился. Неброский, не масштабный (бюджет всего-то 22 миллиона) фильм рассказывает «камерную» историю мести трех человек. Дело происходит в 1882 году в небольшом городке на Дальнем Западе, где все живут по тем жестоким законам, которые установил здешний землевладелец Бакстер (Майкл Гэмбон) взимающий баснословную плату за проживание на его территории и за проезд через нее. Имен-

Кевин Костнер
на съемках фильма
“Открытый
простор”

но ему решают отомстить за смерть отказавшегося внести грабительскую плату друга ковбой Босс (Роберт Дювалль) и его ближайший друг Чарли (Кевин Костнер). Вестерн, что весьма необычно для фильмов этого жанра, снимался в Канаде, в окрестностях Калгари, известных своими пейзажами – горы и лес, не похожими на прерии. Сам Костнер признает, что снял «скромный» фильм, но при этом уверяет, что и не ставил перед собой иной задачи, что шел за литературой, а не за сложившейся в американском кино (в частности, в жанре вестерна) традиции «скорость и пальба». «Если бы я думал только о «кассе», я должен был бы пригласить на главную роль рэппера, а на роль его возлюбленной юную топ-модель». Костнер поступил иначе: он пригласил сорокапятилетнюю Аннетт Беннинг («Красота по-американски», «Опасные связи») и себя – накануне пятидесятилетия – ей в пару. Вообще о Костнере говорят, что он человек бескомпромиссный, немногословный, с печальным взглядом одиночки, как и положено быть настоящему ковбою. «В детстве, – говорит актер и режиссер, – я мечтал быть героем вестерна. И я счастлив, что теперь, когда я стал взрослым человеком, мечта эта осуществляется». В интервью итальянскому журналу «Ciak» Костнер сокрушается по поводу того, что вестерн перестал быть популярным жанром в Америке. Он объясняет это тем, что честный вестерн – это прежде всего признание в том, что история становления страны была жестокой, кровавой и бес-

пощадной к коренному населению, то есть к индейцам. «Но никто не хочет сегодня в этом признаваться, потому что история никого ничему не учит, и Америка вновь уничтожает чужую культуру, защищая свои нефтяные интересы». Заметьте, симптоматично, что люди, снимающие вестерны, проводят параллели с сегодняшним днем. Вестерн ставит проблему морального выбора, а это тема вне времени и пространства.

«Вечное сияние страсти» – такое красивое название фильму дала строчка из поэмы английского поэта начала XVIII века Александра Поупа. А вот чтобы ответить на вопрос, что сие означает и зачем понадобилось авторам так далеко искать название для их истории, вам непременно придется фильм посмотреть. Ключевая фигура в этом кинопроекте (новомодный расхожий синоним для слов «творчество», «искусство», «художественный фильм») Чарли Кауфман, сценарист, написавший сценарии к фильмам «Быть Джоном Малковичем» и «Адаптация». Кто видел, тот поймет: «Сияние...» – вещьца для тренированных мозгов. Определяя ее жанр, мне следовало бы к словам «романтическая комедия» добавить еще как минимум «фантастическая», «интеллектуальная». Именно поэтому прошу к пересказу сюжета отнестись, как к приблизительному. Итак, герой Джима Керри мультипликатор Джоэл Бэриш узнает, что его экс-подружка Клементина (Кейт Уинслет) решила стереть из памяти все воспоминания о нем. Для этого она обратилась

в соответствующую фирму под названием «Lacina Inc.». Тогда Джозл внедряется в ту же компанию, чтобы пройти через аналогичную процедуру. Но! Но в процессе «стирания» он вдруг передумал... Пожалуй, здесь остановимся. Как говорится, легче рассказать, чем снять. Французскому режиссеру Мишелю Гондри, дебютанту в большом кино, но далеко не новичку в жанре видеоклипа и рекламы, это удалось. Фильм уже окрестили «великим», Джима Керри – «непревзойденным», лучшим из лучших, а роль – вершиной его карьеры. Не поскупились критики и на комплименты Чарли Кауфману, большому любителю рассказывать истории о раздвоении личности, списанные с самого себя. Дебютант Мишель Гондри тоже у критиков в фаворе, они высоко оценивают его клипы для Бьорк, «Rolling Stones», «Radiohead» и др.,

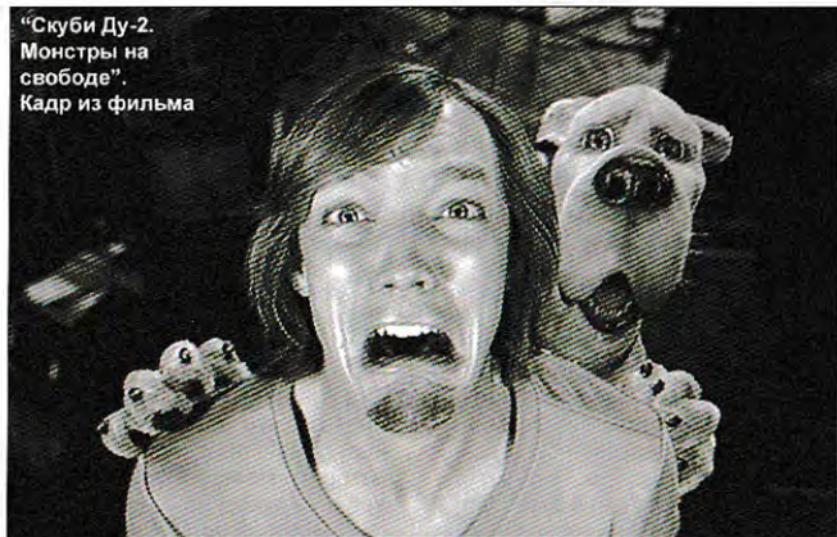
а также сравнивают с Тарковским и Аленом Рене. Один из нью-йоркских критиков так закончил свою рецензию: «Шедевр? Возможно. Остроумно? Абсолютно! Незабываемо? Посмотрим через десять лет». Я же советую не откладывать просмотр картины так надолго, а без промедления отправляться в кинотеатр или купить фильм на видео.

Еще одна комедия, но совсем другого рода – **«Скуби Ду-2: Монстры на свободе»**. В 2002 году вышел первый «Скуби Ду», снятый по мотивам знаменитых мультфильмов диснеевских аниматоров Ханны и Барберры. Им же, напомним, принадлежат еще более знаменитые мультяшкискороткометражки с Мики Маусом, которого изобрел сам Уолт Дисней еще на пороге карьеры. Но вернемся к Скуби Ду, приключения которого имели огромный коммерческий успех, а сам он

«Вечное сияние страсти». Кадр из фильма

“Скуби Ду-2.
Монстры на
свободе”.
Кадр из фильма

полюбился новому поколению, уже выбравшему пепси и кучу иных эрзацев. И вот обаятельный пес Скуби Ду вернулся в сиквеле с захватывающим воображение подзаголовком «Монстры на свободе». На этот раз команда «Mystery Inc.» должна остановить злодея и негодяя, который спустил с цепи Привидение с десяти тысячным вольтажом и заготовил кучу других мерзопакостей для городка Кулвилль. Скуби Ду, как и прежде, помогают его подружка Дафна (Сара-Мишель Геллар), Фред (Фредди Принц-мл.), Велма (Линда Карделлини) и Шагги (Мэттью Лиллард). Главного подозреваемого играет Сет Грин, а в роли постоянного репортера Алисия Сильверстоун. Оценки критиков неравнозначны и зависят, как мы неоднократно писали, от того, насколько каждый из них помнит себя ребенком. Есть крайне суровые: «Девяносто од-

на минута дешевых спецэффектов, призванных замаскировать отсутствие сюжета и рассчитанных исключительно на слабоумных пятилетних детей, которых он (фильм) при этом еще и оскорбляет». Другой кинокритик назвал приключения Скуби-Ду и его друзей «праздником спецэффектов, напоминающим поход в Диснейлэнд на тематический аттракцион»...

Список весенних комедий продолжает картина братьев Кознов, которые, как вы догадались, могли снять только «черную комедию», что они и сделали. **«Игры джентльменов»** опять римейк, на этот раз английской музыкальной комедии, снятой в 1955 году. Это обстоятельство породило грозный хор предостережений о том, что отход от собственного стиля «черной комедии» в сторону традиционного юмора, пусть даже английского, братьев погубит.

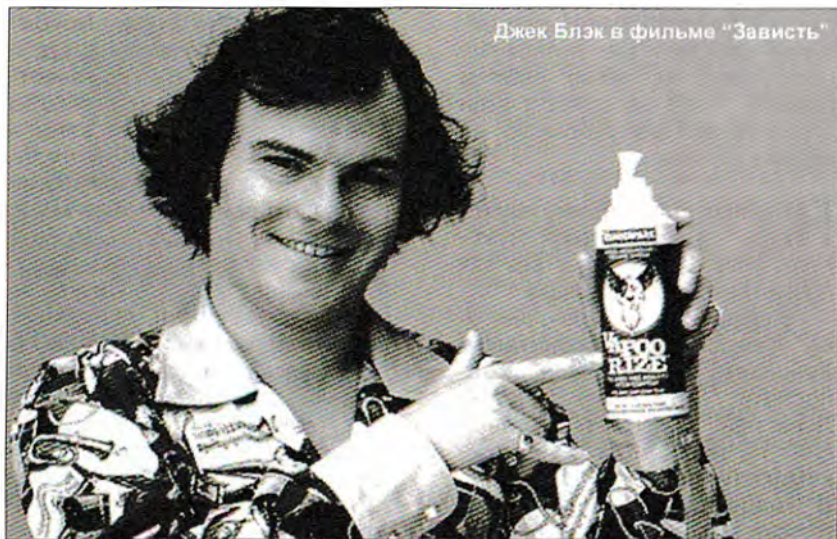
Кинорежиссеры
братья Козны

И что высокие сборы, за которые им надо благодарить Тома Хэнкса, не смогут искупить предательства в отношении самих себя и своей художественной самобытности. Думаю, все это преувеличение, тем более что оригинал был уже достаточно «черным». На самом деле картина должна понравиться всем: и тем, кто любит абсурд, и тем, кто предпочитает надирать животик, не прикладывая головки. Некий достопочтенный гос-

подин, музыкант, профессор Хиггинсон Дорр (Том Хэнкс) арендует комнату у тихой, застенчивой пожилой чернокожей леди. На самом же деле он главарь банды, которая готовится обчистить казино и отрабатывает свой план в подвале ее дома. Чтобы у леди не возникло подозрений, бандиты делают вид, что они музыкальная группа, занятая репетициями к предстоящему концерту. Но на поверку леди оказывается весьма проныцательной особой: почувствовав, что дело пахнет жареным, она совершает поступок, которого от нее никто не ждал. Уверена, картина вас по-настоящему позабавит, удовольствие возникает уже от одного того, как играет Том Хэнкс: он веселится с такой заразительностью, он буквально «купается в роли», он ведет свою партию с водевильным смаком.

"Игры джентльменов"

Продолжает комедийный хит-парад картина Барри Левинсона «**Зависть**» с Беном Стиллером и Джеком Блэком в главных ролях. Барри Левинсон поставил фильмы «Хвост виляет собакой», «Люди в черном»... Здесь можно было бы поставить точку, потому что все уже сказано, и желание пойти посмотреть его новую комедию должно возникнуть незамедлительно, как слюна у собачек Павлова при свете лампочки. Если вам этого мало, то, может быть, вас возбудит имя Бена Стиллера, одного из лучших американских комиков («Повстречаться с родителями», «Управление гневом», «Зуландер», «А вот и Полли»). В паре с ним Джек Блэк, недавно снявшийся в «Школе рока». Если и этого мало, то тогда придется рассказать сюжет, хотя рассказывать сюжеты комедий Левинсона дело неблагоприятное, ибо в них важно не столько «что»,

сколько «как». Как обыкновенное, ничем не примечательное событие превращается в настоящий абсурд. В жизни часто так бывает, а вот в кино очень редко удается маленькую историю превратить в большое кино. Итак, Бен Стиллер и Джек Блэк — соседи и друзья. Они славные ребята, хотя им никак не удается схватить удачу за хвост. Однажды на Джека снисходит озарение: создать спрей, который распыляет то, что собаки оставляют на улице в виде естественных отправлений или, если угодно, посланий. Он предлагает приятелю принять участие в деле на равных. Но Бен подымает его на смех и отказывается. Когда же к Джеку и его детичу приходит успех, Бен в буквальном смысле зеленеет от зависти. Ну вот, видите, в пересказе чушь, а на деле изощренная комедия настоящего мастера, в которой отменный

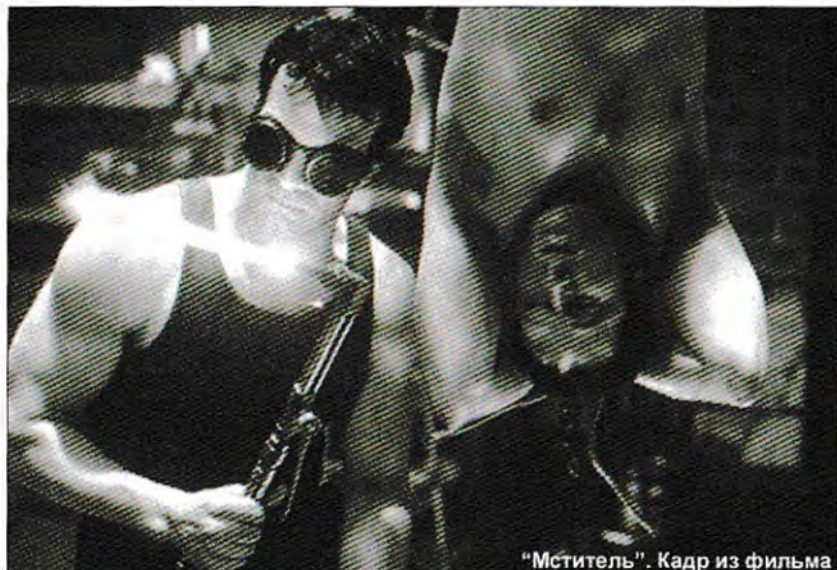
юмор и блистательная игра актеров заставят вас по-новому посмотреть на самих себя и оценить – что за страсти (или страстишки?!) вас раздирают на мелкие кусочки.

На финал одну картину «мужскую» – и другую тоже «мужскую». Или «женскую» – это как посмотреть. Но по порядку.

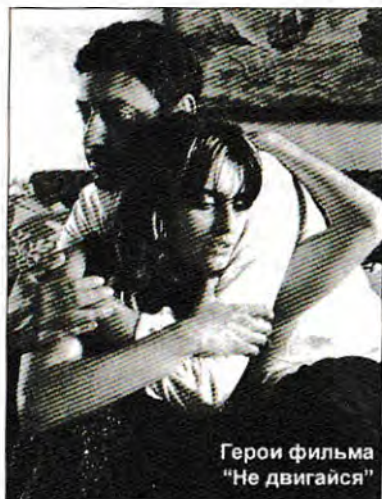
Боевику **«Мститель»**, снятому режиссером Джонатаном Хенслом, можно было предпослать эпиграф: «Дольф Лундгрэн отдыхает». Фильм снят по известным в Америке комиксам о злодее Марвине. В конце восьмидесятых ему бросал вызов Дольф Лундгрэн, теперь пришел черед Томаса Джейна. Томас Джейн играет агента ФБР Фрэнка Кастла, имеющего отменную физическую подготовку, он хороший парень и тренированный боец,

владеющий кулаком, мечом, современным оружием и т.д. и т.п. Все эти бойцовские качества ему необходимы, чтобы отомстить за убийство жены и ребенка. В кровавые похождения мстителя было вложено не так много денег, поэтому вы не увидите Фрэнка Кастла, прыгающего с небоскреба на небоскребу. Но авторов это ничуть не смущает. Напротив, они уверяют, что цель у них была совсем иная – сделать картину достоверную, вернувшись к основам классического рукопашного боя. В общем, все эти разговоры от лукавого. Если драчки в кино вам добавляют адреналина, то идите и смотрите.

Итальянский фильм **«Не двигайся»** – мелодрама, снятая Серджо Каstellито по роману, написанному его женой Маргарет Маццантини. В нем рассказана история преуспевающего

«Мститель». Кадр из фильма

Герои фильма
«Не двигайся»

хирурга, который однажды встретил девушку из низших слоев, бедную и жалкую проститутку. Ничего общего не было между ними: ее вулгарный макияж и отвратительная короткая юбчонка из тех, что открывают больше, чем скрывают, вызывали отвращение и брезгливость, да еще разница в возрасте: он был старше вдвое. И тем не менее случилось «что-то», «дала себя знать темная сторона, о которой мужчина до этого момента даже не подозревал» (так поясняет режиссер) – он не просто переспал с девушкой, он жестоко изнасиловал ее. Дальше было чувство вины, желание во что бы то ни стало искупить грех и... страсть из тех, что сродни наваждению, необъяснимая, но неодолимая. Роман получил главную национальную литературную премию, хотя и вызвал непримиримую дискуссию на тему – может ли женщина писать от лица мужчины да еще о таких

вещах, как «тайный звериный инстинкт»? Достаточно ли она для этого понимает его психологию, явные и скрытые мотивы? Я, например, уверена, что более чем достаточно. Серджо Кастеллито, муж своей жены, тоже считает, что женщина даже лучше понимает, потому что именно женщина становится жертвой мужской агрессии. Хотя, поспешно подчеркивает Кастеллито, – «ничего автобиографического в романе и в фильме нет». Позднее в своем интервью он будет объяснять, почему считает свой фильм «мужским»: «Это автобиография мужского психофизического устройства. Насиловывая проститутку, мой герой пытается уничтожить все то, что она собой являет, – грязь, уродство, нищету, все то, от чего он всю жизнь пытался бежать». Но преуспевающий хирург влюбляется в девушку, потому что обнаруживает за невежеством и вульгарностью робкую и хрупкую душу ребенка и поразительную способность любить самоотверженно. В роли героини Пенелопы Крус, не по-американски звездная, а по-европейски психологически тонкая актриса. Сама актриса признается, что роль Италии (так зовут героиню) ей очень близка: «Нет, меня не насиловали, но я происхожу из очень бедной семьи, моя мать была парикмахершей, отец торговцем, так что слова «на грани нищеты» мне знакомы не понаслышке».

Вот такое кино. Открывающее неожиданное в привычном. Как в жизни.

Елена НИКОЛАЕВА

История человечества полна поразительных предсказаний событий будущего. В каждую эпоху существовали люди, которые благодаря загадочному дару предвидения, неким невероятным «вторым зрением» могли проникнуть за горизонт времени и увидеть то, что ждет человечество в ближайшем или отдаленном будущем. Некоторые имена таких людей и ныне широко известны – к примеру, жившего в XVI веке во Франции Нострадамуса или почти нашей современницы болгарки Ванги. Имена других и их предсказания, казалось, навсегда погребены во тьме веков. Но вот происходит невероятное: согласно предсказанию, прозвучавшему тысячу лет назад, к человечеству возвращается одна из самых поразительных книг предсказаний – «Тайные протоколы» Иоганна из Иерусалима...

Сергей ДЕМКИН

ПРОРОК, УВИДЕВШИЙ НАШЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Этот пророк XI века весьма необычен. Хотя почти всю жизнь он прожил в Европе, но вошел в историю под именем Иоганна из Иерусалима. Причина проста: свою знаменитую книгу пророчеств, известную под названием «Тайные протоколы», он написал всего за три года, проведенных в Священном городе. Но главное в том, что, в отличие от большинства провидцев, Иоганн точно указывает временной период, к которым относятся его пророчества: «Когда придет тысячелетие за нынешним тысячелетием вослед». То есть имеется в виду третье тысячелетие, в которое недавно вступило человечество.

В старинных летописях об Иоганне из Иерусалима говорится очень скупо. Его называют «глазом и ухом, которыми видят и слышат силы Божьи», добавляя, что человек этот «может читать промысел небесный», будучи «самым святым среди святых» и «самым смелым среди смелых». Причем он также «знал тело Человека, Земли и Неба, мог следовать тропами, ведущими к тайнам этих миров». Следовательно, в повседневной жизни Иоганн, скорее всего, был врачом и одновременно астрологом и астрономом. И в этом отношении он является предшественником другого знаменитого пророка – Нострадамуса: помимо предсказаний, собранных в знаменитых книгах «Центурии», тот тоже лечил людей и наблюдал за небесными телами.

Родился будущий провидец предположительно в 1042 году. Произошло это возле монастыря бенедиктинцев в Везеле. Его родители направлялись туда помолиться у мощей Марии Магдалины, которые хранились в монастыре со дня его основания в 864 году. В тот же день новорожденного поднесли к раке с ее мощами, чтобы заручиться покровительством святой. И она определила жизнь Иоганна. Когда он подрос, то стал послушником, а затем монахом в этом монастыре, где постиг все тогдашние науки.

Хроники того времени не сообщают, чем позднее занимался монах. Известно только, что он не раз бывал в Италии, дошел до Рима и несколько месяцев или даже лет жил там. Потом отправился в Византию, где выучил греческий язык, чтобы познакомиться с текстами античных философов и историков. В некоторых источниках говорится, что любознательный странствующий монах добрался даже до Средней Азии.

В 1117 году, когда Иоганн был уже в преклонном возрасте, провидение привело его на Святую землю, в Палестину, отвоеванную крестоносцами у сельджуков. В то время Иерусалим являлся одним из символических центров

тогдашнего мира, колыбелью религий. Там Иоганн изучает иудейскую каббалу, таинства арабской алгебры и значений цифр. Но самым главным стало то, что ученый монах-бенедиктинец был принят в узкий круг посвященных – иудейских раввинов, мусульманских мудрецов и мастеров-гностиков, которые делились друг с другом тайнами Познания.

И все-таки можно полагать, что великий прорицатель почерпнул знание о будущем из первоисточника – от Всевышнего, который открыл его Иоганну из Иерусалима. В одной из рукописей говорится, что он часто уходил в пустыню, чтобы размышлять, молиться и медитировать. «Он был там, где небо встречается с землей» – так описывается происходившее с ним. Сегодня можно утверждать, что пророк входил в измененное состояние сознания, в котором получал доступ в глобальное информационное поле. Неизвестно, черпал ли он оттуда сведения о ближайшем будущем и соответственно делал ли предсказания о текущих событиях. Но то, что ему открылось третье тысячелетие, бесспорно.

Свои пророчества Иоганн изложил в «Тайных протоколах», которые закончил незадолго до своей кончины. Он умер, вероятно, в 1119 или 1120 году, если исходить из того, что родился в 1042 году. В хронике об этом говорится так: «Его призвал Господь, когда он дважды был отмечен цифрой печати». «Цифрой печати» считалась цифра 7, которой в христианстве придается символическое значение. Следовательно, ему было 77 лет. Столь долгая жизнь была отпущена провидцу, чтобы он смог должным образом подготовить себя к познанию Великой Тайны и оставить далеким потомкам предупреждение Всевышнего.

Предполагается, что Иоганн шесть раз сам переписывал рукопись своей книги пророчеств. Три списка он доверил великому магистру ордена тамплиеров, в создании которого принимал активное участие. Четыре других оставил у себя, чтобы через посвященных передать их тем мудрецам, кто будет искать дорогу к таинствам будущего. И не напрасно. Например, известно, что другой знаменитый провидец, Мишель Нострадамус, познакомился с «Тайными протоколами», когда работал над своими «Центуриями», опубликованными в 1550 году. Исследователи, сравнивавшие оба текста, пришли к выводу, что Нострадамус во многом он исходил из пророчеств Иоганна из Иерусалима, опередившего его на три с лишним столетия.

Судьба семи экземпляров «Тайных протоколов» сложилась по-разному. Некоторые из них были безвозвратно утеряны. Другие иногда исчезали на целые столетия, преж-

де чем внезапно появиться вновь в совершенно неожиданных местах. Один из них был привезен в Рим святым Бернаром и, скорее всего, до сих пор находится в архивах Ватикана.

Выяснить судьбу всех экземпляров книги невозможно. Те, в чьи руки они попадали позднее, не могли оценить огромную важность содержащихся в ней пророчеств, поскольку они относились к слишком далекому будущему. Поэтому рукописи не очень-то берегли. Впрочем, по преданию, сам Иоганн предсказывал, что, когда придет время, книга пророчеств внезапно возникнет из глубины веков, во тьме которых окажется погребенным его имя.

Это предсказание сбылось, словно по волшебству. Вот что произошло с седьмым экземпляром рукописи, копия которой после войны была обнаружена в бункере Гитлера. В 1941 году после оккупации Польши его нашли в Варшаве в библиотеке иудейской общины и отправили в Берлин. Там по личному указанию рейхсфюрера СС Генриха Гимлера «Тайные протоколы» передали для изучения специалистам по средневековой истории, а затем он лично вручил перевод рукописи фюреру, который намеревался создать «тысячелетний рейх». Но тот сказал, что «не нуждается в подсказках».

В числе других трофейных документов «Протоколы» были вывезены в СССР и попали в архивы КГБ. В связи с его реформированием во время перестройки в числе других религиозных книг бесценная рукопись была передана «по принадлежности», предана огласке, благодаря чему пророчества Иоганна из Иерусалима всплыли как раз с приходом третьего тысячелетия.

Когда читаешь предсказания, сделанные в такой глубокой древности, что нам, живущим в двадцать первом веке, ее трудно себе даже представить, поражает вполне современный научный подход средневекового монаха к очень далекому будущему. Сразу видно: для пророка оно не плод фантазии или полета мысли, а нечто вполне конкретное и доступное. Причем, как и надлежит серьезному исследователю, он рассматривает его со всех сторон.

Весьма характерно и то, как Иоганн из Иерусалима излагает свои пророчества. Он предвидит, что достоверность его прогноза на столь длительный срок — целое тысячелетие! — неизбежно вызовет сомнение, если не привести факты, которые будут известны тем, кому доведется жить в то время. Поэтому «Тайные протоколы» начинаются с подробного описания, каким вступит человечество в XXI век. Затем пророк подробно перечисляет проблемы и опасности, с которыми предстоит столкнуться нашему миру. Он уверен, что люди

должны будут, пусть не сразу, осознать их, и хочет, чтобы это произошло как можно быстрее.

Девять столетий – почти целое тысячелетие! – прошедших с тех пор, когда монаху-провидцу открылось будущее всех нас, его далеких потомков, – огромный период в истории человечества. За это время должен был неузнаваемо измениться мир, в котором оно живет. Чтобы не возникло путаницы, к какой именно эпохе относятся пророчества, каждое из них начинается с уточнения на сей счет. Вначале оно выглядит так: «Когда придет тысячелетье за нынешним тысячелетием вослед», а затем Иоганн говорит: «Когда придет к концу тысячелетье, пришедшее за нынешним вослед».

Первое, о чем идет речь в «Тайных протоколах», – это общественно-политическая обстановка в мире в XXI веке и ее грядущие изменения.

«Добавятся континенты в конце безграничного моря, за Геркулесовыми колоннами, которые не мог назвать в своих мечтах великий Геродот, и по ту сторону больших лесов, о которых говорил Тацит», – так предсказывает Иоганн открытие Америки и заселение не известной в его время азиатской части России.

«Тысяча лет пройдет с того времени, в котором мы живем, и поместья объединяться всюду в большие государства и огромные империи», – продолжают провидец. Однако это сулит человечеству огромными бедами:

*«Без веры править будут господа,
безвинным немощным народом помыкая.
Они лицо свое сокроют и скроют имена...
И участь каждого и всех они решать возьмутся.
Но никого чужого с собой не позовут в собрание,
чтобы решать порядок мироздания».*

Дальше в своих пророчествах Иоганн еще не раз возвращается к будущему несправедливому социальному устройству:

*«Имеющие власть наделят лучшие захватят
и самых лучших женщин,
а бедные и слабые – как скот.
Их хижины убогие тюрьмою станут им,
и страх, как яд, засядет в каждом сердце, его сжирая».*

Причем в этой связи пророк предсказывает угрозу появления тоталитаризма:

*«Возникнет темный и секретный порядок уложений,
в котором ненависть законом будет основным,
а яд – оружием».*

*Ему потребна будет власть на всей земле.
И мира сильные сего на службе будут у него.
Закон единственный порядок тот признает,
который сам украдкой сочинит.
И мир пойдет вперед со скорпионом
под стелькой башмака».*

В пророчествах названа и вторая опасность, грозящая человечеству. Это – глобальный терроризм:

*«И в каждом городе огонь всполыхнет,
и будут повсюду Содом и Гоморра».*

Поразительно, но почти за тысячу лет до наших дней пророк предвидел, что кровавый беспредел начнут исламские фанатики во главе с Бен Ладеном:

*«Придет Мессия ложный, неся оружие с собой,
сплотит вокруг себя слепых.
Как прежде никогда
он будет говорить о справедливости и праве.
И жаркая вера Неверного будет разящей,
а мстить он будет за крестовые походы».*

Причем достоверность этим мрачным прогнозам придает то, что Иоганн из Иерусалима довольно точно предсказал огромные научные и технические успехи человечества к началу XXI века:

*«И землю, и море, и небо заселит собой человек.
И будет рваться к власти, равной Богу,
не зная никаких границ».*

В других пророчествах он конкретизирует некоторые нынешние достижения. Например, радио и Интернет:

*«Все будут знать,
что в разных уголках творится».*

Или УЗИ и искусственную беременность:

*«Они хотят, как всадник, жизнью управлять
и выбирать дитя еще в утробах женщин».*

Предсказывает пересадку человеческих органов и даже криминальную торговлю ими:

«Цена человека – не больше, чем весит,

*он весь целиком на продажу,
как фунт задней части свиньи.
Кто ухо возьмет, кто сердце захочет,
ничто не останется свято тогда.
Споры пойдут и за кровь, и за брненное тело,
будто стервятники падаль делить собрались».*

Сюда же можно добавить и сбывшееся пророчество о том, что половые отношения представителей сексуальных меньшинств будут наказаны появлением СПИДа:

*«Мужчина захочет мужчину,
а женщина подругу вожделеет.
И кровь их станет нечистой,
и зло поползет от кровати к кровати.
Гримасы застынут на лицах,
недуги скрывают тела».*

В итоге пророк предрекает, что из-за стремления к безудержному техническому прогрессу человечество ждет крах:

*«Человек помчится, как лошадь слепая.
Но кончится все для него в одночасье:
ударами шпор он загонит коня в лес непролазный,
за которым в конце пути только пропасть».*

Прежде всего, это будет непоправимый ущерб, наносимый человеком природе:

*«Голова его будет тяжелой от знаний,
но не поймет, зачем живет и гибнет.
Как Прометей слепой, крушить
он станет все вокруг себя.
В душе же карликом он будет оставаться.
Но с силой великана шагать вперед
шагами великана,
Не ведая, который выбрать путь.
Он будет, как помешанный, размахивать руками
И, как ребенок, жалобно пищать».*

В результате человечество столкнется с экологическими бедами и катастрофическими последствиями природных катаклизмов:

*«Во многих тех местах, где землю сотрясает,
все города погибнут, уйдя под землю.
Все, что без совета мудрых построено когда-то, –
все будет снесено.*

*Ил с грязью погребет селенья,
Земля разверзнется под новыми дворцами.
Но человек, гордыней одержимый,
упрям и твердолоб».*

В частности, пророк предупреждает о грядущем глобальном потеплении из-за ущерба, нанесенного озоновому слою атмосферы:

*«Луч Солнца опалит всю Землю,
и воздух не сможет больше от огня его
укрыть людей.
Останется лишь только занавес дырявый,
и свет сжигающий разъест глаза и кожу».*

А также об опасности генной инженерии и клонирования применительно к людям:

*«Человек будет волен сделать все сущее так,
как он хочет.
Но кем, законы жизни изменив, он станет,
смешавший существо живое в комочек глины?
Дитем ли Бога и ему подобным
или отродьем черта?»*

Все это приведет к печальному концу:

*«По всей земле вознесутся
вавилонские башни,
и это будет Рим и Византия.
А вот поля охватит запустенье,
и хлеба не хватит на всех.
И люди, не имеющие завтра,
устроят на земле большой пожар».*

Причем пророк предсказывает, что все эти беды превратятся в катастрофу из-за перенаселения земного шара:

*«И будут столь многочисленны люди на свете,
что их уподобим куче муравьиной.
Толпой пойдут они от места к месту.
Останется им одно лишь лечение -
начать всеобщую войну.
И вот тогда наступит время варварской орды».*

В журнальной публикации нет места, чтобы привести все удивительно точные пророчества Иоганна из Иерусалима. Хотя его прогноз на начало нынешнего тысячелетия выг-

лядит довольно мрачно, зато конец будет торжеством возродившегося человечества:

*«Откроют люди, наконец, глаза
и понимать начнут друг друга.
Телом единым станут они:
каждый – крохотной частью его,
все вместе его будут сердцем.
Родится нечто новое – Великий Человек».*

Пророк предсказывает великие научные открытия, которые будут сделаны этим новым человеком:

*«Познает он дух всех вещей:
познает камень, воду и живого сущность,
и взгляд другого человека,
проникнув в тайны бытия.
И станет раскрывать он дверь за дверью
в бескрайнем лабиринте новой жизни.
Творцом он будет мощным и неукротимым,
людей он всех одарит знанием,
и тело его найдет совершенство».*

Причем человечество совершит прорыв не только в познании, но и в освоении окружающего его мира:

*«Он станет господином вод,
построит города в морских пучинах,
кормящиеся их плодами.
Он будет жить во всех местах большого государства,
и будет все позволено ему».*

Не забыл гениальный пророк и о космосе:

*«Человек одолеет бездонное небо,
отправится в путь свой в блестящем корабле,
как новый Одиссей, друг солнца,
в одиссею небесную свою».*

В новом обществе будущего исчезнут беды и пороки ныне существующего:

*«И каждый будет жить с другими в унисон,
все будет знать о мире и о теле,
лечить болезни до их появления.
Поймет, что нужно помогать другим,
чтобы идти вперед всем вместе».*

*И после времени, где царила скупость,
откроет он и сердце, и карман для неимущих».*

Больше того – у Иоганна из Иерусалима есть пророчество, в котором говорится об изменении самой физической сущности человека, его организма:

*«Тело его обновится совсем:
люди научатся плыть под волнами,
рыбами станут большими.
Другие будут летать выше птиц,
умев не падать, как камень, на землю.
Общаться станут друг с другом,
открывши дух свой для всех,
так что посланья других можно будет принять.
И жить будут так долго, как самый старый из людей,
о ком в писании Священном говорится».*

Предсказывает пророк и восстановление природной среды в новом тысячелетии:

*«Леса зарастут и станут лесами.
Пустыни оросятся водою, вновь обретшей свою чистоту.
Земля станет садом, а человек в нем почитит все живое.
Начнет он чистить все, что сам же и испортил,
и будет мудро думать о грядущем дне».*

Нельзя не привести и одно неожиданное для нас, ныне живущих, пророчество, которому придется поверить:

*«Мужчина утратит безраздельное царство,
с ним рядом женщина поднимет скипетр
и станет госпожою будущих времен.
Задумав нечто, она мужчин подвигнет сотворить
и будет матерью того тысячелетия,
пришедшего за нынешним вослед».*

В заключение Иоганн из Иерусалима делает еще одно важное оптимистическое пророчество:

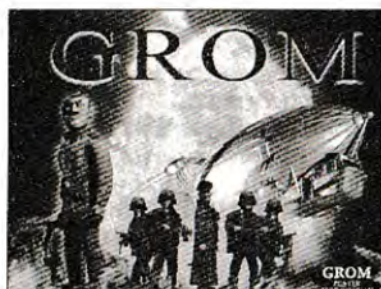
*«Построит человек на небе, на земле и в море города.
Но память его сохранит, что с ним когда-то случилось.
И он будет знать, что дальше с ним будет.
Не станет бояться собственной смерти,
ибо жизнь его будет несколько жизней.
И он будет знать, что свет никогда не погаснет».*

Очень хочется верить, что эти предсказания – сбудутся.

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА,

или

ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

GROM

Требования к оборудованию:

Процессор Pentium II 350 МГц

Оперативная память 128 Мб

12-скоростной CD-ROM

Свободное пространство на
диске 800 Мб

Видеокарта с 3D-ускорителем

и ОЗУ 32 Мб

DirectX 7.0

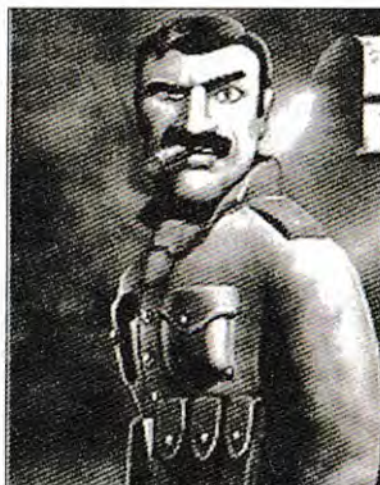
Управление – мышь

Windows 95/98/2000/XP

Если вы еще не курсе, где на самом деле происходили самые главные сражения Второй мировой войны, если вы не знаете, что в 1942 году Тибет становится самой горячей точкой планеты, что именно там решается исход Второй мировой войны, то советуем вам обратить внимание на игру польской компании «Rebelmind» под названием

«Grom». В это трудно поверить, но по прихоти разработчиков этой игры в 1942 году на Тибете происходят события, определяющие дальнейшую судьбу всего человечества.

Монахи в оранжевых одеяниях, древние храмы, тайные знания тибетских старцев – и все это на фоне прекрасных горных ландшафтов. Именно сюда и попадает наш главный персонаж полковник Гром. Он и будет главным действующим лицом игры. Именно действующим лицом, а не героем. Потому, что героем его назвать нельзя. Ведь на Тибет-то он и отправляется именно

для того чтобы, спрятаться от войны.

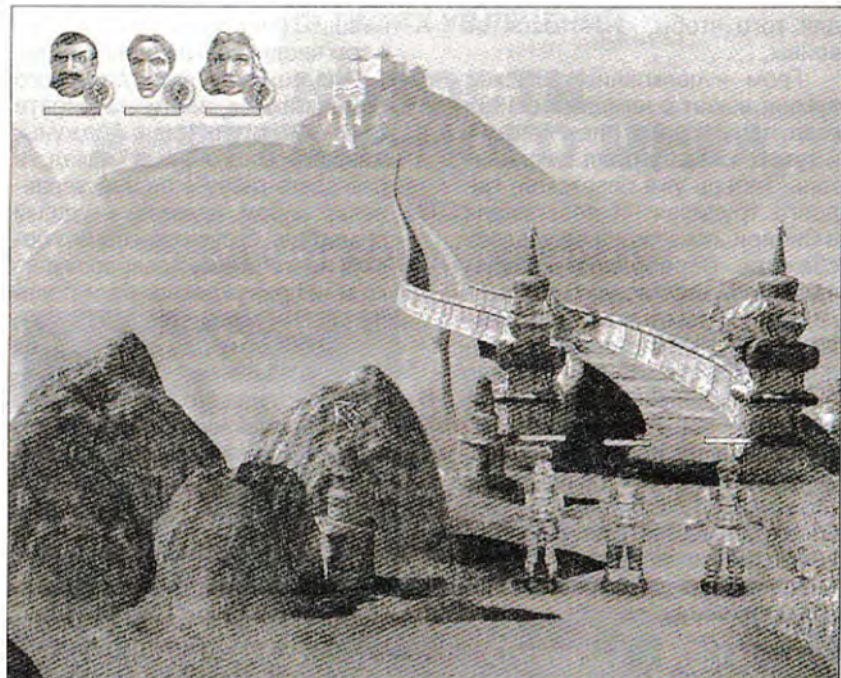
Гром – полковник польской армии, воюет с немцами с 1939 года, попал к ним в плен, бежал – и тут же снова угодил в концлагерь, теперь уже советский, где долго трудился на лесоповале в Сибири, пока снова не удалось сбежать. Перебрался в Центральную Азию, воевать больше не хочет. Гром в компании чеха по имени Петр мотается по горам, по долам, забывая бакшиш на охране караванов и приторговывая чем придется.

Однако на дворе уже конец 1942 года, и война в самом разгаре. Озабоченное неудачей блицкрига на Восточном фронте, немецкое командование всю ведет работы по разработке но-

вейших способов вооружения, в том числе и нетрадиционного.

Немецкие ученые уже много лет пытаются найти на Тибете древний город царя Арджуны, жившего много веков назад, и разгадать тайну его силы управления миром. Арджуна – мудрый правитель, был угоден самим богам, и, чтобы ему правилось легко и непринужденно, боги подарили ему священное оружие. После смерти Арджуны, чтобы не допустить несчастья с человечеством, оружие это было спрятано в горах, дабы непосвященные не смогли им воспользоваться. Таинственный Затерянный город царя Арджуны, надежно укрытый за древними перевалами, хранит страшную тайну: каждое из двенадцати мистических орудий, ос-

тавленных человечеству богами, может в мгновение ока стереть с лица Земли любой из мегаполисов. Собранные же воедино, загадочные артефакты составят силу, равной которой нет на планете и которая может уничтожить половину человечества.

И вот на Тибет отправляется целая экспедиция. Командованием Вермахта создано новое уникальное подразделение, в состав которого входят как ученые, изучающие историю Тибета, так специально подготовленные для ведения боевых действий на Тибете солдаты и генералы. Только представьте себе, что почувствовал полковник Гром, когда в тибетском небе повис дирижабль со свастикой на обшивке.

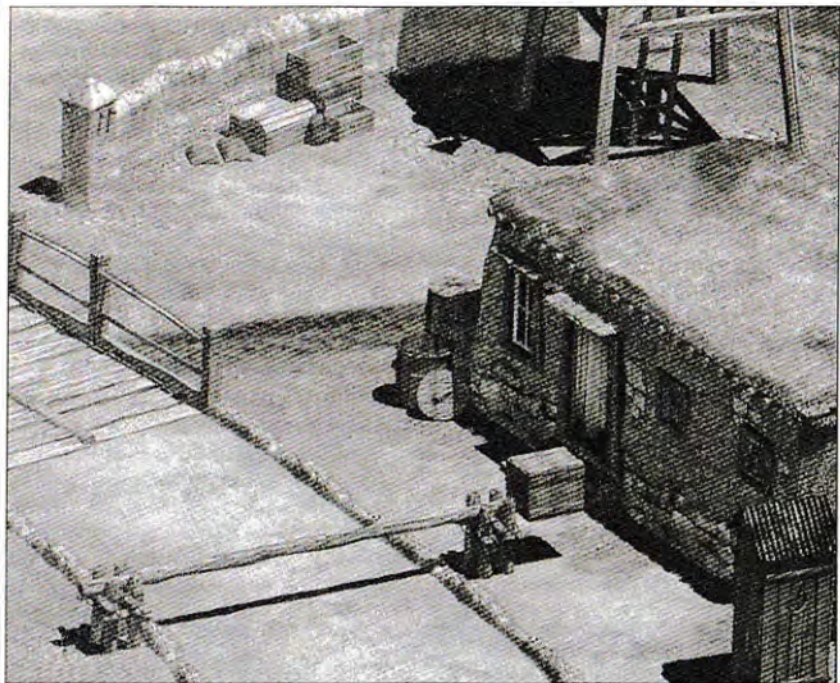
«Grom» – ролевая приключенческая игра с тактическими боями в реальном времени. Возглавьте отряд полковника Грома, пройдите Дорогой Древних, преодолите все препятствия и уничтожьте экспедицию нацистов, стремящихся во что бы то ни стало найти древнее оружие богов. И вам не придется пожалеть о зря потерянном времени. Сюжет игры развивается в духе спилберговского Индианы Джонса. Во время своих путешествий Гром и его спутники окупнутся в круговерт стандартного псевдоисторического сценария, где тесно сплетаются мистика и реальность, сумасшедшие ученые и летающие тарелки, потусторонние силы и совсем не мирные йети.

В игре «Grom» объединены три жанра – это и стратегия, где лучший способ выживания – быстрое и точное перемещение мышки от врага к врагу, это и ролевая игра, где у героев есть только один параметр – владение оружием, и, наконец, это боевик, где на каждые десять минут действия приходится час раздумий и планирования. Причем все эти жанры таким образом переплетены друг с другом, что зачастую трудно понять, где начинается один жанр и заканчивается другой.

Хотя разработчики и клянутся, что их детище предназначено для «усредненного» пользователя, а не продвинутых геймеров, – не верьте! Чтобы пройти игру, вам потребуется минимум часов

двадцать-тридцать, и то если повезет. Правда, такая протяженность обеспечивается за счет включения в процесс игры огромного количества стычек. Большую же часть времени Гром с соратниками шатается по различным локациям и собирают всевозможное барахло – оружие, еду, золото и боеприпасы, постепенно продвигаясь по сюжетной прямой. Однако нелинейность сюжета отсутствует, и у вас не будет никакой возможности отклониться от выбранного разработчиками пути. Но разнообразность встречаемых на пути персон полностью искупает этот недостаток. На пути Грома будет более сорока персонажей с проработанными характерами и особенностями. Некоторые из

них пополняют ряды вашей команды. В том числе и очень интересная дама, которая сделает вам сюрприз ближе к концу игры. Также у вас будет и друг – повелитель демонов. Состав спутников постоянно перемешивается – одни друзья уходят, другие приходят, иногда целыми пачками. Бывает, главного героя сопровождают сразу четыре его приятеля, но порой грязную работу приходится выполнять в одиночку.

Главной же особенностью игры, её «фишкой» являются самые непредсказуемые задания. То вам одержимому духом придется ходить по храму, как сумасшедшему, и собирать священные огни. То вы будете летать в какой-то тарелке и

стараться прикончить зомби. Разработчики даже позволяют вам поручить немецким джи-пом. И всё это с помощью мышки. А какие уровни вас ждут! Вам приготовлено около сотни игровых локаций, и не одна не повторяет другую. Разработчики нашли множество дизайнерских решений по созданию уровней. Чего только стоит вершина горы, покрытая снегом, с видом на другие горы, или мост, ведущий к Храму великих монахов, или долина Тысячи глаз!

Еще одной приятной неожиданностью оказался эпический саундтрек. Следуя моде последних лет, музыка динамически изменяется – в бою нас подбадривают марши, а в мирное время

слух ублажают разнообразные чарующие мелодии.

Самая внушительная часть игры «Grom» – это сражения. В роли основных противников выступают, конечно же, нацисты, но, помимо них, достанется и демонам, и йети, и тибетским бандитами. Сражения происходят в реальном времени и, в принципе, не отличаются разнообразием. Несмотря на довольно солидный доступный арсенал, выбор на первых порах практически всегда останавливается на винтовке и мушкетоне образца XVI века. Винтовка характеризуется приличной дальностью стрельбы, а мушкетон – вообще лучший вариант для тесного контакта. Если удастся подобраться к цели на расстояние вытянутой руки, то выстрел в упор завалит и человека и демона. Правда, железные создания типа роботов и пауков могут потребовать чуть больше зарядов. Каждый персонаж в игре специализируется по разным видам оружия, со временем навыки владения оружием будут возрастать в зависимости от того, каким оружием вы пользуетесь.

Ну а в рюкзаках лучше хранить побольше аптекчек и магических оздоровительных камешков. Последние, будучи положены на землю, неопределенно долгое время лечат любого, кто окажется в радиусе их действия. Поэтому тактика «один персонаж, не сходя с места, опекает булжжик» в итоге становится жизненно важной. Пусть он ничего не делает, зато другие всегда смогут подбежать к «аптечке» и залечить раны абсолютно бесплатно. Есть и средство разрядки

после сложных боев – небольшие простенькие пазлы, встречающиеся в отдельных локациях. Дают покататься на машинах, полетать на летающих тарелках, получить советы оракула. Все это не только украшает игру, но и, кроме того, именно эти вставки дают возможность отдохнуть от постоянных стычек.

Элемент торговли в игре представлен довольно слабо. Мест, где что-нибудь продается, катастрофически мало, а предметов для продажи – еще меньше. Деньги, по сути, играют какую-то роль только поначалу. В самом начале игры постарайтесь сколотить хоть какой-нибудь капитал в три-четыре тысячи золотых, чтобы впоследствии не испытывать недостатка в патронах и дробин, – шанс добыть монетку-другую в конце игры практически падает до нуля. Однако есть еще одна интересная особенность. В игре имеется функция торга. У вас и у продавца есть определенная колода карт, на которых изображены разные действия и эмоции: угроза, мольба, игнорирование. Вы поочередно кладете карты, и в зависимости от того, правильную карту вы положили в данный момент или нет, цена покупки будет падать или возрастать.

В общем и целом, игра получилась очень симпатичной и интересной. И сюжетом вышла и гемплеем. Русская озвучка от компании «Nival» тоже удалась: каждый голос точно подходит к каждому персонажу.

Приятного вам путешествия по Тибету!

Наталья ЯКОВЛЕВА

МОЗАИКА

ГОЛЛИВУДСКАЯ УЛЫБКА

Термин «голливудская улыбка» уже давно стал нарицательным – неописуемой красоты ровные белоснежные жемчужные зубы. Каждому нравится и каждому кажется, что это недостижимо – мол, одного природа наградила, у других отобрала. Понурые, но необходимые хождения к стоматологам оптимизма не добавляют. Но что же тут поделать – не повезло...

А оказывается, американские и финские врачи провели совместное исследование в одном из государств Центральной Америки, которое длилось три года и заключалось в следующем: ученики в школе регулярно получали жвачку с ксилитом. Напомню, что ксилит (или ксилитол) получают из березы и он является сахарозаменителем. Так вот, чем дольше такая жвачка находится во рту, тем это полезнее для зубов – уменьшается вредный налет, а эмаль укрепляется. Кроме того, усиливается иммунитет полости рта. В результате кальция в слюне становится больше, а стрептококков, способствующих появлению кариеса, меньше.

После того как врачи сравнили тех ребят, которые исправно жевали жвачку после каждой еды, с теми, которые по незнанию этого не делали, выяснилось, что у первых гораздо меньше зубов, поврежденных кариесом.

Стоит заметить, что в Финляндии такой способ борьбы с зубными болезнями взяли на вооружение еще в семидесятых годах, и для финнов такая жвачка является столь же необходимым и обязательным атрибутом, как для некоторых зубочистка.

С другой стороны, китайцы, будучи по природе своей традиционалистами, не склонны доверять всяким новоявленным европейским жвачкам и предпочитают действовать старым китайским способом, используя раздельное питание (ни в коем случае картошку с мясом), отказавшись от хлеба (только рис, чечевица, кукуруза) и ограничив в своем пищевом рационе потребление углеводов. Что и позволяет им до самой старости сохранять полные рты своих собственных белоснежных зубов и, между прочим, еще гибкость позвоночника.

Конечно, девяностолетняя москвичка Софья Григорьевна Святина ничего не слышала ни о древних китайских традициях, ни о новейших европейских и американских исследованиях. Но у нее в ее столь преклонном возрасте неожиданно начали расти новые зубы. Стоматологи для порядка удивились, но не очень. Оказывается, им знакомы такие случаи, когда природа заложила избыточное количество зубных зародышей, которые могут начать расти в любом возрасте. А Софью Григорьевну вообще удивить чем-нибудь трудно. Ведь она прошла всю войну, с первых до последних

дней была разведчицей и за ее здоровье поднимал бокал сам маршал Рокоссовский...

Если же вы предпочитаете жить по старинке, есть что ни попадя, а потом даже не зажевывать это ксилитовой жвачкой, то вам прямая дорога к стоматологу. И хотя бы это следует делать регулярно. Кстати, знаете ли вы, что лучше всего посещать зубного врача во второй половине дня? На этом настаивает французский медик Ален Рейнберг, написавший книгу «Биологические ритмы». Он также убежден, что лекарства тоже действуют по-разному в разное время — одни предпочтительнее принимать утром, другие исключительно вечером. К последним относится, например, аспирин — в вечернее время слабее проявляется его побочное действие на желудок. А вот спортом, оказывается, не рекомендуется заниматься по утрам, потому что во второй половине дня организм гораздо лучше подготовлен к физическим упражнениям. И, между прочим, в отпуск лучше уходить зимой, потому что в это время человек больше, чем в любое другое, нуждается в отдыхе.

ВОР ВОРУ РОЗНЬ

Очевидно, два несовершеннолетних жителя Новгорода не знали, что человека, нашедшего непотерянные вещи, называют вором. Иначе вряд ли они по доброй воле устремились бы на так называемое Рюриково городище на берегу Волхова и начали бы там по собственному почину осваивать профессию археологов. В чем, кстати, немало преуспели. Едва приступив к раскопкам, молодые люди наткнулись на самые разнообразные предметы, представляющие немалую историческую ценность, — браслеты, украшения, монеты. Правда, не успев отдать должное своим находкам, они были взяты с поличным. По-видимому, судьба отвернулась от горе-копателей, несмотря на то, что прежде была к ним более благосклонна. Однажды они отыскали всамделишную печать од-

ного из сыновей Александра Невского и сделали с ее помощью свой маленький бизнес — продали за пятьдесят долларов. Но денюжки так и не потратили. Обдумывать, на какие нужды можно было эту сумму израсходовать, им пришлось уже в отделении милиции.

Еще более серьезным «бизнесом» заняты многочисленные подростки — наши соотечественники — за пределами родины. Например, в славном немецком городе Кёльне была задержана долго неуловимая «преступная группа», состоящая из трех пацанов десяти-двенадцати лет, выходцев с бывшего советского Кавказа. Их поимка позволила сократить число квартирных краж в городе почти вдвое. После непродолжительных, но содержательных бесед с ними выяснилось, что за плечами тинэйд-

жеров как минимум триста взломов. Кроме этих «акул преступного мира», дотошными немецкими полицейскими были пойманы почти три сотни «мелких рыбешек» — карманников. Один из них,

девятилетний мазурик, авторитетно заявил германскому блюстителю порядка по-русски: «Ты работаешь полицейским, а я — жуликом». Впрочем, эта мудрая мысль мало ему помогла...

ЛУЧШЕ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ И БОГАТЫМ

Если считать, что миллионеры — это ударники капиталистического труда, то в этом смысле можно порадоваться за трудовую Индию. И хотя американский журнал «Форбс», ведущий подсчет капитала самых богатых людей мира, не включил в свои списки всех индийских супермиллионеров, сами они-то знают, что Индию богачами не удивишь. Имена нескольких украшают списки «Клуба миллиардеров». Среди самых известных — семейство промышленного магната Бирлы, совместный капитал которых был оценен в два миллиарда долларов. Чуть-чуть уступают им пятеро братьев Моды, владеющие знаменитой электронной компанией «Моди Оливетти», авиационной «Моди Люфт» и многими другими. Миллиардер Амбани со своими двумя сыновьями известен меньше, но их нынешнее состояние в полтора миллиарда долларов позволяет им чувствовать себя вполне сносно. Тем более если иметь в виду, что полтора года назад оно составляло всего лишь двести миллионов долларов. А кто знает, какими баснословными фамильными богатствами располагают, хотя и бывшие, но многочисленные индийские раджи и махараджи? Эти здравомыслящие люди предпочитают не афишировать свои сокровища, дабы не нарушить добрых отношений с налоговой полицией.

Но можно не сомневаться, что они могут позволить себе многие прихоти, в том числе и купания в золотых ваннах. Тем более что такая процедура должна проводиться вовсе не прихоти ради, а по соображениям оздоровительным. Говорят, что пять минут купания в золоте продлевают жизнь на год. Правда, так говорят в Японии, а, как известно, японцы зря говорить не будут. Поэтому в японском городе Накадзае еще сто лет назад установили на всеобщее обозрение ванну из чистого золота. С тех пор ее сдают желающим, которые выкупают право на пятиминутное купание в ней. Очередям нет конца, и ценам нет предела.

Если, узнав об этом безобразии, вы расстроились и впали в стрессовое состояние — смело можете поплакать. Не бойтесь своих слез, оказывается, плакать очень полезно. Американские биохимики доказали, что слезы прекрасно выводят вредные токсины, образующиеся в организме при стрессе. Прекрасно действуют в этом смысле слезы, пролитые во время просмотра «мыльных опер». И особенно здорово вы себя почувствуете, если начнете рыдать, назло японцам, в своей любимой чугунной ванне.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Идя навстречу вашим просьбам, мы решили организовать подписку на наш журнал непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться бандеролью.

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера журнала вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим ваш заказ не позднее 5-го числа подписного месяца.

Стоимость одного номера с пересылкой – 45 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 407028104000000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 407028104000000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2004 год на следующие номера:

7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

ИЩУ ДРУГА

Катя, с письма которой мы решили начать этот выпуск нашей рубрики, любит, когда ее называют Котенок, — такая уж она, видно, теплая, мягкая и пушистая. «Мне 16 лет, по знаку Зодиака — Овен. Я люблю слушать музыку (всё равно какую, лишь бы была хорошая), очень люблю разговаривать по душам, всегда пойму и помогу. Просто общительная и веселая девчонка. С нетерпением жду писем от парней от 16 лет и старше». Всё вроде бы замечательно в этом письме, но вот насчет музыки мы не въехали. Как это — любая, лишь бы хорошая? Как, интересно, Катя-Котенок отличает хорошую от плохой? Хорошая — это когда веселая? Громкая? Быстрая? Или, наоборот, заунывная (вроде как когда-то Танечка Буланова пела)? Впрочем, в этом, наверное, лучше разберутся те парни, которые захотят обзавестись в хозяйстве Котенком. А писать на конверте надо так: *Штукатуровой Кате, ул. 2-я Комсомольская, д. 1, кв. 2, с. Медное Калининского р-на Тверской обл., 170521.*

А вот другая Катя покруче будет. «Мне 16 лет. Сочиняю стихи. Из музыки предпочитаю «NO DOOBT» и Мадонну. Я — большая эгоистка, ненавижу границы и правила, обожаю Ахматову, французский язык и вишневое варенье. Неплохо разбираюсь в политике и в японском стиле рисования — manga и anime». В общем, расступись, народ. Знаешь, Катя, Анна Андреевна Ахматова когда-то о себе написала так: «Я давно не верю в телефоны, В радио не верю, в телеграф. У меня на всё свои законы И, возможно, одичалый нрав». Не забывай, что лучше всегда относиться к себе с легкой иронией. Как твой поэтический кумир...

Лозовая Екатерина, ул. Ленина, д. 5, с. Новомарковка Кантемировского р-на Воронежской обл., 396702.

«Некому всё, что скопилось в душе, излить. Не с кем свой внутренний мир разделить». Вот какие у нас поэтические читатели!

А строчки эти сочинил 20-летний Саша, по знаку Зодиака — Близнецы, который хотел бы переписываться с одинокой закомплексованной девушкой, у которой нет настоящих друзей и которая считает, что ее никто не понимает и она никому не нужна. Ну не парень, а просто скорая психологическая помощь! «Желательно, чтобы девушка разделяла мои интересы, — пишет Саша дальше, — хотя и не обязательно. А интересы мои такие: я предпочитаю тяжелую музыку, увлекаюсь футболом и хоккеем как болельщик (болею за «Динамо»). А еще люблю читать исторические книги, классику, фантастику».

Александр К., ул. Орджоникидзе, д. 56А, кв. 4, г. Тюмень, 625000.

В Краснодарском крае решили открыть еще один клуб памяти Виктора Цоя. «Сейчас уже видно, что физическое отсутствие Цоя в нашем мире не так уж сильно повлияло на огромную популяр-

ность его творчества. Все, кто хочет вступить в фан-клуб Виктора Цоя, – пишите! Есть воспоминания, тексты, аккорды, ноты песен. Жить без Цоя трудно, но без его песен еще труднее!»

Манака Ольга, ул. Комсомольская, д. 7А, ст. Челбасская Краснодарского края, 353715.

«Меня зовут Людмила, мне 17 лет, по знаку Зодиака я – Овен. Из книг предпочитаю детективы, романы, фантастику и классику. Читаю то, что больше подходит по настроению. Музыку люблю разную. Человек я общительный, заводной, немного романтик».

Людмила, ул. Молодежная, д. 17, кв. 3, п. Сосьва Серовского р-на Свердловской обл., 624971.

У Юли только одно желание – общаться с поклонниками и знатоками творчества французской певицы Милен Фармер. «Могу выслать информацию о ваших кумирах в обмен на всё о Милен Фармер».

Юля, п. Свердлова, д. 55, кв. 14, Всевожский р-н Ленинградской обл., 188683.

«Мне 15 лет, по знаку Зодиака – Близнецы. Учусь в лицее в экономической группе. Могу называть себя романтической натурой. Я общительна, всегда стараюсь помочь тому, кто в этом нуждается, правда, иногда бываю вредной. Стараюсь не придавать особого значения трудностям и неудачам – по натуре оптимистка. Очень люблю зарубежную музыку, а также классику в современной обработке. Люб-

лю вышивать, читаю детективы. И еще давно коллекционирую кактусы».

Шестакова Татьяна, ул. Коммунистическая, д. 8, кв. 99, г. Березники Пермской обл., 618404.

С веселыми, искренними, добрыми парнями 15-19 лет хочу познакомиться 14-летняя Настя, по знаку Зодиака – Весы. «Люблю готовить, танцевать, пишу детективы, стихи, песни. Обожаю лето. Предпочитаю общаться в не слишком шумных компаниях. Всерьез увлечена изучением английского и немецкого языков (знаю почти в совершенстве)».

Можаева Настя, ул. Химиков, д. 12, корп. 2, кв. 142, г. Омск, 644045.

«Кто хочет познакомиться с веселой, симпатичной и умной блондинкой – пишите!» Блондинку звать Маша, она учится в математическом классе, ранее закончила художественную школу, но в будущем собирается стать программистом. Любит животных – лошадей и собак, криминальные романы, занимается спортом, ходит в бассейн. Ее музыкальные пристрастия – Рикки Мартин, группы «Muse» и «Руки вверх!».

Мария, абон. ящик № 107, г. Нефтегорск Самарской обл., 446600.

Нет девушки, с которыми можно было бы поделиться своими проблемами, горестями и радостями у 17-летнего паренька, который, как говорится, «модает срок» в колонии. Звать его Сергей, по характеру он весе-

лый, любит музыку, по знаку Зодиака – Рак.

Мануйлов Сергей, ВК, 1-й отряд, 1-е отделение, п. Юргамыш Курганской обл., 641200.

17-летняя Лена увлекается географией, ей нравится изучать разные страны (особенно европейские). Именно с географией, наукой для многих скучной, она собирается связать свое будущее. Еще увлекается изучением иностранных языков – что вполне естественно для будущего географа. Больше ничего о себе не сообщила.

Лена, ул. Наймушина, д. 18, кв. 19, г. Кандалакша Мурманской обл., 184046.

«Мне 18 лет. Для меня не имеет значения, сколько тебе лет и какова твоя внешность. Если ты устал от одиночества – напиши! Я увлекаюсь поэзией Есенина и Цветаевой, сама пишу стихи. В людях ценю доброту и порядочность. «Крутые» парни меня не интересуют».

Казакова Светлана, ул. Эйдемана, д. 20/1, кв. 91, г. Канск-13 Красноярского края, 663613.

В дни, когда российская команда столь круто «блещет» своими талантами на европейском футбольном чемпионате, нельзя не напечатать адрес Дарьи, чье главное увлечение – футбол, а ее кумир – испанский клуб «Real». «У меня совсем нет друзей – может быть, потому, что я живу в маленьком поселке. По знаку Зодиака – Скорпион. Музыку люблю разную – французскую и испанскую, немецкую и итальянскую. Не признаю шумных ком-

паний и дискотек. Люблю читать, иногда стихи сочиняю».

Бурмистрова Дарья, пр. Калинина, д. 9, кв. 7, пос. Суховерково Калининского р-на Тверской обл., 170553.

«Я люблю дождь сквозь солнце, люблю ветер, небо... Конечно, мне нравятся ночные прогулки под звездами, потрескивание костра до самого рассвета... Это – минимальный набор любого уважающего себя романтика». А именно к ним причисляет себя девушка, назвавшаяся Ассоль, любительница книг Грина и Уэллса. «Я – человек настроения, – пишет она, – влюбчивая и легкоранимая. Мне хочется узнать новое, ощутить жизнь во всех ее проявлениях, много путешествовать, постичь непостижимое вместе с тобой. Если ты узнал во мне себя – пиши скорее!»

Ассоль, ул. 1-я Полевая, д. 32, кв. 95, г. Иваново, 153035.

«Мне 16 лет, по знаку Зодиака Телец. Обожаю шумные компании, вечеринки, но не прочь и посидеть дома с подружкой. Жду писем от парней и девчонок 16-20 лет. Друга хочу найти настоящего, а не на два письма».

Анастасия, ул. Лузина, д. 6, кв. 4, пос. Мундыбаш Таштагольского р-на Кемеровской обл., 652900.

Кате 15 лет, она обожает группу «Дискотека Авария» и актера Алексея Кравченко.

Катя, ул. Спиридонова, д. 25, кв. 41, г. Сележа, Республика Карелия, 186422.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Наша Телега, что ни говори, – всё же транспортное средство. А значит, ее ведущие и пассажиры волей-неволей вынуждены встречаться с представителями наших славных органов, проще говоря – с милицией. И соответственно на них реагировать. А как могут реагировать юмористы? Только своим творчеством! И мы убедились, что такая реакция – есть. И идет она от всего сердца! Недавно один юморист-автомобилист, скрывшийся от следствия по поводу его имени (что вполне объяснимо!), придумал даже такую вот загадку: «В русском языке есть два матерных слова, одно из трех букв, другое – из пяти. Какие?» Ну? Нет, не угадали! Эти слова – ГАИ и ГИБДД. А авторы юмористического журнала «Красная бурда» сочинили для милиции специальную считалочку (наверное, чтобы им было приятнее на разводы выходить):

Раз-два, три-четыре,
Три-четыре, раз-два!
Кто шагает по Петровке?
Мы, ребята из ментовки!
Кто бандитов стережет?
Мы бандитов стережем!
Кто их наголо стрижем?

Мы их наголо стрижем!
Кто преступников сажает,
На допросах унижает?
Кто по почкам палкой бьет
Тех, кто взятки не дает?
Милицеская братва!
Позвоните нам ноль-два!

Звонить, пожалуй, воздержимся. А вот ознакомиться с «милицеским» творчеством юмористов – милости просим!

Начнем, как всегда, с прозы. И с прозы литературной, и с прозы жизни. Грустно, но у сотрудников милиции всегда есть место подвигу. То грабят, то убивают, то машины угоняют, то к девушкам пристают... Милиция, конечно, на страже – любимый город может спать спокойно! Но есть у милиции и верный помощник – наш бдительный народ. Вот именно такие люди (которые пока еще не велись!) и объединяют темы рассказов Алексея Андреева и Андрея Макарова. Почитаем и порадуемся: значит, город будет, значит, саду честь, пока такие люди, как Ниловна (из рассказа «Салаги»), в стране советской есть!

Алексей АНДРЕЕВ

ГРАБЕЖ

– Алло, милиция? Тут у нас под окнами грабят!

– Что? Кого грабят?

– Не знаю. Мужчину какого-то.

– Вот сначала узнайте, а потом звоните. Взяли моду – по пустякам беспокоить...

– Алло, милиция? Я узнала про мужчину – Иванов его фамилия.

– Про какого мужчину?

– Ну, которого грабят!!

– Ах, этого... Иванов, Иванов... Не знаем такого. А где работает?

– Не знаю.

– Так сходите и спросите...

– Алло, милиция. Это опять я. Он на заводе работает.

– На заводе? Вот идиоты! Чего ж они тогда его грабят?

– Не знаю.

– Так сходите и спросите...

– Милиция? Я спросила. Они говорят: «Хотим и грабить!»

– Ну совсем оборзели! И что – до сих пор грабят?

– Ага, грабят.

– Ну ладно. Скажите им про нас.

– Что сказать?

– Что мы в курсе.

– Так я уже сказала.

– Ну, это вы поторопились... И что они?

– Они сказали, что начхать на вас хотели.

– Что?! Вот паразиты! А вы им сказали, что мы, между прочим, и приехать можем?

– Сказала.

– Ну и что? Испугались, да?

– Нет, они ответили, что и вас, и матерей ваших...

– Что?!

– Ну, это самое...

– Так, ждите – едем.

– Поздно. Они уже расходятся.

– Но ограбленный на месте?

– Ага, лежит.

– Вот его и арестуем. И вас вместе с ним.

– Нас? За что?!

– За то, что честь родной милиции защитить не можете, трусы несчастные! Старайся тут ради вас...

САЛАГИ

Киллер Мокрухин, привычно сжав в кармане ребристую рукоять пистолета, шагнул в подъезд.

– На какой и зачем? – подозрительно спросила его лифтерша.

– На седьмой, – скупно бросил Мокрухин, – мочить.

Лифтерша равнодушно кивнула и нажала кнопку этажа. На этаже киллер огляделся и встал за трубу мусоропровода. Он передернул затвор своего верного ТТ, вытер рукавом красный губастый рот и стал терпеливо ждать клиента. На седьмом этаже жили генеральный директор АОЗТ, владелец казино, свой, почти домашний рэкетир и валютная проститутка. Народ солидный и проверенный, взращенный в рыночных боях. Пятую квартиру занимала семья слесаря с завода «Борец». Слесарь в отношении соседей вел себя нехорошо. Ругался матом, громко, на весь дом, отмечал прежние, краснокалендарные даты, вызывал наряд милиции, если валютная проститутка брала работу на дом. Соседей слесарь называл буржуями недорезанными.

– Повыползли из нор, – орал подвыпивший пролетарий, – наели хари на народном добре. Вот будут выборы, тогда уж вам!

Рис. Е. ГРЕЧКО

Соседи вздрагивали и слесаря не любили. И самого слесаря, и слесариных детей, и слесарину мать Ниловну. Особенно владелец казино, которого Ниловна обвинила в краже слесариных лыж из общего коридора.

В двери, отделявшей квартиры от площадки лифта, заворочался ключ. Киллер снял пистолет с предохранителя. Дверь открылась, вышла Ниловна с мусорным ведром и, шаркая тапками, пошла к мусоропроводу.

Мокрухин отвернулся, достал из кармана сигареты и спички.

– Ты чего тут? – с ходу завелась Ниловна. – Ты чего тут на нашем этаже шляешься?

Мокрухин пожал плечами и отвернулся, пряча лицо.

– Тебе чего здесь надо? – не успокаивалась бабка. – Рожу-то не вороти. – Она дернула киллера за рукав. – Насcut тут, понимаешь, и морду воротят.

– Пошла вон, старая дура! – заорал Мокрухин, разозлившись от несправедливого обвинения. Он вырвал рукав и оттолкнул бабку. Это было ошибкой: одолеть закаленную в склоках с соседями Ниловну было непросто.

– Ты драться?! – взвизгнула она. – Н-на! – И старуха припечата-ла киллера железным мусорным ведром по голове.

– Участковый! Участковый! – вопила Ниловна с балкона, поглядывала на лежавшего кулем Мокрухина и снова голосила в сторону опорного пункта милиции в доме напротив.

Участковый, милиционер-стажер Бадминтонов, заступил на дежурство. Он повесил табличку «Приема нет», запер изнутри дверь, застелил диван и взбил подушку. Казалось, ничто не могло помешать стажеру соснуть минут триста. Но только он с наслаждением прилег, раздались призывные вопли старухи из дома напротив.

– Эх, свет надо было погасить, – ругнул себя Бадминтонов. – Иду, иду! – крикнул он в форточку, с неудовольствием натягивая серую шинель.

Мокрухин застонал и пошевелился. Руки его были связаны. Ерзая червяком, он с трудом сел, опираясь спиной о стену.

Над ним склонилась торжествующая Ниловна с ведром и милиционер с пистолетом в руках.

– Простите, пожалуйста, – смущенно улыбнулся милиционер, – это ваш пистолет?

– Теперь твой, – сплюнул в угол Мокрухин, – теперь твои на нем пальчики, мент.

– Плеваться на нашей площадке, сволочь?! Н-на! – Ниловна размахнулась и приложила уже мягкое ведро к голове Мокрухина.

Киллер мешком упал назад, за трубу мусоропровода.

Крупное тело Мокрухина с трудом погрузили в желтый уазик с синей полосой. Везли киллера в отделение под рев сирены.

– Зачем ты его сюда привез? – набросился, отложив кроссворд, на Бадминтонова дежурный милиционер-стажер Потатосов.

– Так с пистолетом ведь, – как мог оправдывался участковый, – не иначе как киллер, мокрушник.

– Подумаешь, кто нынче с пушкой не ходит, – не унимался дежурный, – купил на рынке для самообороны, мало ли зачем человеку ТТ. Возись теперь с ним.

Вздохнув, дежурный вызвал начальника отделения. Начальник, перезрелый капитан сорока с лишним лет, увидев Мокрухина и пистолет, скривился:

– Бадминтонов?! Ты что, Рэмбо? У тебя белье с чердаков каждый день прут, а ты киллеров ловишь. Набрали салаг, стажеров. – Капитан метко харкнул в урну в дальнем углу. – Звоните в главк, пусть опера пришлют, заодно и поработать у мастера поучитесь, сосунки.

Дежурный крутил диск телефона, дозваниваясь в главк, а участковый приводил в чувство задержанного. В главке дежурного послали сначала в 22-й отдел, оттуда переадресовали в 7-й отдел, из 7-го отфутболили в 14-й подотдел.

– Киллер? – спрашивали его. – С миной? Нет, тогда это не к нам, звони в седьмой.

– Киллер? – зевали в 7-м. – Выстрелил и не попал? Как, вообще не стрелял?

Наконец в 14-м подотделе стажеру-дежурному сказали что-то такое, от чего он повесил трубку и заплакал. Очнувшийся Мокрухин сначала потребовал закурить, потом выпить, женщину и адвоката.

– Сними браслеты, начальник, – требовал он, неловко поднося ко рту сигарету скованными руками.

– Нет, – твердо отвечал стажер-участковый, – а вдруг вы уйдете? Меня так уже трое обманули.

Тем временем за телефон сел начальник отделения. После часа мата в телефонную трубку он выяснил, что киллерами, вооруженными пистолетами, но не стрелявшими, стоявшими в ожидании жертвы за трубой мусоропровода, занимается 7-й подотдел, группа «Бис». И именно сегодня группа «Бис» выехала на операцию в район «Луна».

А Мокрухин продолжал измываться над стажерами.

– О тебе и речи нет, – небрежно бросил он стажеру-участковому, – о тебе прокурор речь скажет. Ты «ствол» полапал, а на нем, парень, та-а-а-кое висит. Так что пойдешь ты прямым ходом в ментовскую зону в Нижнем Тагиле. Ну а ты, попка, – повернулся Мокрухин к дежурному, – ты уже, считай, коленкой под зад получил. Тебе инспекция по личному составу лапти плетет. На тебе незаконное задержание – раз, применение спецсредств – наручников – два, невызов адвоката – три. Так что срок, паря, считай, имеешь. Жалко мне вас, тяжело вам на зоне будет, особенно по первой ходке. И чего вы в менты пошли? Кем раньше были?

– Я инженер-конструктор, сокращенный, – выдавил дежурный.

– А я учитель начальных классов, оклад восемьсот рублей, – всхлипнул участковый.

– Да, ребята, давайте я вас хоть обучу кое-чему.

Операция группы «Бис» 7-го подотдела проходила в ресторане «Луна». Легендой, прикрытием операции, было празднование щенения породистой суки старшего опера. Легенда полностью соответствовала действительности. Собравшиеся за ресторанными столиками сотрудники сначала пили за каждого щенка, потом за суку и, наконец, за самого старшего опера. Обстановка была неприкрытой. Была ли сука опера породистой – неизвестно, но с ее помета кормилось все его семейство. Щенков охотно и за немалую цену приобретали подозреваемые, подследственные и даже просто свидетели по делам опера.

Ехать в отделение пришлось в разгар веселья.

– Я на полчаса, – деловито бросил опер, – выпейте пока за кобеля.

В отделении милиции на жесткой скамье сидело трое, сидело и с песней качалось из стороны в сторону. Точнее, пел сидевший в центре Мокрухин, а милиционеры грустно подпевали.

– Таганка-а, те ночи, полные огня. Таганка-а, навек сгубила ты меня.

Перед киллером стояла банка импортного пива, он пел, ухитрившись оставить в углу рта дорогую импортную сигарету.

– Который тут киллер? – набычившись, спросил опер.

– А ты кто такой? – дерзко спросил Мокрухин, но, недоговорив, улетел в угол от тяжелого удара кулаком.

– Нельзя, нельзя, – запричитали стажеры, – он жаловаться будет, в газету пойдет.

– Щенки, – презрительно грохнул опер, – на лесоповал он пойдет. Где его взяли, кто на площадке жил?

Когда много раз битый за этот день Мокрухин очнулся, он увидел, что опер докуривает его, Мокрухина, сигарету и нагло пьет его, Мокрухина, пиво. Мокрухин покосился на увесистые кулаки опера и ничего не сказал.

– Ну? – спросил опер уверенно. – Может, хватит ваньку валять? Нам все известно. Когда валютная проститутка ушла от сутенера, директор АОЗТ перестал платить дань, решили замочить директора казино и рэкетира, потому что ссучился.

Мокрухин затравленно молчал, потом робко возразил:

– Ствол чистый, и пальцы на нем не мои.

Опер схватил лежавший на столе пистолет, не глядя, выстрелил в окно.

Там кто-то вскрикнул. Потом опер вложил пистолет в скованные руки Мокрухина и долго мял его там, добываясь четких отпечатков. Стажеры сидели в уголке, раскрыв рты.

– Ну что, колоться будем или как? – спросил профессионал. – Ну-ка посмотри, кто это? – И он поднес к глазам Мокрухина фотографию.

– Узнаю, – сдавленно сказал киллер, – поделник мой, вместе срок мотали. Что, уже повязали?

– Дура, – ласково сказал ему опер, – это сука моя, вчера ощенилась. Купи у меня щенка за триста баксов, – не то попросил, не то приказал он. Опер глянул на татуированную руку преступника с именем и якорьком и ласково бросил:

– Эх, зря ты флот бросил, Коля.

Киллер заплакал и стал колотиться.

– Я должен был слесаря замочить. Меня в складчину директор АОЗТ, казино, рэкетир и проститутка наняли. Решили его убрать, чтоб породу им на лестничной площадке не портил.

Опер уехал назад в ресторан, Мокрухина увезли в тюрьму. Начальник отделения, сопя и потея, старательно писал рапорт о раскрытых преступлениях.

– Киллер – раз, – загибал толстый палец начальник, – лифтерша за соучастие – два, Ниловна за нанесение тяжких телесных – три.

– Ниловну-то за что? – изумились стажеры.

– Как, а не она человека ведром отоварила? Ничего, много ей не дадут, скоро амнистия, а если что – такая и на зоне не пропадет. У нас в преступлениях по отчету счет на штуки идет.

Куда более тщательно составлялся приказ на поощрение. К ордену представлялся майор из административно-хозяйственного отдела главка, потому что ему скоро на пенсию, к медалям прапорщик с вещевого склада и сам начальник отделения, к знаку «Отличник милиции» – опер. Еще несколько неизвестных стажерам сотрудников получили благодарности – потому что так надо. Стажерам же обещали снять ранее наложенные взыскания.

– Так у нас же нет взысканий? – дружно удивились стажеры.

– Нет? Так дадим и тут же снимем, – засмеялся начальник, – чтобы знали, что не все так просто. Учитесь, салаги!

Поэты от прозаиков не отстают – видно, тема им тоже родная. Наш постоянный автор Инна Савельева насочиняла не более и не менее, как поэтическую инструкцию для сотрудников органов, «краснобурдонец»-екатеринбуржец Сергей Сомов – обиду свою на людей в шинелях высказал, ну а Владимир Дымнов написал нечто, что раньше издавали под грифом «Жизнь замечательных людей». Ай да постовой у него на улице, ай да сукин сын, как вскричал однажды Пушкин.

Инна САВЕЛЬЕВА

НУ, МАФИЯ, ПОГОДИ!

Нечисть подлежит корчевке!
Изучите обстановку:
где предвидятся тусовки
у преступной группировки,
где у них боеголовки
и с награбленным кладовки,
где в удобной расфасовке
с героинном упаковки.
В перехваченной шифровке
дайте верную трактовку
потайной формулировке.
После

тщательной шлифовки
сверху спустят установку
и «добро» на подготовку.
В бронированной штурмовке
и в шиповках на шнуровке,
со стволом наизготовку
выходите на стыковку.

Мафиозную массовку
загоните в мышеловку
псами классной дрессировки.
Тут начнется потасовка!
Вы держите хвост морковкой
и с омоновской сноровкой
бейте всех без остановки
под защитой винтовки.
А схватив их, для страховки,
на капот швыряйте ловко
прямо мордой в полировку.
И в автомобиль у бровки
затыкайте внутрь головкой.
Дома, после джигитовки,
приложитесь к поллитровке
и смотрите, как в концовке
«Новостей» без лакировки
телек даст свою трактовку
криминальной зарисовке.

Сергей СОМОВ

* * *

Полосатой палки продавцы! –
Вы у нас такие молодцы!
Мне, конечно, ста рублей не жалко...
Но ведь не за поднятую палку!

Не маши ей и в свисток не дуй!
Ты за сто рублей хотя б станций!
Расскажи хотя бы анекдот!
Кофе предложи иль бутерброд!

Деньги хватъ молчком – и ничего...
Кто ты после этого всего?

СТИХИ О НАШЕМ ПОСТОВОМ

Стоит светофор у дороги,
А рядом – опершись рукой –
Красивый, подтянутый, строгий
В фуражке стоит часовой.

Изящною палкою машет,
Наручники хромом блестят –
Защитник он улицы нашей,
Пример для окрестных ребят.

Следит за порядком повсюду:
Отыщет, упрячет, спасет...
Простому прохожему люду
Он слово закона несет.

Беседовал он и со мною –
Работу со мной проводил.
Работы я пользу не скрою,
Беседу я ту не забыл.

Про службу свою по секрету
Сказал он – опаснее нет,
И лучше товарища нету,
Чем палка да друг-пистолет...

Тоской отдаются мне в спину
Его золотые слова,
Что палка в лихую годину
Поможет не раз и не два.

Разгонит она хулигана,
С ней рана быстрее зарастет,
Она защитит от нагана,
От пули бандитской спасет,

Накормит она и напоит,
От солнца закроет, как щит,
И нервы она успокоит,
И в лютый мороз защитит...

Стоит постовой, улыбаясь,
Следит за порядком в стране,
И сразу – я честно признаюсь –
Спокойней становится мне.

Погоны полосками светят,
Подтянут он, строен, высок.
И если убийство заметит –
Сейчас же задует в свисток!

А теперь наша Телега будет торить путь-дорогу на телевидение. Вернее, на виртуальную телестудию, созданную на страницах журнала «Красная бурда». Там сегодня праздник, да какой! Ну, может быть, немножко со слезами на глазах, но все же... Перед незамужними телезрительницами показывает свою статью человек в погонах – капитан милиции Михаил Сизов. Ему жениться хочется! А что, ведь и милиции ничто человеческое не чуждо. И им хочется женской ласки и тепла, домашнего уюта. Не все же по камерам ночевать!

ВЫБЕРИ САМА...

Ведущая: Здравствуйте, милые женщины. Сегодня на вас хочет жениться сотрудник МВД капитан милиции Сизов. Здравствуйте, товарищ капитан.

Милиционер: Здравия желаю, капитан Сизов, предъявите документы. (Смеется.)

Ведущая: Значит, вам нужна жена. Так?

Милиционер: Да, требуется.

Ведущая: А какая вам требуется жена?

Милиционер: Ну, чтобы без приводов была, чтобы наколок не было... Ну, типа, «Не тронь – они устали», никаких там «СЛОНов»...

Ведущая: Ну, а, скажем, «ДУСЯ» на пальцах? Можно?

Милиционер: Лучше «МИША» (меня, кстати, Михаилом Петровичем зовут). Но главное – это чтобы у нее документики при себе были, иначе придется везти гражданочку в отделение разбираться...

Ведущая: Вот вы написали о себе – глаза серые, рост средний, форма серая, посредине лица – нос, особых примет нет. И что, кто-то, думаете, пойдет за вас с такой ориентировочкой?

Милиционер: Знаете, я ведь уже был женат. По предварительному сговору, извините, по обоюдному согласию. Она была: рост – во! выше среднего! бюст – во! Ни в один УАЗик не влезала! Руки – во! Ни одни наручники не застегнешь! Глаза карие накрашенные! Пять лет про-

жил я с этой гражданкой Сизовой, а оказалось – она во всесоюзном розыске! Вот так нас судьба и раскидала. Так что мне теперь надо что-нибудь поскромнее.

Ведущая: И как вы представляете себе будущую жену, ну, которая «поскромнее»?

Милиционер: Среднего роста, черты лица правильные, волосы русые, глаза серые. Одета в зимний кожаный плащ производства Турции, ондатровую шапку. На правой руке, в районе безымянного пальца, не хватает обручального кольца. Кто видел – прошу сообщить по телефону. Или на пейджер для абонента 02.

Ведущая: И вы будете любить такую жену?

Милиционер: Скорее всего, да. Хотя она должна быть готова ко всему... У нас ведь служба сами знаете какая – сегодня любишь, завтра нет, сегодня с одной, завтра с другой...

Ведущая: Ну да, сутки любишь, трое спишь...

Милиционер: Точно. Я считаю, что семья должна быть основана на доверии...

Ведущая: То есть вам нужна эдакая супруга на доверии, так, что ли?

Милиционер: Ну что-то в этом роде.

Ведущая: А бить вы ее будете?

Милиционер: Это зачем?

Ведущая: А вот я слышала, у вас в милиции принято всех бить.

Милиционер: Ну, во-первых, далеко не всех. Далеко не всех, уверяю вас. Своих-то мы не трогаем...

Ведущая: У вас в милиции с этим строго, да?

Милиционер: Конечно. А во-вторых, если еще и жену бить, это вместо домашнего отдыха работа во вторую смену получится. Зачем тогда жениться? Тут за день так намахаешься дубинкой-то... Нам ведь их на неделю выдают...

Ведущая: А как же тогда поддерживать дисциплину в семье? Или у вас для этого есть какие-то другие рычаги, кроме дубинки?

Милиционер: Дома все будем делать по свистку. Очень удобно, между прочим. Один свисток, например, – туалет занят. Два свистка – разогревай суп-лапшу. Один протяжный свисток – пора идти спать, еще один протяжный свисток через пять минут – все, хорош, давай спать. Ну и так далее.

Ведущая: А во сне вы не свистите?

Милиционер: Ночью, во сне, – нет. Но у меня другая профболезнь – милицейский сомнамбулизм.

Ведущая: Господи, это еще что такое?

Милиционер: Могу ночью внезапно встать, проверить документы, произвести обыск, задержание, потом лечь спать. Утром ничего не помню, потому что протокол ночью не заполняю.

Ведущая: Телезрители-ницы еще интересуются, сколько вам лет.

Милиционер: Здесь я позволяю себе задать им небольшую задачку: мне тридцать три года минус два.

Ведущая: Это что же получается, тридцать один, что ли?

Милиционер (хитро): А вот не знаю, не знаю, пусть телезрительницы сами догадуются, а ответ пришлют к вам на передачу...

Ведущая: А победительниц в этой викторине ждет приз – Михаил Петрович Сизов!.. Михаил Петрович, скажите, а по дому вы что умеете делать?

Милиционер: Все!

Ведущая: Все?

Милиционер: Все! Но – разумеется, в рамках закона.

Ведущая: И мусорное ведро выносить?

Милиционер (обижен-

но): Знаете что, вы эти шуточки про мусор бросьте!

Ведущая: Ой, простите, я хотела сказать – ведро позорное умеете?.. То есть, конечно, поганое... (Смеется.) Извините, очень приятно было с вами побеседовать, Михаил Петрович. Всего вам доброго.

Милиционер (подает ведущей лист бумаги): Татьяна, распишитесь, пожалуйста, вот здесь и вот здесь.

Ведущая (расписывается): Пожалуйста. Так, а за что это я расписалась?

Милиционер: Ну, что с ваших слов записано верно, и все такое...

Ведущая: Я напоминаю телезрительницам, что у нас в гостях был жених капитан милиции Михаил Сизов. Счастья вам, женщины!

Очень хотелось бы верить, что такой завидный приз, как капитан Сизов, выиграет достойная дама, и семья обретет свое счастье. А вот сержанту милиции по фамилии Шнурко в семейной жизни не повезло. Мы верим, что он не наставлял свою «пушку» на жену-хохлушку, но многие другие его действия семейного счастья не обеспечили. Ну что ж, как сказала одна знаменитая поэтесса, — «я всегда за развод». И пошли они вдвоем рука об руку прямо в народный суд... который тоже выстроил на своих страницах замечательный журнал «Красная бурда». Пойдем и мы за ними. Авось свидетелями позовут...

РАЗВОД ПО-МИЛИЦЕЙСКИ

Стенограмма допроса сержанта милиции С.Н.Шнурко
в Само-Гуманном райсуде г. Горноуральска

(Фрагмент)

Шнурко: ...И теперь она требует развода всего лишь на том основании, что я иногда сплю в фуражке! Это просто смешно!

Судья: Это действительно смешно... Но почему вы спите в фуражке?

Шнурко: Разнашиваю!

Судья: Всегда?

Шнурко: Нет, не всегда. Иногда специально не снимаю, чтобы прическа сохранилась. Но чаще всего просто забываю.

Судья: В своем заявлении ваша жена пишет, что вы засовывали ей штрафные квитанции под крышку кастрюли с борщом, под плойку и даже за лифчик.

Шнурко: А что? Пусть знает, что милиция у нас не дремлет. Нарушила — будь добра, уплати!

Судья: А эти постоянные внезапные обыски у себя дома! Как вы их мотивируете?

Шнурко: Какие обыски! На развод через пять минут бежать надо, а я носки в своей квартире не могу найти! Пусть сначала научится мои носки на место складывать, а потом возмущается!

Судья: А зачем же вы тогда для поиска собственных, извините, носков понятых приглашали?

Шнурко: Знаете что? Закон суров, но это закон! Поди потом ей без понятых докажи, что носки на самом видном месте, на батарее, — НЕ ЛЕЖАЛИ!

Судья: Вот она пишет, что вы испохабили все стены в доме. Как это понимать?

Шнурко: Ложь! Фотографии лиц, находящихся в федеральном розыске, — это похабщина, а тарелки на стенах или псевдокартины с колбасой — это искусство?!

Судья: Знаете, вашей жене очень не понравился порядок, который вы завели дома. Например, когда вы входили в комнату, все —

жена, теща и тесть – должны были встать у своих кроватей и громко называть имя и возраст. Зачем это?

Шнурко: Ну и что?! Я же им разрешил, когда я уйду, садиться на корточки.

Судья: Ваша жена пишет, что каждый вечер вы устраивали ей допрос. Неужели это правда?

Шнурко: Мне же интересно, как она день провела, что делала, с кем встречалась, где и с какой целью. Я же по-доброму. Не бил, сигареты предлагал.

Судья: Но лампой в лицо зачем светить?!

Шнурко: Мне нравятся ее глаза. Ничего не могу с собой поделаться! Особенно в фас.

Судья: Тут вот жена говорит, что вы запрещали ей на ночь выключать свет, в туалет вы ее пускали только два раза в сутки...

Шнурко: Ну и что, зато я ей раз в месяц давал увольнительную на сутки. И благодарность почти каждую ночь объявлял. И фотографировал на фоне развернутого боевого пододояльника.

Судья: Еще она жалуется, что вы ее постоянно заставляли объяснительные какие-то писать...

Шнурко: Конечно, а как же. Слова ведь к делу не пришьешь, а объяснительная – это документ. Вот, например, я вам зачитаю: «Не исполнила обязанность, потому что устала на работе и болела голова». Подпись, дата. Все у меня подшито, все семьсот штук объяснительных...

Судья: Семьсот объяснительных за полгода?!

Шнурко: Я еще уезжал на месяц в командировку...

Судья: ...И перед отъездом постригли жену наголо! Зачем?!

Шнурко: Я же должен был быть уверен, что лица мужского пола к ней липнуть не будут, на пушечный выстрел не подойдут! И ведь сработало! Жена даже больничный взяла и на улицу не выходила. Теперь я всем рекомендую так поступать.

Судья: Между прочим, ваша жена показала, что вы сами несколько вечеров пропадали у гражданки С., нигде не работающей, ранее не судимой, квартира № 76.

Шнурко: Очень неблагополучная квартира. В 1908 году там убили пристава... Пришлось провести с гражданочкой несколько бесед и, вы знаете, девушка встала, так сказать, на путь исправления, уже поговаривала о работе, но жена пришла и все испортила!..

Судья: Вот жена пишет, что нашла неопровержимые улики вашей...

Шнурко: Какие улики? Какие? Где у ней протокол, где понятые? Ворвалась в спальню без ордера, а я там, может быть, следственный эксперимент проводил. Напугала мне свидетельницу, она сейчас со мной не разгова... то есть отказывается мне показывать давания... то есть давать показания...

Судья: А на вашей дубинке она женский волос обнаружила...

Шнурко: А то, что я у нее на скалке мужской волос обнаружил, – об этом она не пишет? А что шишку я обнаружил у себя на голове –

об этом не упоминает? А волос на дубинке – так это мы обезвреживали женские банды! И вообще, знаете, вы лучше мою дубинку не трожьте. Дубинка – это больное... А она меня ею заставляла сочни для пельменей раскатывать! Я этой дубинкой человек сто... А она – пельмени! Да я с этой дубинкой один на демонстрацию пенсионеров хаживал!..

Судья: «...Постоянно разбрасывает свои вещи, особенно сбрую...»

Шнурко: Не сбрую, а португую, и вообще... Я ей сколько раз говорил – сапоги и кобуру стирать и гладить не надо, а она-таки выстирала, когда я спал после злоупот... после задания. Ну и, конечно, – сапоги сели, португую на два размера меньше стала. Как мне на работу идти?! Как в ошейнике хожу!

Судья: «...Плохо относится к людям с Кавказа, проявляет расизм...»

Шнурко: Неправда! Свой расизм я глубоко скрываю!!! И проявляю его только в рамках должностных инструкций. А если у кавказца документы в порядке, прописочка имеется – как у того, которого я у нее в шкафу нашел, – так я ведь и извиниться могу!

Судья: «А однажды пришли к нему два друга, сказали, что с работы, но рожи – явно уголовные...»

Шнурко: Так я же говорю – с работы! У меня же не только милиционеры на работе знакомые!..

Судья: «И он их задержал на кухне на месяц, и весь месяц с ними на кухне керосинил!..»

Шнурко: А что, на тридцать суток имею право! А то, что мама ее у нас целый год томилась, это ничего, да?

Судья: Кстати, ваша супруга жалуется, что в прихожей вы сделали стенд «Их в дом не пускать» и поместили на нем фотографию ее мамы. Это правда?

Шнурко: Ее мать, она же теща, она же гражданка Гребенюк Наталья Ипполитовна, – особо опасная преступница. Которая каждый день в мое отсутствие обманным путем проникала в наш дом и загладевала вниманием моей жены. Она занималась подстрекательством моей жены и несколько раз пыталась отравить мою пищу своей ядовитой слюной!

Судья: «...Передачи от родственников досматривает, все лучшее съедает сам...» А почему вы продержали своего тестя голым на балконе в двадцатиградусный мороз?

Шнурко: Это раньше был балкон, теперь это – вытрезвитель!

Судья: А может, у вас дома и СИЗО есть?

Шнурко: Есть, конечно!

Судья: А где, если не секрет?

Шнурко: Под ванной.

Судья: А штрафная стоянка, наверное, у вас в прихожей?

Шнурко: Нет, в углу, где кирпичи и стекло набито! Там же я и ежедневные разводы жены на мытье посуды произвожу.

Судья: «...Когда он ест, а я к нему сзади подхожу, он свою тарелку сразу же переворачивает. Во всех дверях глазки повкручивал, даже

в туалет. Невозможно сходить в уборную – каждые три минуты в глазок смотрит...»

Шнурко: Я же ей сто раз говорил – давай поставим в коридоре нормальную парашу!..

Судья: А почему вы заставляете жену спать лицом к стенке и руки за голову?

Шнурко: Спасибо за интересный вопрос... Знаете, никогда не задумывался об этом. Наверное, так она мне ничего сделать не сможет. А я ей – все что угодно. Обыскать, например. Поймите, это же очень удобно!

Судья: Теперь понятно, почему вы каждый вечер проверяете у нее документики...

Шнурко: Это вам жена сказала? Ну, подлюка! Знаете, она мне еще в ЗАГСе показалась подозрительной. Уж больно быстро она замуж за меня выскочила. Понравился я ей, что ли? Исключено. Скорее всего, она хотела похитить у меня документы или оружие! Знаете что? Я требую развода!!!

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

КРИСТИНА ОРБАКАЙТЕ
«ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА»
«Iceberg Music», 2003

Все более хорошеющая Кристина Орбакайте, хоть и воспринимаемая многими всего лишь как дочка звездной матери, давно жаждет обрести собственные крылья. И это ей как будто удалось в новом альбоме «Перелетная птица». Думается, он великолепно передает творческое и моральное состояние молодой дивы. Недавно она «улетела» из насиженного гнезда, помахав ручкой своему прежнему коллеге по бизнесу Иосифу Пригожину (вместе с ним Орбакайте была, как известно, совладелицей компании «Nox Music»). Расставание оказалось, видимо, столь трудным и вероломным, что артистка не сочла даже нужным поблагодарить бывшего соратника и патрона в выходных над-

писях, сопровождающих пластинку. Да и диск вышел на другой фирме.

Впрочем, Кристину в последнее время очень приятно слушать. За долгие годы работы на эстраде она явно научилась петь. Ее голос звучит все увереннее, звонче, он обрел наконец долгожданную певучесть, окреп; стали чище интонации. Как пела когда-то ее мама – если долго мучиться... Ну а в неповторимом шарме и подчеркнуто неждешней (читай: прибалтийской) стилистике с Кристей может конкурировать разве что Лайма Вайкуле.

Радует и репертуар певицы. Композиция «Перелетная птица», написанная самобытной и талантливейшей Татьяной Залужной (Любашей), грозит стать главным хитом весны. Роскошная шлягерность мелодии, модная гитарная аранжировка, необыкновенная легкость звучания и «фирменный» каламбурно-парадоксальный текст («Ты меня не понял, помнишь, на перроне ты стоял в агонии, а я – в вагоне?») заставляют слушать эту прелестную безделушку снова и снова. А заодно и восхищаться зрелым мастерством автора и артистки.

Все чаще Кристина заставляет говорить о себе не только как о дочери примадонны, но и как о ее сценической преемнице (естественно, с необходимыми оговорками). До слез нежна и одухотворенна в ее исполнении композиция Виктора Дробыша «Свет

твоей любви». В ней много доброты. Спокойный, летящий ввысь голос, воздушная аранжировка и красивые образы поэтессы Лены Стюф заставляют слушателя словно воспарить над землей. А вот композиция «Не для тебя я стелю постель» («Я к тебе не вернусь») тех же авторов для Кристины несколько жестковата – как по музыкальной стилистике, так и в смысловом плане. Ее героиня здесь слишком непримирима, вздорна и даже стервозна, что не совсем сочетается с природной утонченностью Кристи. Согласитесь: что логично и органично было бы для матери, не всегда подходит дочке. Зато трогательно и мила в ее прочтении лубочно-непритязательная песенка «Губки бантиком, бровки домиком» Олега Попкова, в которой слышны интонационные отголоски пугачевских шлягеров начала семидесятых, вроде «Все мы делим пополам», «По грибы» или «Песенки Рыжехвостенькой».

Отстраненно, поднебесно и заклинательно звучит рефрен как всегда очень серьезной песни Андрея Мисина на стихи Карена Кавалеряна: «А ты буди меня поцелуями нежными-нежными... буду я тебе навек и женой, и невестой, буду петь тебе песни самые сладкие». Фатальная грусть, пронизывающая музыкально-поэтическую ткань композиции, заставляет (возможно, против воли авторов) задуматься о бренности жизни и всех ее мифологических ценностей. Совершенно очевидно, что артистка постепенно переходит на возрастные песни (ну, это как актрисы переходят на возрастные роли). Думаю, при благоприят-

ном стечении обстоятельств здесь в будущем ее ждет успех, сопоставимый с тем, который Орбакайте познала в отрочестве, исполнив звездную роль в культовом фильме Ролана Быкова «Чучело». Важно только не сбиться с пути. И главное, чтобы Крестину не подводил (как иногда ее маму) художественный вкус и чуткость.

А опасения для этого есть. При достаточном количестве шлягеров на альбоме совершенно ни к чему было делать римейк запетых «Дельфина и русалки». Потому как песня эта имеет свою историю, и любая ее кавер-версия в свете давнего разлада отношений Игоря Николаева и Наташи Королевой (к которым буквально приросли эти образы) воспринимается как предательски вонзающаяся в старую рану... металлическая отвертка. Зачем же ворошить старое белье?

А в целом новый альбом певицы, безусловно, один из самых удачных релизов текущего сезона. Радует даже его оформление. Оно выдержано в серых пастельных тонах – цвете предвечернего неба. Не затеряться бы только в его манкой безбрежности.

ФРИДА «Я ТАЩУШЬ ОТ ТЕБЯ» 2003

Фрида вернулась. Нет, не Анни-Фрид Лингстад, что из «АБ-БЫ», блонетка. Другая, нашенская – из «Полиции нравов». Бри-тоголовая. Та, что десять лет назад с Ангелом задружилась – тоже девушкой, того же пошиба. И пели они вместе – надо же! –

всякую чушь эпатажную. Внешность холодная, грубая – лесбиянки не лесбиянки, но намеков на жесткую садо-мазу был очевиден. А поскольку эта тема была тогда для нас внове, то и... сработала. Дуэт имел успех: девушки довольно активно приглашали в разные телешоу, их песни нередко звучали по радио. Особенно запомнился публике ремейк на давний шикарный (однако не сильно в свое время раскрученный) шлягер из репертуара Пугачевой «Не обещай» композитора Бориса Рычкова на стихи Игоря Шаферана (но песню мерзавки все же испортили).

Впрочем, изначально ясно было, что плодотворного будущего у дуэта со специфическим имиджем не будет. Понимали это и девушки. Ангел вскоре саморазоблачился и... улетел (точнее, улетела), оставив товарку на мели. Маялась-маялась Фрида, потом подобрала себе какую-то Джину, они что-то вместе варганили, записывали, куда-то ездили, но... былого успеха уже не видеть. О «Полиции нравов» (видимо, как апофеозе «безнравия») благополучно забыли.

И вот, понимаешь, новая «загогулина». Фрида объявила о своей боеготовности. Как же! Надо укреплять форпосты русского феминизма. Ну сколько можно петь все одну и ту же глупую песню (я сейчас не о творчестве) про женский приоритет и солидарность?! Неужели Фрида не понимает, что ее «пламенные» декларации глубоко архаичны и анахроничны? Феминизм уже давно отстоял свои позиции и в мире и здесь – в одной отдельно взятой стране. Женщина давно проникла у нас и в политику, и в бизнес, не говоря уже про культуру и спорт – она всегда была там королевой. Заседает она и в Думе, и в министерствах. Даже мэр великого города Санкт-Петербурга теперь тоже она. Что еще нужно?

У певицы нет ни одной свежей идеи, ни одной яркой музыкальной мысли. Зачем она выпустила новый альбом «Я тащусь от тебя»? Кто будет слушать эти эклектичные, примитивные и абсолютно бездарные опусы про «парня из Техаса, гонщика экстра-класса» и «таяние от прикосновений»? А название какво? Что же, тащитесь вы, и только?

Дикая мешанина из стилей: какое-то ущербное, фальшивое диско, псевдо-евродэнс, хотя немощные потуги на «просвещенную музыкальность» налицо. Запев «козырной» Фридиной песенки «Бегут минуты» (надо же, даже клип у Бондарчука сняла!) до боли напоминает фразы из эпохальной «I Will Survive» Глории Гейнор, а припев – как будто цитата из старенького «Миража».

А зачем было перелицовывать вполне нормальный текст из

пугачевской «Сильной женщины»? Помните: «Крикну – а в ответ тишина, снова я останусь одна: сильная женщина плачет у окна»? Фрида переиначивает: «Крикнешь – а в ответ тишина, и кто-то, может, вспомнит тебя – только не я». Ни рифмы, ни смысла, ничего. Цитировать остальные перлы не имеет смысла: они столь же беспомощно неразумительны.

Впрочем, одно маленькое пророчество Фрида все же сделала. В главной песне проекта есть строчка: «Бегут минуты в никуда, все дальше-дальше от тебя, все ближе к пропасти и неизвестности...» Да, с таким альбомом – только в омут.

ДИМА БИЛАН
«Я НОЧНОЙ ХУЛИГАН»
«Aizenshpis Production»,
2003

Юный бонвиван Дима Билан грозит устроить нам бедлам. То бишь узаконить криминальный стиль поведения. Он «ночной хулиган, у него есть наган, он похож на маман и вечно пьян». Вот так да! «Ну и что, ну и что? Сильный-смелый зато, загорелый зато...» И не конь в пальто!

В каких только ипостасях не выступают наши милые артисты. Герои их песен – это шоколадные зайцы и мармеладные мерзавцы, кокаиновые лошадки и кошечки-реинкарнантки, бамбуковые красавцы и зайки-заснайки... Сплошь мультипликация. Впечатление, будто вокруг одни маски – карнавал плюшевых мишек, шабаш «водяных да леших». Фантазия неистощима, вот только работает вхолостую. Певцы

неотличимы друг от друга, и сопереживать не хочется никому.

Дима Билан – человек, несомненно, одаренный и петь, что называется, наученный (Гнесинка!). Голос поставлен, тембр унаваем, о фактуре – что и говорить. Но вот беда: пока не к чему это приложить. Песни с дебютного альбома певца большей частью не дерзкие, «с вызовом», как требует того броский заголовок, а больше слюнявые, скучные. Переходный возраст? «Ты, только ты, до слез, до хрипоты, все песни и стихи – тебе только», «Я так люблю тебя, я так хочу тебя, поверь моим словам: я все тебе отдам». Однако потом артист признается, что «слезы, грезы, летние грозы, темные ночи, красные розы не помогут...». Бессильны, думаю, будут и белые козы, ветка мимозы, желтые шузы, зимы-морозы... Правда, были удачные позы. Но это в клипе. Из динамика же льется жижа: «Может, завтра суждено нам расстаться все равно, это завтра, а пока в сердце вновь весна...» Господи, запрети же, наконец, про весну! Она, как и зима, к нам «приходит сама».

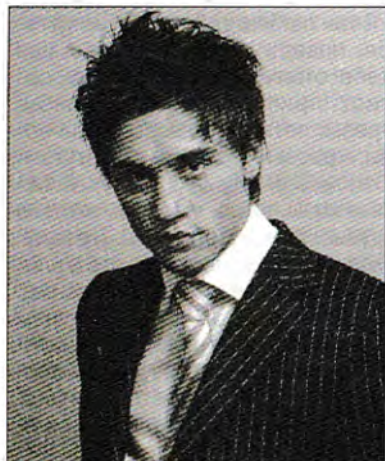
«Капелька крови на белом шелке, уколола пальчик тонкой иголкой, вышить хотела на белом шелке имя мое ты тонкой иголкой». Дальше, естественно, рифма «пальцы – пальцы». А сам ты, Дима, случайно крестом не вышиваешь? Судя по интонации, ты неплохо знаком с этим ремеслом.

Только вот где самоирония, юмор, стеб, так щедро заявленные в заглавной композиции диска? Может, «маман» плохо воспитала? Где так смачно демонстрируемая в клипах и буклетах брутальность? «Дорогая», «Полная луна», «Июньский дождь», «Я жду», «SMS», «Girlfriend» – набор одинаково невыразительных песен без изюминки (ну не считать же таковыми стук детских башмачков в композиции «Малыш», имитации деревенской гармонии в «Капельке крови», скрипок в «Ты была всегда такой» и прочие скромные находки?).

И все же отдадим должное: продюсер и артист много экспериментировали. Песни сделаны

в модных танцевальных стилях (r&b, хип-хоп, евро-дэнс) и очень качественно записаны (а это уже фирменный почерк Юрия Айзеншписа). Наиболее удачные композиции – «Я ошибся, я попал», «Бум» и старенькая «Звездочка моя ясная» из репертуара группы Стаса Намина. И если в первых двух Билан виртуозно демонстрирует «постмодернистский» вокал и прекрасное чувство стиля, то в третьей – лирическое голосоведение, чудный фальцет, прекрасное пиано и... все ту же мальчишескую нежность. Эти три работы, пожалуй, и есть границы творческого диапазона артиста. Как видим, он достаточно широк. Все остальное будет зависеть от музыкального вкуса, умного выбора и... все того же продюсера. Вот и получается, что нынче он главнее любого музыканта.

Сезария ЭВОРА
«VOZ D'AMOR»
(«ГОЛОС ЛЮБВИ»)
BMG, Russia

В жизни все неверно и капризно, а в мире – заполошно и странно. Кто же мог предположить, что босоногая полная тетка в бесформенном платье и с внешностью африканского бедуина в течение последних трех-четырех лет поставит на уши нашу веселую планету? Ее альбомы, сыплющиеся как из рога изобилия, будут раскупаться миллионами, от концертов не будет отбоя, а писать о ней станут едва ли не больше, чем о Джексоне, Хьюстон и Мадонне?

Имя ее Сезария Эвора, или Мисс Перфумадо, как еще иног-

да ее кличут. Черт знает, чем покоряет она избалованную публику Америки и Европы! Глуховатый, низкий, отнюдь не выдающийся голос, который в равной степени может принадлежать как женщине, так и мужчине. Внешность? Боже упаси. Манера пения? Да тоже не особо харизматическая, скорее безучастная, провинциально простецкая и уж совершенно точно – не эстрадная. Певица ведет себя на сцене, как в своей африканской деревне: ленивая походка старой развевшейся кошки, вялые нечеткие жесты, полное безразличие к реакции публики. Тут же может забыться и, к примеру, закурить. Этаким перезрелый большой ребенок. Дитя природы. Когда ее называют африканской Эдит Пиаф – с этим, конечно, можно спорить. Пиаф – это все-таки боль, нерв и страдание благородной парижской клошарки. А Эвора, извините, для русского уха – несшиеся ладушки-оладушки и песнь неунывающей кочевницы – черной цыганки. Если там и есть какая-то печаль, то поди еще отыщи ее. Да и по натуре смачная мадам, скорее, «вещь в себе».

Однако если услышите ее последний диск «Voz D'Amor» («Голос любви»), вам захочется включать его снова и снова. Просто так – для красивого музыкального фона или как средство вечерней релаксации при мягком свете в отсутствие назойливых домочадцев. Голос певицы будет уносить вас на далекие сказочные острова Кабо-Верде (бывших когда-то португальской колонией), на одном из которых 27 августа 1941

года она и родилась – в портовом городке Минделу. Там круглый год жара, засуха, кривые деревца и... тоска зеленая. О ней и поет Мисс Перфумадо. У нее роскошное сопровождение – только живые инструменты: рояль, скрипка, виолончель, контрабас, аккордеон, мандолина, акустические соло- и бас-гитары, кларнет, саксофон, перкуссия... Прелестные партии музыкантов: тонкие кружева изысканных пассажей, многочисленные мелизмы (украшения) и общая слаженность благородного звучания повлияют на вас как нельзя более пользительно.

Стили, в которых работает Эвора, на Островах Зеленого Мыса называют замысловато: коладейра – ритмичные танцевальные песни, и морна – протяжные, певучие баллады. Морна в переводе с португальского значит «мягкий», «теплый». Это определение универсально и может согласовываться практически с любым существительным. А на креольском наречии – криуло (официальном языке Кабо-Верде) морна означает «сло-

во». В этих балладах поется о расставании с родным домом, прощании с рыбаками, уходящими в море, о маме и о... душе. Так что Сезарию запросто можно назвать соул-королевой по африканской версии. (Кстати, в репертуаре певицы немало песен, написанных ее дядей, известным под псевдонимом B. Leza.) Если же сравнивать с европейцами, то она ближе к бременским музыкантам, миннезинграм и скоморохам. А если совсем коротко, то это «песни народов мира». Не зря же именно в номинации «Лучший современный альбом мировой музыки» Сезария получила в этом году свою первую премию «Грэмми». По данным компании BMG Russia, альбом «Voz D'Amor» уже достиг «золотого» статуса во Франции (разошелся в более чем ста тысячах копий). Мировой тираж диска составил 145 000 экземпляров.

...Интересно, что Сезария никогда не помышляла о мировой славе. Впервые она оказалась в Европе в 1985 году как делегат Национальной женской ассоциации Кабо-Верде: в столице Португалии Лиссабоне проводился международный форум по правам человека. Эвора переживала тогда настоящий кризис: почти десять лет (!) не выходила на сцену (а работала она в основном по ресторанам). Европейские продюсеры долго не обращали на нее никакого внимания, пока на счастливом горизонте певицы не показался ее земляк, живущий во Франции, Жузеда-Силва. Сезарии было уже 47 лет, когда она отправилась в Париж

для записи своей дебютной пластинки. Она-то и помогла певице завоевать первый успех. Однако настоящую европейскую славу Эвора обрела лишь с выходом своего четвертого диска «Miss Perfumado» (за что и получила забойное прозвище). Вскоре последовала череда гастролей по всему миру. В США, например, ей платят самые большие гонорары. Американцы впервые увидели певицу из Кабо-Верде в картине «Подполье» Эмира Кустурицы, в которой она спела одну песню. И — о чудо! — пригласили в Голливуд: озвучивать фильм по роману Чарльза Диккенса «Большие надежды» (1998). Там она спела «Бесамз мучо», и спела так, как никто до нее, хотя этот хит знает сотни блистательных кавер-версий. Дальнейшая раскрутка была уже делом техники.

И все же Эвора не стала такой всемогущей штучкой с миллионными гонорарами. Ей не нужны поместья и замки. Гастролируя по десять месяцев в году, она всегда возвращается в родной грешный Минделу, по которому скучает, как блудная дочь. Ездит странница на стареньком голубом «Форде» и, несмотря на свои 62 года, по-прежнему не вынимает сигареты изо рта. Ей плевать на условности. У нее трое взрослых детей от трех браков. «Я никогда не хотела иметь мужа», — бросила она в каком-то интервью. Мужененавистница? «Нет, просто я всегда жила со своей матерью, потому что она меня любит». Вот уж действительно: чудо из чудес.

Сергей БАТУСОВ

ЮРИЙ ЛОЗА: «ВЧЕРАШНИМИ КОТЛЕТАМИ НЕ ПИТАЮСЬ!»

Неисправимый лирик, певец и композитор Юрий Лоза до пятидесяти лет... промечтал: «О далеких краях, о волшебных дарах, что когда-нибудь под ноги вдруг упаду-ут, о бескрайних морях, об открытых дверя-а-ах, за которыми верят, и любят, и ждут...» Меломаны со стажем, конечно же, помнят этот культовый шлягер. А юные слушатели слышали его по «Радио ретро», «Маяку», «Радио России» или... из уст своих родителей, наверняка напевавших его на семейных вечеринках.

Сконца семидесятых и до начала девяностых Лоза был одним из самых известных музыкантов в СССР. Работал в ансамблях «Интеграл» (с Бари Алибасовым), «Зодчие» (с Юрием Давыдовым), а в 1983 году с подмосковной группой «Примус» записал один из популярнейших советских магнитоальбомов «Путешествие в рок-н-ролл». Это были ироничные, лиричные, тонкие и прикольные песни о странных людях «с улицы», интересных явлениях и романтических парнях, верящих в свое маленькое счастье и «умеющих мечтать». Облик самого артиста покорял демократичностью, простотой и какой-то вопиющей «неэстрадностью»: никаких блесков, модных пиджаков и «стильных» стрижек.

В это время появляются такие хиты, как «Баба Люба», «Девочка в баре», «Зима», «Девочка-весна», «Пиво»... В 1986 году Лоза успешно выступает в звонком перестроечном фестивале «Рок-панорама», его песни часто звучат на радио и ТВ, артист регулярно записывает сольные альбомы, много гастролирует.

Однако в девяностые годы с формированием шоу-бизнеса и новых коммерческих отношений ситуация резко меняется: Лоза все реже приглашаем в большие концерты, его песни постепенно исчезают из телепрограмм. Вот и получилось: «дальние дали», увы, не покорились, райские кущи с неба не свалились, а стальные двери новой «форматной» цензуры, чуть приоткрывшись, с грохотом затворились. Лозу, как большинство виноградарей в антиалкогольную кампанию, просто-напросто вырубili. К счастью, только из эфира, но не из памяти народной. Простые слушатели его по-прежнему любят.

Ветреные радиоволны иногда нехотя раскачивают его чуть покосившийся от времени, но вовсе не прогнивший и все такой же ладный «Плот», сбитый из «песен и слов». Но на нем, как известно, далеко не уплывешь. Впрочем, есть у Лозы и другие шлягеры: «Одиночество», «Пой, моя гитара», «Заповедные места»...

— Юрий, прежде ваши песни страдали от худсоветов и цензуры. Отчего же сейчас, в условиях почти тотальной свободы, вам как творцу по-прежнему нелегко?

— (Вздыхает.) Свобода и несвобода, как и все прочее, имеют две стороны медали. Раньше на одном запрещенном слове можно было сделать целую песню (и даже программу) и спокойно при этом жить (ну, относительно спокойно, конечно). Сейчас запрещенного ничего нет. Жанр сатиры на эстраде умер — это даже Жванецкий признал. Что делать? С кем бороться? На эстраду пришли новые люди. Как-то, стоя за кулисами, услышал диалог двух совсем юных старлеток, которые своих старших коллег — тех, кому чуть за тридцать, называли «ветхим старичьем». Тогда с ужасом подумал: кем же в их глазах должен быть я, кому уже пятьдесят! Наверно, каким-нибудь птеродактилем или бронтозавром!

— То есть вы выпали из времени? Складывается впечатление, что вам сегодня нигде нет места...

— Как говорится, се ля ви. На телевидение пробиться просто так невозможно. Там поет тот, кто деньги дает. Или имеет особый статус. Я же не собираюсь платить за собственное творчество. Когда я обратился на центральные каналы ТВ по поводу трансляции своего юби-

лейного концерта из зала «Россия», у меня спросили: «А Пугачева с Киркоровым там будут?» Я, естественно, ответил «нет», и мне сказали «до свидания». Пресса тоже вспоминает обо мне только в связи с какими-то курьезами. Как-то приезжаю домой, ключей нет, а сын заснул, да так, что ничем не разбудить. Дверь пришлось ломать. Так вот об этом раструбили все желтые газеты. А то, что у меня много новых глубоких философских работ, никому не интересно.

— А у вас их действительно много?

— Ну а что вы думаете — я просто так живу, небо копчу, что ли? Никак не могу выпустить свой новый альбом «Запрещенные песни», куда включил несколько не издававшихся ранее вещей. Недавно предлагал на радио свою новую и, как мне кажется, очень красивую композицию «Вот и прошел год», но все радиоканалы ответили мне, что она абсолютно «неформатна». Когда же я просил растолковать, что такое «формат», редакторы показывали мне какие-то хит-парады и плели сущую несусветицу в том духе, что я пишу слишком серьезные песни для очень взрослой аудитории — и не на один день, как надо бы, а, что называется, надолго.

— Как, например, знаменитый «Плот»!

— У этой песни счастливая, хотя и непростая судьба. Когда «Плот» только появился,

цензоры на худсоветах говорили, что у него – цитирую дословно – «некрасивая эстетика». Им очень не понравилась фраза: «Ну и пусть, будет нелегким мой путь, тянут ко дну боль и грусть, прежних ошибок груз». Но слушателям песня оказалась близка и на концертах проходила на ура. Была и еще одна проблема. В середине восьмидесятых я работал с группой «Зодчие», и четыре пятых репертуара любого эстрадного ансамбля должны были составлять песни членов Союза композиторов. Но как же мы могли петь чужие произведения? Тогда придумывались уловки. Например, авторство своих песен мы присваивали в рапортчиках... известным композиторам. «Плот» подписывался так: музыка А. Пахмутовой, стихи Н. Добронравова.

– Лихо! А если бы обман раскрылся?

– Вряд ли. Ни Пахмутова, ни Добронравов ничего об этом не знали. У членов творческих союзов никто никогда не спрашивал, писали они ту или иную песню или нет. Они просто получали деньги через агентство по авторским правам.

ВОЛК-ОДИНОЧКА

– Юра, а где вас лучше всего принимают – в столице или провинции?

– Зрители не различаются ни по возрасту, ни по месту жительства, ни по цвету волос. Я не делю публику на столичную и провинциальную. Но могу сказать, что лучше других меня понимает умный зритель – с развитым интеллектом и эрудицией. По опыту знаю, что для студен-

тов восемнадцати-девятнадцати лет я не менее интересен, чем для более возрастной аудитории. У меня есть свои приемы воздействия на зал. Например, со сцены я, как правило, не могу говорить так же, как в жизни. Я должен чуть «опускать» свою речь до уровня среднего слушателя: отказаться от длинных предложений, не использовать специальную терминологию, не произносить философскую «заумь» и выражения с двусмысленным толкованием. Каждое твое слово должно быть понятно абсолютно всем, даже если оно не совсем меткое в данном случае.

— *То есть чем ниже аудитория по интеллектуальному уровню, тем труднее с ней работать?*

— Безусловно. Тем меньше сценической свободы, тем больше я должен ограничивать себя в общении с залом, тем жестче будет отбор песен для исполнения. Потому что не весь мой репертуар понятен абсолютно всем. У меня есть вещи, которые я не исполняю в концертах никогда. В принципе, их можно видоизменить слегка, подстроить под сегодняшнюю конъюнктуру — но зачем?

— *Расскажите, как сегодняшние музыканты придумывают песни.*

— Элементарно. Сначала на студии прописывается ритмическая основа (тум-тум-тум-тум, удары в грудь, как я называю), затем на нее накладывается луп — специ-

ально записанный кусочек барабанной структуры, потом к нему подбирается басовая структура, добавляется аранжировочный элемент, потом придумываются мелодия (как правило, очень незадейливая) и текст (еще более примитивный). Когда я пишу песню, то поступаю наоборот: сначала придумываю мелодию и текст, а потом уже все остальное. Собственно, так всегда и поступали настоящие композиторы и музыканты.

— *Вы считаете, у нас нет сегодня сильных профессионалов в этой области?*

— Нет, хорошие музыканты, безусловно, есть, но их очень мало. И одна из главных бед нашей эстрады, о которой, кажется, пока еще никто не сказал во всеуслышание, — это отсутствие культуры «сейшна» — совместного музицирования. Музыканты, певцы (ну опять-таки за очень редким исключением) не умеют «джемовать» совместно. Сейчас многие артисты поют дуэтами, но делают это чисто механически, стоя рядом друг с другом, а их голоса звучат с хорошо сведенной фонограммы. Я вот уже много лет являюсь капитаном футбольной команды «Старко», где играют многие звезды поп- и рок-музыки. Так вот, там тоже существует эта проблема. Помню, в Мюнхене, когда нас попросили исполнить что-нибудь совместно, выяснилось, что никто не представляет, как

это надо делать, и получилось все очень нескладно и неумело.

— Вернемся к вашему творчеству. Что для вас наиболее важно в нем?

— Конечно, тема. Песня призвана нести содержание, она должна быть О ЧЕМ-ТО. Люблю, когда в песне есть какой-то подтекст, ирония. Но, согласитесь, в пятьдесят лет иронизировать уже очень сложно: можно скатиться в элементарное старческое брюзжание. В моем положении сегодня, наверно, надо петь о чем-то вечном, глобальном.

— Вы действительно так остро ощущаете свой возраст?

— Если быть совсем откровенным, то мне скорее не пятьдесят, а два раза по двадцать пять. Дело в том, что до двадцати пяти лет я был, так сказать, животным

стадным и пел в коллективах. Сначала самодеятельных — в школе, Казахском университете, где я учился на геофаке, потом в более-менее профессиональных. Мы играли в ресторанах, на свадьбах, вечеринках.

— В общем, кабацкая школа...

— Не только. Живя в Алматы, я познакомился с самыми разнообразными культурами, знал сотни песен, в том числе корейских, казахских, греческих, узбекских... Но потом все это надоело, и я решил сам сколачивать коллективы и ездить с ними на гастроли. В Усть-Каменогорске познакомился с Бари Алибасовым (он тогда руководил самодеятельностью в местном ДК), который и позвал меня в свою группу «Интеграл». Однако отношения с Алибасовым складывались неровно: часто возникали конфликты, ссоры и чуть ли не драки. К тому же в двадцать пять у меня произошла переоценка ценностей, и я понял, что человек в искусстве (если то, что делаю, можно назвать этим громким словом) всегда одинок. С тех пор сам по себе, этакий изгой, волк-одиночка. Никому не принадлежу, и мной никто не командует.

ЭМИНЕМ В ОПАЛЕ

— Вам часто заказывают песни?

— Довольно часто. Но вот беда: я не умею писать хиты-

пустышки про «муси-пуси». Мои песни обязательно или для ума, или для души, или для сердца. Несколько лет назад у меня даже альбомы выходили с аналогичными названиями. Иногда музредакторы на радио говорят: «А вот слабо тебе сочинить песню для мальчика?» Ребята, говорю, да для меня написать песню для мальчика – это сделать десять шагов назад. Я должен войти в образ этого «юного друга», написать вещь как бы от его имени, он попоет ее до тех пор, пока не кончатся деньги спонсора, и все – песня умрет. Для меня это пальба из пушки по воробьям.

– Но у вас ведь сын тинэйджерского возраста, который тоже избрал творческую стезю...

– И даже ему я ничего писать не буду. До тех пор, пока

у него не появится, что сказать людям, на эстраду он не выйдет. Пусть сам пробивается.

– Круто. Кстати, как его имя и где он учится?

– Его зовут Олег, ему семнадцать с половиной лет. Учится в Гнесинском училище на третьем курсе вокального отделения. У него баритон.

– Но чему-то своего сына вы все-таки научили?

– Главное, что я ему внушаю, – это критическое отношение к высказываниям любых авторитетов, в том числе и моим. Тогда ему будет легче жить, а мне с ним легче общаться. Тем паче, что авторитетом для подростка и юноши является, как правило, ровесник из его близкого окружения (во дворе, школе, институте) или некая новомодная «звезда», чуть старше его по возрасту и приз-

нанная таковой в его среде. Я хочу, чтобы сын перестал быть человеком стадным (а мода — это тоже элемент стадности) и пришел, наконец, к самобытности и индивидуальности.

— *А вы разве не проходили этот путь?*

— Пусть сын сделает это быстрее, чем когда-то я.

— *Олег не дерзит вам: «Отец, ну что ты пел, что ты пел!»?*

— А существуют ли два поколения, которые не били бы друг друга? Для новой генерации людей все мы — анахронизмы. Когда сын начинает утверждать, что Эминем — это музыка, а я говорю «нет», — мы автоматически переходим к конфликту. Единственно, чем я могу воздействовать на его мозги, это после прослушивания им всякого музыкального мусора поставить на проигрыватель старенькую пластинку Джеймса Брауна, Элвиса Пресли или «Битлз» и доказать тем самым, что все эти новые идолы, вроде Эминема или Уильямса, ничего нового, извините за каламбур, не придумали.

— *Но, согласитесь, все в этой жизни уже было!*

— Дело в том, что никакого искусства сегодня нет. Если раньше каждое новое поколение музыкантов было поколением творцов, то сейчас подросло поколение поль-зо-ва-те-лей. Молодые «Битлз», «Rolling Stones», «Police», «Deep Purple», «Led Zeppelin», Энд-

рю Ллойд Уэббер и другие создавали нечто новое, то, чего до них не существовало. Я беру самые крупные вехи в легком жанре. Сегодняшняя молодежь просто использует стилистику, гармонии и прочие музыкальные приемы, наработанные старыми корифеями, придумывая для них новую упаковку. Я не собираюсь этим заниматься — придумывать новые названия для вчерашних котлет. Поверьте, ничего свежего и оригинального ни на эстраде, ни в классике за последние десятилетия создано не было.

СКРИПЫ ЛИПЫ

— *В вашем голосе все время слышится грусть, какая-то неудовлетворенность временем, в котором живете. Вам не жаль разме-*

нивать себя на деструктивные эмоции?

– Может, так кажется со стороны? На самом деле я никого не обличаю, а просто констатирую факты, размышляю, это мой стиль общения. Хочу, чтобы люди немного глубже задумывались над тем, что происходит сегодня в шоу-бизнесе. Ведь я, несмотря ни на что, тоже живу по его законам и нормам. Вернее, пытаюсь найти золотую середину, компромисс между индивидуальностью и «стадностью».

– А что, по-вашему, есть «норма» и выход за ее пределы?

– Об этом сейчас много говорят. Я нашел, как мне кажется, хорошую иллюстрацию сути данного спора: писать – это норма, а писать на кремлевскую стену – это вне нормы.

– *Остроумно! Но согласитесь, вопрос «нормы» и ее пределов далеко не всегда так легко решается...*

– Конечно. Но ответы, тем не менее, искать нужно. И самое трудное – внутри всех этих правил и условностей остаться самим собой. Скажем, я никогда не стремился примкнуть к какому-нибудь клану, хотя прекрасно понимаю, что если бы был внутри, к примеру, системы «АПС», то у меня было бы в сто раз больше эфиров и я заработал бы гораздо больше денег. Но встать восемнадцатым в очередь за новой песней Крутого я, хоть режьте, не могу.

– Есть и другие варианты...

– Правильно: ходить в баню, клубы по интересам и прочие места, где необходимо селиться. Ради карьеры. Но я, увы, ничего этого не делаю. Ну не могу я заставить себя пойти к нужному человеку, в нужное место, выпивать с ним, обниматься, чтобы получить деньги на раскрутку песни и клипа! И все-таки я достаточно обеспеченный человек, чтобы не стоять с протянутой рукой. Несмотря на отсутствие эфиров, я – один из самых востребованных гастролеров в России. У меня есть своя студия, где тоже хватает работы.

– А кто у вас записывается?

– Разные исполнители. Часто бывает так. Приведет какой-нибудь богатый человек девочку и говорит: «Она такая талантливая, голосистая, такая-растакая, поработайте с ней, вот вам деньги. А если ничего не получится, она пойдет с горя в медицинский». А девочка самая заурядная, посредственная, без слез не взглянешь. Нет, говорю, если выбирать, то пусть уж идет на сцену – по крайней мере, вреда людям сделает меньше (*смеется*).

– *И то верно! Главное, чтоб жена не ревновала. Кстати, кто Светлана по профессии?*

– Даже трудно сказать сразу. Многожаночница. Первое ее образование – киношное, да и на эстраде она поет вместе со мной уже

Юрий Лоза
с женой Светланой

давно. Когда-то участвовала в каком-то конкурсе в Питере. А еще Светлана – поэт, окончила Литинститут, член Союза писателей. У нее вышла книга стихов. Но продать ее сегодня практически невозможно. За место на лотке или в киоске надо платить. А среди многочисленных толстых детективных романов Дарьи Донцовой и Полины Дашковой редкие тоненькие поэтические тетрадки просто теряются. Да и кому нужны сейчас хорошие стихи?

– И тогда вы решили заняться раскруткой жены, сняли симпатичный осенний клип с Никасом Сафроновым, а песня «Липа, слышишь, липа» узнается буквально по первым тактам...

– Светлана сама пишет музыку, тексты, сама с удовольствием исполняет свои

песни, к тому же прекрасно выглядит, и я хочу, чтобы это знали все. Чтобы каждый ее выход на сцену не сопровождался вопросом из зала: а кто это? Всего менее хочется, чтобы Светлану воспринимали только как жену Юрия Лозы. Так что сейчас я озадачен тем, чтобы у нее появился, наконец, определенный имидж и статус. Она давно уже записала очень симпатичный альбом, который нравится людям, но в нашей стране это ничего не значит. Впрочем, о порочных «форматах» радио и ТВ мы с вами уже говорили.

– И что же, надо опустить руки?

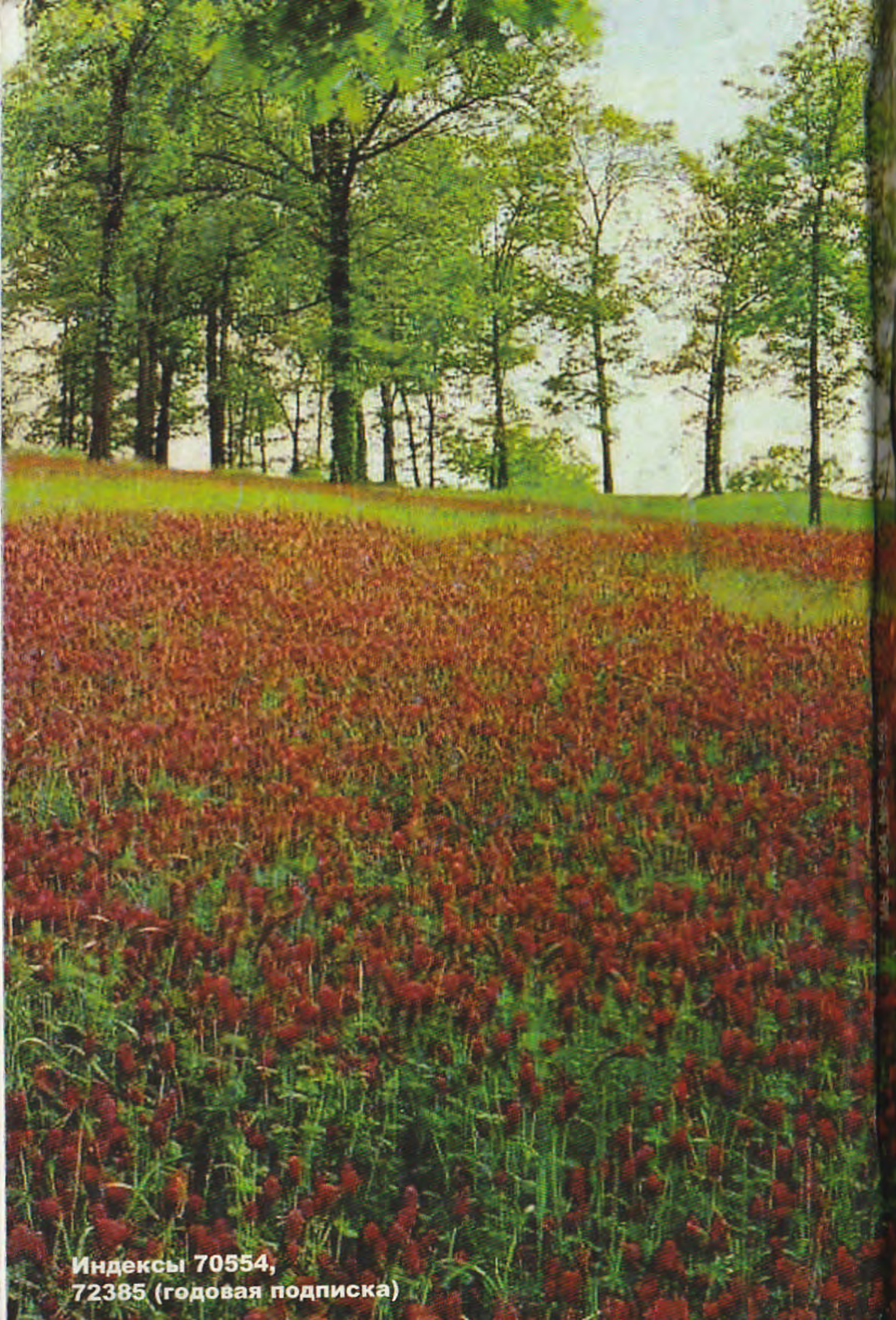
– Вот вам! Не дождетесь!

**Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ**

Фото Ирины Калединой
и из архива Юрия Лозы

Юрий
ЛОЗА

Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)